

A fantastical landscape under a dramatic sky. The sky transitions from a deep blue with stars at the top to a bright orange and yellow sunset on the left. In the center, a large, intricate, crystalline structure resembling a giant eye or a complex biological form sits atop a hill. To the right, a tall, slender tower with a domed top stands against the sky. The foreground is a rugged, rocky terrain with a path of shimmering, rippling sand or water that leads towards the central structure.

ИАР ЭЛЬТЕРРУС

ЧЕСТЬ

ОТЗВУКИ
СЕРЕБРЯНОГО
ВЕТРА

МЫ - ЕСТЬ!

Отзвуки серебряного ветра

Иар Эльтеррус

Мы – есть! Честь

«Автор»

2006

Эльтеррус И.

Мы – есть! Честь / И. Эльтеррус — «Автор», 2006 — (Отзвуки серебряного ветра)

ISBN 978-5-9922-0110-9

Порой человеку приходится выбирать между жизнью и честью. Выбравший жизнь может даже и выжить. Только жизнь его будет подобна жизни скулящей подзаборной собачонки. А вот выбравший честь? Свое собственное мнение о себе самом? Да, такой может и умереть. Но кто знает, а не откроются ли перед ним звезды? Не услышит ли он звучащий в его душе серебряный ветер? Не увидит ли такие разные миры бесконечной вселенной? Нескольким русским офицерам предстоит сделать этот выбор...

ISBN 978-5-9922-0110-9

© Эльтеррус И., 2006
© Автор, 2006

Содержание

Интерлюдия	7
Глава 1	9
Глава 2	51
Глава 3	82
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Иар Эльтеррус Мы – есть! Честь

Иар Эльтеррус

* * *

Памяти Виктора Васильевича Сметанки и всех остальных мечтателей, сгинувших в этом безжалостном мире боли и зла, посвящается.

*Мне бы крылья, чтоб в небо
С зарей на восток,
Чтоб с грозой я силой помериться мог,
Чтобы ветер шальной,
Что средь звезд побывал,
О заветной мечте
Мне забыть не давал.
Ввысь лететь над Землей
И от счастья орать,
Ветер мне о мечте не дает забывать.
И отрицув судьбу, и невзгоды забыв,
Я умчусь, как шальной,
Повторяя призыв:
Ветер, ветер в моих руках,
Крылья расправлю я в облаках.
Тот, кто с мечтою в душе рожден,
Изменит природы унылый закон.
Пыль земли и дорог
Мне совсем ни к чему.
Лучше звездную пыль я в ладонь соберу.
Видал только во сне,
Но подумать не мог,
Что Создатель такой вот
Сюрприз приберег.
Два огромных крыла у меня за спиной,
И со мною теперь этот ветер шальной.
Оторвавшись навек
От унылой земли,
Я уйду сквозь зарю
И исчезну вдали.
Ветер, ветер в моих руках,
Крылья расправлю я в облаках.
Тот, кто с мечтою в душе рожден,
Изменит природы унылый закон.
Татьяна Толстова, «Крылья Ветра»*

«Отзвуки серебряного ветра» – это моя попытка найти выход из тупика, в котором оказался наш мир. Тупика подлости, жестокости и корысти.

Искушенному читателю мир ордена Аарн может показаться несколько схематичным. Вполне возможно. Но мне важно было донести основную идею, а второстепенные детали и научная достоверность не имеют для меня особого значения.

Меры веса, длины и времени в романе даны в привычных для русскоязычного читателя единицах.

Новые термины объяснены либо в самом тексте, либо в сносках. Новые идиоматические обороты приближены к русским и, надеюсь, не вызовут у читателя затруднений.

Все совпадения с реально существующими людьми или событиями случайны, роман с начала и до конца является плодом авторской фантазии.

Автор выражает свою искреннюю благодарность редакторам Любови Зиновьевне Лейбзон и Евгению Геннадьевичу Коненкину, без помощи которых эта книга так и не обрела бы законченный вид. Слишком много лет она писалась. Также автор благодарит участников форума <http://forum.elterrus.net> за помощь и подсказки, за бесконечный, длившийся годами поиск логических несоответствий, за сотни высказанных идей, военных концепций и типов оружия, за рисунки, стихи, песни и составление энциклопедии обитаемой галактики http://wiki.elterrus.net/Энциклопедия_мира_ОСВ, составить которую самому автору просто не хватило бы терпения.

Интерлюдия

Как странно и непривычно. Я смотрел на тихо сопящую в подушку девушку и улыбался, сам не зная чему. Хорошая ты моя... До невозможности непривычно видеть кого-то рядом. За последнюю тысячу лет я слишком привык к одиночеству и не верил, что может быть по-иному. Если бы не эта девочка, не ее настойчивость, не ее любовь, не ее вера, я так и остался бы один, так и продолжил бы прятаться в свою раковину и делать вид, что счастлив и ничего мне не нужно. Сейчас я, наверное, действительно могу назвать себя счастливым. Хоть в малости.

Только вот пророчество... Увы, оно висело над головой, и впереди нас ждало что-то страшное. Что? Хотел бы я знать. Но не знаю. И мне страшно...

Кто-то станет смеяться – как же, величайший маг последних двадцати тысячелетий чего-то боится. Но я же не бог, а всего лишь человек. Пусть знающий и умеющий немного больше других, пусть бессмертный, но все равно человек. И я боюсь. Однако складывать лапки и покорно идти ко дну не намерен. Не ждите. Я еще побарахтаюсь. И пусть не ждет пощады тот, кто встанет на моем пути или причинит зло моим детям. Прощать я давным давно разучился.

Не желая тревожить любимую, я осторожно тронул ближайшую линию вероятности, перенеся себя к иллюминатору. Спать не хотелось. Впрочем, желание здесь ни при чем, не мог просто. Сердце сжималось, казалось, что-то черное и страшное нависло надо мной, не давая дышать, не давая верить хоть во что-то хорошее. Неужели мои дети должны платить за мои старые грехи, Создатель?

Закусив губу, я уставился в темноту космоса. Перед глазами снова вставал приснившийся вчера кошмар. Пылающие города. Сгорающие заживо дети. Гибель всего, что мне дорого. Маленький мальчик, закрывающий собой совсем уж крохотную девочку. И стреляющий в них солдат. Нет, я не допущу этого! Слышишь, Создатель?! Не допущу!

Руки дрожали, зубы скрипели. В этот момент я, наверное, снова походил на человека, которого когда-то давно называли Темным Мастером. Пусть. Но я все равно не допущу воплощения кошмара. Или хотя бы сведу его последствия до минимума. Что я должен для этого сделать? Пока не знаю. Но узнаю, и никто после этого меня не остановит. Никто. И ничто. Т'Сад прав, даже в случае падения можно многое спасти. И я спасу.

Я усмехнулся собственным наивным мыслям. Если Создатель пожелает, то все мои усилия окажутся тщетными. К сожалению. Но ничего не делать тоже нельзя, под лежащий камень вода не течет.

Слишком много воли я вам дал, господи папу. Решил, что вы способны хоть что-то понять. Способны стать хоть немного добрее. Способны пожалеть хоть кого-то. Увы, я ошибся, ваша жажда власти и богатства лишает вас остатков разума и совести. А раз так, придется контролировать вас куда жестче. Но не так, как я делал это до сих пор.

Незачем ошеломлять вас могуществом и вызывать вашу ненависть. Лучшее делать все исподволь, тайно, вы и подозревать не должны, что находитесь под чьим-то контролем. Мой неизвестный враг именно так и поступил, и теперь вы пляшите под его дудку. Правильно, совершенно правильно. Он на данном этапе оказался умнее меня, и теперь моя задача – вырвать контроль из его рук и передать моим детям. Нам, по крайней мере, от вас ничего не нужно. Кроме одного. Мы хотим, чтобы вы не творили зла ради выгоды. Не насиловали и не убивали. Всего лишь. Это ведь так немного...

Впереди показался шарик далекого мира. Вот мы и дома. Короткая мысленная команда, и планета скачком приблизилась, развернувшись во весь стеной экран. Облачные столбы

горели под лучами солнца розовым светом. Между ними плыли в воздухе золотисто-синие города. Их прекрасные башни заставили меня забыть обо всем и радостно рассмеяться.

Это вашими руками, дети мои, создано! Вашими. И что бы ни говорили ненавидящие нас, как бы ни поносили, нам безразличны их слова.

Мы – здесь!

Мы – живем!

Мы – создаем новое!

Мы – верим!

Мы – любим!

Мы – есть!

Из ненаписанного дневника Илара ран Дара

Глава 1

– А что это вы, Володя, так скисли? – незлобивая ирония штабс-капитана Шаронского заставила юношу поежиться и виновато посмотреть на говорившего. – Возьмите себя в руки и не сдавайтесь, друг мой! Пока мы еще живы, а значит, не все потеряно. Вы офицер, а не институтка, черт возьми!

Семнадцатилетнему корнету очень хотелось заплакать в ответ, но он сдержался и с трудом заставил себя улыбнуться. Штабс-капитан одобрительно хлопнул его по плечу, после чего сам постарался сесть поудобнее, что оказалось не так-то просто, учитывая их положение. Да и место было донельзя гнусным. Оглянувшись, он незаметно вздохнул. Темная и сырая подвальная камера, в которой держали пленных офицеров, была промозгло-холодной, а хотя бы относительно теплой одежды ни у кого не нашлось. Впрочем, даже если кто и простудится, это уже не имеет значения. Все равно завтра на рассвете их расстреляют. Отправят в штаб к Духонину, как говорится...

Очень не хотелось умирать, но от его желания мало что зависело. Штабс-капитан привалился спиной к сырой холодной каменной стене и позволил почти незаметной усмешке скользнуть по губам: смерти он давно не боялся – после всего, что довелось пережить за последние годы. Страшные годы. Казалось, люди поголовно сошли с ума, сам Бог отвернулся от них. Что ж, наверное, так оно и было, трудно как-то иначе объяснить происходящее. Какой-то кровавый кошмар, право.

– О чем задумались, Николай Александрович? – вопрос подполковника Куневича прозвучал над самым ухом, и штабс-капитан повернулся к немолодому уже человеку.

– Да вот, Виктор Петрович, философствую напоследок, – с иронией сказал он. – Пытаюсь хоть себе самому объяснить что-нибудь в том, что с нами всеми случилось. И знаете, ничего не получается. Не понимаю. Ничего не понимаю.

– Если вы думаете, что кто-то другой понимает, то ошибаетесь...

Подполковник присел рядом и опустил голову. Николай знал его уже два года, и до сих пор пытался понять, что забыл ученый-астроном в армии. Впрочем, война не обычная. Гражданская, чтоб ей... Тут в стороне остаться не получится, видал он тех, кто пытался. Стреляли их и белые, и красные. Мысли снова вернулись к подполковнику Куневичу. А ведь хороший офицер из книжного червя получился, черт возьми, опытный, толковый, его уважали в полку все. Никогда и никому не отказывал в помощи, солдат держал в строгости, воевал грамотно и пуле не кланялся.

Они познакомились во время кошмарного Ледового похода, подружились, и с тех пор капризная фронтовая судьба не разлучала друзей. Даже в Сибирь, к Колчаку, попали каким-то чудом вместе. Воевали, как могли, ранения давно никто не считал, не до того было. Когда стало ясно, что война проиграна, у друзей появились, конечно, мысли об эмиграции, да куда там – те, кто находились ближе к монгольской границе, еще могли каким-то чудом прорваться, но добраться до границы из-под самого Иркутска? Нереально.

Однако сдаваться живыми никто не собирался, и вместе с группой корниловцев, которым нечего было ждать пощады от большевиков, друзья ушли в леса и пробирались сами не зная куда. Только старательно избегали деревень, где чаще всего уже квартировали красные. Надежда все-таки умирает последней, и офицеры упорно шли к границе. Но не повезло – напорились на большой отряд балтийских матросов, непонятно что и делающих посреди тайги. А эти воевать умели хорошо, особенно со смертельно уставшими, замерзшими людьми, у которых почти не осталось патронов.

Кого постреляли на месте, а вот их с Виктором и трех оставшихся в живых корниловцев зачем-то привезли в Иркутск. Большевикам вздумалось устроить публичный революцион-

ный трибунал над «палачами трудового народа». Вспомнив эту пародию на цивилизованный суд, Николай гадливо скривился. Естественно, приговор был ясен заранее. Расстрел. Причем, с какой-то стати – публичный. Чего хотели этим добиться красные, штабс-капитан так и не понял, жаргон «победившего пролетариата» был переполнен трескучей демагогией. В конце концов, он и пытаться перестал.

Почему-то их не расстреляли сразу после суда, ожидали прибытия какого-то высокопоставленного комиссара. Зачем? Ведь тысячи и тысячи пленных поставили к стенке без каких-либо церемоний. Но пожить лишние пару дней... Надежда на чудо не оставляла никого, человек не может примириться с собственной смертью и надеется до последнего. Даже когда всходит на эшафот, надеется. Сначала они сидели впятером с теми же тремя оставшимися в живых корниловцами – штабс-капитаном Никитой Ненашевым и двумя поручиками, Александром Оринским и Олегом Малером.

Через несколько дней в подвал бросили семнадцатилетнего мальчишку-корнета. Кто только брал таких мальчишек в армию? Впрочем, после того, как Володя рассказал свою историю, все стало ясно. Большевики по чьему-то доносу расстреляли его семью, и Владимир поклялся отомстить убийцам со всем пылом юного сердца. Вот только повоевать так и не успел – армию Колчака разгромили. Зато попался большевикам, и теперь вместе с остальными ждал расстрела. Странно, но офицеры начали опекать юношу, как не опекали бы, наверное, и собственных детей, если бы таковые у них имелись. Каждый старался поддержать Володю, рассказать ему что-нибудь смешное. А тому было очень страшно, но корнет держал себя в руках и даже пытался шутить.

– Что ж, – донесся до Николая голос Виктора Петровича. – По крайней мере, мы сделали все, что могли...

– Наверное, вы правы, господин подполковник, – отозвался из своего угла штабс-капитан Ненашев. – Вот только результата наши усилия не принесли. Хотелось бы все же понять, почему все это случилось...

– Да первопричина-то как раз понятна, – вздохнул Виктор Петрович. – Жажда справедливости. А им ее пообещали.

– Причем здесь справедливость? – с недоумением спросил кто-то из поручиков, в полутьме Николай не понял, кто именно.

– А вы подумайте, поручик. Представьте себе, что вы умны и талантливы, но бедны и не имеете никакой возможности учиться. А потому обречены всю жизнь тяжело и беспросветно работать, когда кто-то рядом жирует. Причем, чаще всего, жирующие глупее и подлее вас. Сколько я таких умных и талантливых ребят встречал... И почти все они стали красными...

– Вот именно, эти ваши «умные и талантливые» взяли винтовки и пошли грабить тех, кто богаче, – с иронией процедил сквозь зубы Ненашев. – Нет, чтобы самим добиваться, отобрать-то всяко проще. Я вот только одного не пойму, господин подполковник.

– Чего?

– Раз вы так думаете о краснопузых, то почему воевали против них, а не наоборот?

– Почему? – иронично приподнял брови Виктор Петрович. – Да потому, что за красными стоит кто-то очень страшный. Жаждущими социальной справедливости дурачками воспользовались, чтобы прийти к власти. И, как я уже говорил, кто-то очень страшный.

– Уж не сатану ли вы имеете в виду? – с еще большей иронией поинтересовался штабс-капитан.

– Да нет... – криво усмехнулся подполковник. – Людей. Вот только эти люди пострашнее сатаны будут, по моему мнению. Нас с красными просто стравили, как стравливают две своры псов. И я даю гарантию, что, разобравшись с нами, пришедшие к власти потихоньку перережут и самих красных. Вспомните Робеспьера и иже с ним. Революция – это свинья, которая пожирает своих детей.

– Вот уж я посмеюсь, коли вы правы, – зло хохотнул Ненашев. – Да жаль, не доживу.

Ругань красноармейцев за дверь привлекла внимание офицеров, и они замолчали. Что-то новенькое? Странно, все уже, казалось, было решено, приговоренные даже исповедались друг другу за неимением священника. Неужели решили не ждать утра, и их расстреляют прямо сейчас? Эта мысль пришла в голову каждому. Володя судорожно вдохнул, но губы юноши попытались сложиться в подобие улыбки. Один за другим офицеры поднимались на ноги и молча стояли, ожидая своей судьбы. Дверь отворилась, и внутрь швырнули человека. Он кубарем покатился по полу и глухо застонал. Николай подбежал к новому товарищу по несчастью и помог подняться. Тот с трудом встал на ноги и витиевато выругался. Затем поднял глаза на штабс-капитана.

– Благодарю вас, сударь, – сказал он и склонил голову.

Внимательно посмотрев на нового узника, Николай только головой покачал. Столь породистого лица ему видеть еще не доводилось. Естественно-высокомерное, холеное, невероятно красивое. Все черты соразмерны, но в совокупности производили довольно странное впечатление. Этому человеку хотелось довериться. При этом его красота была именно мужской, никак не женской. И незнакомец разгуливал с таким лицом по красному Иркутску? Даже не замаскировавшись? Шутник он, в таком случае... Не удивительно, что обладатель породистого лица попал, в конце концов, в этот подвал. Да и выправка говорила сама за себя. Перед ними стоял такой же офицер, как и все здесь. К тому же, скорее всего, дворянин. А новичок снова повернулся к дверям.

– Вернули бы инструмент, господа красноармейцы! – разнесся по подвалу прекрасно поставленный баритон, но произносил слова он как-то странно, с почти незаметным акцентом. – Хоть перед смертью спеть. Последнее желание.

Один из стоящих на пороге красноармейцев, грузный небритый детина в английской шинели, матерно выругался и погрозил говорившему кулаком. Второй, явно хохол, почему-то не поддержал товарища.

– Та виддай ты йому ту гытару, ранком, як його стрелють, знову соби визьмешь, – сказал он, сплюнув на пол желтую табачную слюну. – Хай постпивае хлопечь в останний раз. До чого ж гарно спивае, вражина! Та й мы з-пид викна послухаемо.

– А коли сломает? – возмутился тот. – Он же вражина! Сломает, чтобы бедному человеку не досталось!

– Да не беспокойтесь вы, – рассмеялся новичок. – Не стану я ломать этот инструмент, он у меня с детства, и отношения у нас с ним особые. Пусть и после меня кому-нибудь послужит.

– А! – махнул рукой красноармеец. – Черт с тобой, бери! Только смотри, коли сломаешь, сразу не убью, долго мучиться будешь. И спой что-нить красивое. Про любовь. Хоть ту жалостливую, чо утром на площади пел.

Он нахмурился, изобразив большое мыслительное усилие, немного постоял, а потом достал из-за спины потертый кожаный футляр и швырнул его новичку. Тот ловко поймал брошенное и иронично поклонился, разведя руки в стороны. Красноармеец снова выматерился и вышел, захлопнув за собой дверь камеры. Хохол ушел еще раньше. Слышно было, как заскрежетал запираемый замок. Новичок повернулся к молча стоявшим офицерам и поклонился уже вежливо.

– Позвольте представиться, господа, – сказал он все тем же великолепно звучащим баритоном. – Дварх-лейтенант Лар даль Далливан, легион «Ищущие Мглу», орден Аарн.

– Дварх-лейтенант? – с недоумением переспросил штабс-капитан Ненашев. – Это, простите меня, что за звание такое?

– Нечто среднее между вашим поручиком и штабс-капитаном, точнее не могу сформулировать. Я очень издалека, господа. И у нас все иначе.

Дварх-лейтенант снова развел руками и открыто, широко улыбнулся.

– Так вы иностранец? – спросил Виктор.

– Именно так.

– Тогда почему не сказали об этом красным? Больше шансов в живых остаться...

– Жизнь – ничто, – усмехнулся дварх-лейтенант. – Честь – все. Не стал я унижаться и лгать, господа. Попался так попался.

– Попались? – подозрительно прищурился Ненашев, служивший раньше в контрразведке. – Так вы что, господин хороший, шпион будете? Чей, интересно? В какой это армии существуют звания, подобные вашему? Я что-то таких не припомню...

– Да, я был в разведке и попался, – не стал скрывать странный офицер. – По-вашему, наверное, шпион. Нас заинтересовало, что у вас здесь такое происходит. Но я сгруппировался, не подумал, что бродячий музыкант – неподходящее прикрытие. Попел песенки на улице, там и взяли. Сходу. Какие-то малопонятные господа комиссары в кожаных куртках обвинили меня в том, что я «палач трудового народа» и «каратель», дали несколько раз в зубы и приказали отвести сюда. Еще сказали, что утром расстреляют. Хотел бы я только понять – за что? Что я им такого сделал? Ну, ладно, пел странные песни на площади. Так ведь больше ничего! Да и наши в этой стране еще не бывали.

– По-русски говорите совершенно свободно, – скептически прищурился Ненашев, остальные офицеры переглянулись. – А в стране впервые. Ну-ну...

– Вы можете не верить, – пожал плечами дварх-лейтенант. – Это ваше право. Только не забывайте, что завтра утром нас всех вместе поставят к стенке, и ваша вера больше не будет иметь никакого значения.

– Вы полностью правы, господин дварх-лейтенант! – рассмеялся штабс-капитан. – Я забыл, что уже не в контрразведке служу, а в подвале у красных расстрела жду. Но согласитесь, ваша история весьма странно выглядит.

– Согласен, – кивнул тот. – Странно. Но я не лгу. Я действительно очень издалека, да и оказались мы в вашей области пространства совершенно случайно. Если среди вас есть астрономы, я мог бы объяснить подробнее.

– Я астроном, – подал голос Виктор Петрович. – Подполковник Куневич. Хотя какое отношение имеет моя бывшая профессия к вашим объяснениям?

– Рад познакомиться, господин подполковник. А ваша профессия... Присядем, господа.

Дварх-лейтенант царственным жестом указал на пол, словно приглашал присутствующих рассестись в мягких и удобных креслах, а не на холодном и грязном каменном полу. Офицеры переглянулись, этот странный человек почему-то вызывал доверие, несмотря на его дикий рассказ. То, что перед ними тоже офицер, доказательств не требовало – выправка, культура движений и множество неуловимых мелочей говорили опытному глазу немало.

Махнув рукой, Николай сел напротив дварх-лейтенанта и снова внимательно посмотрел на него. Да, вот что его настораживало! Чуждость. Неподдающаяся объяснению чуждость этого человека, его отстраненность и полное безразличие к тому, что утром его расстреляют. Он вел себя совершенно непринужденно, словно находился в аристократической гостиной, а не в темной сырой камере. Интересно, что он еще расскажет? Да что бы ни рассказал, хоть какое-то развлечение напоследок. Между собой пленные офицеры почти и не говорили, успели хорошо изучить друг друга и знали, чего ждать от остальных.

– Кстати, господа, вы все, кроме господина подполковника, еще не представились, – с почти неприметной ироничной улыбкой сказал дварх-лейтенант, подождя, пока остальные сядут.

– Простите, – смутился Николай, – штабс-капитан Шаронский, Николай Александрович.

Затем он по очереди представил остальных товарищей по несчастью. Дварх-лейтенант открыто улыбался каждому, и каждому же почему-то казалось, что его душу взвешивают на каких-то эфирных весах. Оценивают его самого и всю его жизнь по каким-то своим, совер-

шенно нечеловеческим меркам. Странное ощущение... Странное и тревожное. Почему-то забывалось, что завтра их не станет. Почему-то казалось, что впереди ждет что-то невероятное, невозможное. Что впереди ждет чудо. А непонятный иностранец рассматривал русских офицеров с доброй, детской какой-то улыбкой. Николай был уверен в том, что этот самый дварх-лейтенант только что сделал для себя какие-то только ему известные выводы о каждом из присутствующих. И этим изменил их судьбы. Чушь, как будто, но Николаю так казалось, да что там, он был почти уверен, что прав. Иностранец посмотрел на него пристальнее, и в его взгляде офицер увидел искреннее удивление.

«Да что он, телепат, что ли?» – мелькнула растерянная мысль, а тот медленно опустил веки, словно соглашаясь с выводами штабс-капитана. Николай даже встряхнулся, чтобы избавиться от наваждения, да только не помогло.

– Итак, господа, – прервал молчание дварх-лейтенант. – Я расскажу все, что возможно. Вы можете мне не верить, но я не лгу. То же самое я рассказал господам комиссарам, они не поверили, и вот я в этом подвале. Впрочем, кое-чего я им не показал. Уж больно они жестоки...

Он устроился поудобнее и щелкнул пальцами. Стена напротив вдруг засветилась, и ошеломленные офицеры увидели на ней звездное небо.

– Что это? – с трудом выдавил из себя поручик Малер.

– Запись событий, изображения и звука. Вас, кажется, Олегом Владимировичем зовут, господин поручик?

Тот судорожно кивнул.

– Итак, продолжу. Кое-кто из вас, наверное, слышал о теории множественности миров?

– Естественно, – усмехнулся Виктор Петрович. – Я, конечно же, слышал, астроном все-таки. Не хотите ли вы сказать, что вы не с нашей планеты?..

– Именно это я и хочу сказать, – улыбнулся дварх-лейтенант. – Наш крейсер совершал самое обычное патрулирование окраин обитаемой галактики...

– Обитаемая галактика... – задумчиво протянул подполковник. – Звучит, как песня. Однако поверить в это очень трудно.

Остальные офицеры потрясенно молчали, только с тревогой поглядывали на мерцающие в углу камеры звезды. Дварх-лейтенант пожал плечами и продолжил:

– Так вот, мы совершали самый обычный патрульный полет. Точнее, почти обычный – несколько гиперфизиков, среди которых оба Бенсона были, решили провести эксперимент по исследованию свернутых областей пространства-времени и выбрали для установки своего оборудования наш крейсер. Не было ли среди знакомых вам ученых, господин подполковник, кого-нибудь, выдвигавшего идеи о существовании замкнутых локальных пространственно-временных областей?

– Не помню что-то... – Виктор Петрович задумчиво потер подбородок. – Хотя однажды профессор Варинский что-то такое говорил... Вот только убей меня бог, ежели я вспомню, что именно.

– Ничего страшного, – почти неслышно рассмеялся дварх-лейтенант. – Я и сам понимаю гипер – и астрофизику на уровне младенца. Не мое это дело – наука, мое – это музыка.

– Но вы же офицер! – возразил Ненашев.

– Временно, господа, только временно. Начало уже надоедать носиться по всей галактике, хочется где-то осесть, выстроить дом, вырастить сына. Может, еще года два-три послужу, а там – в отставку. Пора заняться музыкой всерьез.

– Послужите? – иронично приподнял бровь штабс-капитан. – Значит, ваши, кем бы они там ни были, вас вытащат отсюда?

– Кто знает, господин штабс-капитан, кто знает... – с легкой иронией протянул иностранец. – Подождем и увидим.

Ненашев приподнял бровь и задумчиво хмыкнул. Похоже, у них появилась надежда остаться в живых – человек, подобный этому дварх-лейтенанту, вряд ли бросит в беде даже случайных знакомых. Если только его командование не оставит здесь его самого, что весьма вероятно. Штабс-капитан сталкивался с такими ситуациями сплошь и рядом, поэтому не доверял никому высокопоставленному. Все они одним миром мазаны. Он был уверен, что начальство в этом самом ордене Аарн ничем не отличается от любого другого.

– Так вот, – продолжил дварх-лейтенант, – бывают односторонне замкнутые локальные области пространства-времени.

Он показал на продолжавшие мерцать на стене подвала звезды, и вслед за движением его пальца на изображении появилась тонкая линия, охватывающая небольшое звездное скопление. Оно как бы подернулось дымкой и стало нечетким. Никогда не видевшие подобного офицеры зачарованно следили за медленно меняющимся изображением, ничего при этом не понимая. Что хотел сказать непонятный то ли иностранец, то ли инопланетянин? Что он действительно из народа, значительно опередившего в развитии все известные им, стало ясно уже каждому. Но в инопланетное происхождение поверить было просто невозможно. Тогда кто он и откуда? Вопросы без ответов...

Николай понемногу начинал верить странному офицеру. Да и не только он. В душе каждого возникла отчаянная, глубоко упрятанная надежда, что их судьба может измениться. Что дварх-лейтенант каким-то образом поможет им бежать. Умирать от пуль «товарищей» никому не хотелось.

– А к чему вы показываете нам все это? – спросил о чем-то напряженно размышляющий Виктор Петрович.

– Одну минуту, господин подполковник, – усмехнулся иностранец. – Сейчас вы все поймете. Возвращаясь к сказанному, скажу еще кое-что. Подобные локальные области пространства-времени невидимы и необнаружимы извне. А вот изнутри – все наоборот! То есть, если вы находитесь в такой области, то можете видеть внешнюю Вселенную и выходить в нее. Зато вернуться без специальной аппаратуры совершенно невозможно. Да о чем говорить, даже увидеть место, откуда вы вышли, не сможете. Но наши ученые нашли способ обнаружения таких локальных областей и научились проникать в них. Именно этот эксперимент и провели на нашем крейсере.

– И что? – спросил Виктор.

– Мы оказались здесь, – пояснил дварх-лейтенант. – А оказавшись, были крайне изумлены тем, что в замкнутой области нашлась населенная разумными планета. Тем более, людьми, полностью идентичными живущим в галактике. Иначе говоря, между землянами и людьми галактики вполне возможны перекрестные браки, дающие потомство.

– Значит, наша планета закрыта от внешнего мира? – недоверчиво посмотрел на него Ненашев.

– Именно так, господин штабс-капитан, именно так. Будь иначе, вы давно были бы присоединены к какой-либо из сильных стран. Если бы, конечно, не вмешались мы.

– Вы имеете в виду Россию? – криво усмехнулся Виктор Петрович.

– Нет, вашу планету, – в голосе дварх-лейтенанта звучала ирония. – Самое маленькое государство галактики состоит из трех планет.

– Каковы же тогда крупные? – с изумлением спросил кто-то.

– Княжество Кэ-Эль-Энах – более четырехсот планет, империя Сторн – шестьдесят три планеты. Я имею в виду – населенных, а на их территории имеется еще по несколько тысяч не населенных, или очень мало населенных.

– А вы? – прищурился Ненашев. – Сколько планет у вашей страны?

– Орден – не совсем страна. Но населенных довольно плотно планет у нас около двух тысяч.

– Знаете, – штабс-капитан раздраженно покрутил головой, – все, что вы говорите, как-то проскальзывает мимо сознания. Для меня этого слишком много. Если бы не эти звезды на стене, можно было бы только посмеяться над вашей буйной фантазией. А так я даже не знаю, что и думать...

– А вы подождите немного, – непонятно взглянул на него дварх-лейтенант. – Не делайте поспешных выводов. Я лучше продолжу. Вам, наверное, интересно, как я здесь оказался?

– Да, – кивнул Николай.

– Когда мы убедились, что на окраине локальной области действительно находится населенная планета, мы отправились сюда. И начали ее исследовать. Была предпринята глубинная разведка, наших агентов высадили во всех крупных странах вашего мира. Но именно Россия заинтересовала нас больше других, социоматики и социоинженеры просто взвыли от восторга, узнав, что попали как раз на момент попытки создания справедливого общества. Поэтому сюда направили больше всего агентов, мы хотели отследить, как это происходит у вас. К сожалению, все идет точно так же, как происходило в десятках других случаев.

– То есть, подобные революции случались и у вас? – насторожился Ненашев.

– Не у нас, – почти незаметная улыбка скользнула по губам дварх-лейтенанта. – В галактике. Так вот, земные большевики повторяют все ошибки своих предшественников. Они тоже не поняли, что справедливое общество не построишь на крови и горе других.

– Вот как? – недоверчиво приподнял брови штабс-капитан. – А почему?

– Существуют так называемые законы равновесия. Это божьи законы, или законы природы, если угодно. Вся пролитая кем-то кровь, причиненное кому-либо горе – вернутся сторицей. К тому же, обычно за теми, кто искренне верит, стоят жаждущие власти. Им плевать на какой платформе они к этой власти придут. Зато потом начинается кровавый кошмар. Уверен, что именно так и обстоит дело в вашей стране.

Офицеры молча повернулись и во все глаза уставились на подполковника Куневича, высказывавшего подобные мысли еще перед появлением дварх-лейтенанта. Тот посмотрел на инопланетянина с искренним интересом и кивнул чему-то своему.

– Могу привести пример империи Сторн, – продолжил дварх-лейтенант. – Чуть меньше века назад у них произошла революция на платформе, очень похожей на платформу большевиков. Прошло каких-то сорок лет, и очередной «революционный» вождь короновался, объявив себя императором. Правда, порядки остались те же. Зверская жестокость и тому подобные прелести.

– Получается, – задумчиво сказал Виктор Петрович, – что у нас может произойти то же самое?

– Может, а может и не произойти. Но реки крови прольются обязательно. Законы социального развития никто не отменял. Вашим большевикам от них никуда не деться.

– Краснопузая сволочь – не наши! – резко возразил Ненашев, разъяренно сверкнув глазами.

– Простите, господин штабс-капитан, не хотел вас обидеть, – посмотрел на него дварх-лейтенант.

– Ладно, чего уж тут, – махнул рукой тот. – Вы не отсюда и не видели всего. Не видели подвалов, забитых трупами наших друзей. Наверное, в этом вашем ордене все благополучно.

– Еще раз простите. Да, у нас действительно благополучно. Но мне самому в жизни довелось повидать немало. К тому же, в орден я попал уже взрослым, да и вытаскивали меня из ситуации, подобной вашей.

– Даже так? – прищурился Ненашев, остальные промолчали, только посмотрели на звезды на стене, и в глазах каждого загорелся огонек безумной надежды.

– Кого только среди нас нет... – развел руками дварх-лейтенант. – Есть бывшие принцы и бывшие рабы. Кем был человек до ордена, не имеет ни малейшего значения. Важно то, каков

этот человек. Однако я отвлекся, продолжу. Меня высадили под Иркутском. Как уже говорилось, я сглупил и не слишком хорошо изучил обстановку. Потому мой образ оказался недостаточно совершенным, и меня взяли. Хотя все-таки не совсем понимаю, что вызвало у них такое подозрение, ведь одет я, как сущий оборванец.

– Ваше лицо, – иронично хохотнул Николай. – У вас на лбу аршинными буквами выбито: «АРИСТОКРАТ»! Что-что, а различать дворян по лицам «товарищи» хорошо обучены.

– Вот же... – смущенно пробормотал дварх-лейтенант. – Вот об этом-то я и не подумал. Эх, знали бы, что здесь населенная планета, послали бы «Бешеных Кошек», а не нас. Наш легион ведь ведь к разведке никакого отношения не имеет...

– Значит, у вас есть и разведка? – прищурился Ненашев. – Эти ваши, как вы там говорили, «Бешеные Кошки», что ли?

– Куда же без разведки-то? Сами должны понимать.

– Да уж... – ухмыльнулся себе под нос контрразведчик.

– А что было дальше? – спросил поручик Оринский, до сих молчавший.

– Это я могу даже показать, запись ведется все время, пока я здесь.

Перед замершими офицерами на стене вместо звездного неба возникла допросная комната иркутской тюрьмы, в которой каждый из них в свое время побывал. Возникло ощущение, что они смотрят глазами допрашиваемого. Почти все произошло так, как и с каждым из них. Только дварх-лейтенант не пытался выдумать какую-то легенду, а прямо сказал кто он и откуда. Но «товарищи» не обратили на его слова никакого внимания. Они орали, сыпали трескучими демагогическими фразами, вопили: «Признавайся, контра!» Но били на удивление мало, пару раз дали в зубы, и все. Похоже, им было совершенно безразлично, кем является сидящий перед ними человек и откуда он в действительности. Да что говорить, им, кажется, было просто скучно. И чему удивляться – еще один пытающийся сохранить себе жизнь офицер, самое обычное дело. Понятно, почему комиссары не поверили словам дварх-лейтенанта. Каких только рассказов не слышали в этой допросной, ну, еще один. Ишь, офицерская морда себя за какого-то инопланетянина выдает! А что его слушать, когда у него классовое происхождение на лбу написано? К стенке, и нечего рассусоливать.

– Выходит, – задумчиво протянул дварх-лейтенант, – меня приговорили к смерти только потому, что мое лицо походит на лицо дворянина? Без всяких доказательств моей вины?

– Сударь! – искривила губы Ненашева насмешливая ухмылка. – Вы, похоже, забыли куда попали! Идет гражданская война, людей тысячами убивают без всякого суда и следствия. Скажите спасибо, что вас на месте не пристрелили.

– Да, вы правы, – грустно улыбнулся инопланетянин. – Я действительно успел позабыть о том, что бывает во времена гражданской войны...

Он задумчиво потер переносицу, потом мечтательно чему-то улыбнулся и достал из чехла, отданного красноармейцами, непривычной формы потертую черную гитару.

– Давайте, господа, лучше спою вам... Я все-таки бард, как-никак.

– С удовольствием послушаем, – кивнул Николай. – Раз уж вы даже «товарищей» впечатлили, то, должно быть, неплохо поете.

– Надеюсь, – приподнялись уголки губ дварх-лейтенанта.

Он тронул пальцами струны гитары. Николаю в голову никогда не приходило, что можно заставить гитару издавать такие звуки. Музыка поднималась вверх, тревожила, заставляла оглянуться на самого себя в попытке понять – кто ты сам? Зачем жил? Что сделал? И сделал ли вообще? А потом бард запел...

Волки уходят в небеса,
Горят холодные глаза,
Приказа верить в чудеса,

Не поступало...
И каждый день другая цель,
То стены гор, то горы стен.
И ждет отчаянных гостей
Чужая стая...
Не помня слов, не видя снов,
Переросли своих отцов.
И, кажется, рука бойцов
Колоть устала...
Позор и слава в их крови.
Хватает смерти и любви,
Но сколько волка ни корми,
Ему все мало...
Волки уходят, волки уходят...¹

Слова были странными, непривычными, ритм стиха – рваным, но чем-то он задевал душу, что-то в нем слышалось такое... Какое? А кто его знает. Да еще и потрясающий голос поющего. Правду сказал красноармеец-хохол – изумительно поет. С таким голосом человеку место на сцене императорского театра, а никак не в армии. Ему бы весь Петербург стоя рукоплескал. Дварх-лейтенант полностью прав, ему нужно отдать музыке всего себя, такой голос – божий дар, от которого грех отказываться. Николай помотал головой, пытаясь отвязаться от навязчивого рефрена: «Волки уходят...»

Он почти не пытался понять смысл незнакомой песни, но все равно видел четкую аналогию между ней и всем происходящим вокруг. А дварх-лейтенант улыбнулся и запел другую. Потом третью. Он много пел, а слушатели замерли в почтительном внимании – бард возносил их на небеса и бросал в пропасти, такого не слышал ни один из них ни разу в жизни.

Губы Николая сами по себе шептали:

– Господи! Да как же можно так петь?.. Как?!

И все песни были странными, совершенно незнакомыми, но каждая звала куда-то далеко, за горизонт, туда, где человек еще не бывал. Да что там, куда он раньше просто боялся заглянуть.

– Лар! – прервал вдруг пение мелодичный голос. – Эрхл'э р'ланг фар'эль. Р'эбд Релир м'эркаль.

Офицеры резко повернулись на голос и онемели. Прямо в стене у двери вертелась похожая на смерч черная воронка, возле которой стояла подтянутая светловолосая очень симпатичная девушка в черно-серебристой форме. На ее левом плече живым огнем переливался страшноватый символ – полупрозрачная когтистая лапа, поддерживающая пылающий багровым огнем нечеловеческий глаз с вертикальным зрачком.

– Здравстуй, Л'эри, – поднялся с места дварх-лейтенант. – Извини, но невежливо говорить на языке, который люди вокруг не понимают.

Девушка насмешливо приподняла левую бровь и довольно отчетливо фыркнула. Затем нахмурилась, прищурила голубые глазищи, и Николаю вдруг показалось, что его мозга что-то мимолетно коснулось. На какое-то мгновение ему стало дурно, и все тут же прошло.

– Я по-о-вторюю... – на сей раз появившаяся ниоткуда незнакомка говорила по-русски. – Исследования завершены, и Релир приказал всем возвращаться на крейсер. Это приказ, а не пожелание!

¹ Отрывок из песни «Волки» группы «Би-2»

Она говорила медленно, тщательно выговаривая каждое слово, видно было, что язык ей чужой, и говорить на нем девушке нелегко.

– Есть небольшая проблема, – задумчиво посмотрел на нее Лар. – Меня здешняя власть приговорила к расстрелу, и именно его я жду здесь вместе с господами офицерами.

– Ну, и что? Или снова собрался, как ты это любишь, устроить из собственной казни шоу? Так учти, Релир не зря меня за тобой лично послал, знает, чего от тебя, разгильдяя эдакого, ждать. Не хватало еще и здесь устроить такой же переполох, какой ты учинил на Фар-Тинге.

– Нет, – рассмеялся дварх-лейтенант, – я нынче добрый. Пускай себе господа комиссары живут и пасутся. Дело в другом. Неужели ты думаешь, что я могу бросить людей, с которыми вместе ждал смерти? Ведь их расстреляют...

– А, все хвосты Проклятого! – непонятно выругалась девушка. – Действительно... И что делать будем?

– Попроси Асиарха подготовиться к сканированию.

– Ты уверен?! – брови девушки поползли вверх. – Мы же решили не проводить здесь Поиска.

– А ты сама посмотри. Все шестеро не пашу.

Девушка медленно обвела глазами застывших в ступоре офицеров, останавливая взгляд на каждом. На какое-то мгновение каждому же показалось, что за это мгновение из него вынули душу и основательно встряхнули. Николай был откровенно изумлен и внезапным появлением странной девушки в запертой камере, и вертящейся в стене черной воронкой, и непонятным разговором.

Штабс-капитан Ненашев почти незаметно улыбнулся своим мыслям – он не разучился разбираться в людях, дварх-лейтенант действительно не хочет бросать обреченных на смерть. Вопрос только, что решит его начальство. Прикажут бросить – и бросит, приказ есть приказ. Тем более – в армии. Контрразведчик цепким взглядом окинул девушку и вздохнул. Хороша... Сколько это ему не приходилось общаться с приличными женщинами? Года два, поди... Но она сама, похоже, офицер. Вот где только, интересно, у них знаки различия? Он снова внимательно осмотрел форму девушки, но ни единого знака различия, кроме эмблемы на плече, не нашел. Странно.

– Асиарх готов, – снова раздался в тишине голос девушки. – Имею честь пригласить вас, господа, в орден Аарн.

Она слегка наклонила голову в сторону застывших у стены офицеров. Потом повернулась к Лару.

– Я пойду все подготовлю. А ты объясни людям, в чем дело, они, по-моему, почти в психшоке. И побыстрее, пока охранники наверху не забеспокоились.

Девушка улыбнулась и скрылась в воронке.

– Господа! – донесся до ушей Николая голос дварх-лейтенанта. – Как Л'эри уже сказала, имею честь пригласить вас всех в орден Аарн. Да, ваша жизнь станет совсем иной, не такой, как вы привыкли. Но это жизнь. Все лучше, чем от пули какого-то красного гибнуть. Тем более что вы все равно хотели эмигрировать.

– Благодарю, – наклонил голову Виктор Петрович. – Не откажусь своими глазами посмотреть на все, о чем вы тут рассказывали.

– Да и я тоже, – поспешил присоединиться к другу Николай.

– Странно это... – мрачно пробормотал Ненашев. – Но кто откажется от шанса спасти себе жизнь? По крайней мере, не я. Хотя настораживает меня ваша непонятная доброта. Не понимаю.

Дварх-лейтенант открыто улыбнулся ему. Володя, восторженными глазами смотря на него, кивнул.

– А вы, господа?

– Куда мы денемся? – усмехнулся поручик Оринский. – Вы идете, Олег?

– Да уж не останусь ждать милости от «товарищей», – хмыкнул его друг.

– Вот и хорошо, – кивнул дварх-лейтенант. – Проходите прямо в воронку, окажетесь на крейсере.

– На крейсере? – вопросительно приподнял бровь Виктор Петрович.

– Да. Воронка – прямой гиперпереход. То есть, один шаг, и вы перемещаетесь на любое расстояние. Хоть отсюда в Лондон. Кстати, когда мы атакуем, то это тоже происходит через гиперпереходы.

– Бр-р-р... – нервно поежился Ненашев. – Не хотел бы я защищать что-нибудь, зная, что противник в любой момент способен атаковать изнутри.

В замке заскрежетал ключ, и грубый голос заорал:

– А ну, беляки! Тише там, чего разорались? Вот ща я вам покажу кузькину мать!

– Быстрее, господа! – поторопил дварх-лейтенант.

Виктор Петрович первым шагнул в воронку, за ним из камеры исчезли оба поручика. Лар подхватил с пола гитару, бережно уложил ее в футляр и закинул за спину. Николай не заметил, что у воронки остались только дварх-лейтенант, он сам и Ненашев. Офицер резко выдохнул и шагнул вперед. В глазах стало темно и показалось, что сперва его растянуло, а затем схлопнуло в точку. Еще миг – и Николай понял, что стоит рядом с остальными ушедшими в небольшом темно-сером зале, совершенно пустом. Мягкий толчок, и прямо из воздуха возникли штабс-капитан Ненашев с Ларом.

– Ну, господа... – развел руками контрразведчик. – Много повидал, но чтобы троих вооруженных людей уложил один, да к тому же безоружный? Нет, такого не видел.

– А что случилось-то? – поинтересовался поручик Малер.

– Не успели вы уйти, как господа большевички пожаловали. Втроем. Так я опомниться не успел, как господин дварх-лейтенант подпрыгнул, несколько раз ударил ногами, и красные легли. Все трое легли, даже не успели выстрелить. Кланяюсь мастеру!

Он поклонился в сторону улыбающегося Лара. Тот тоже поклонился в ответ.

– Я неплохо владею несколькими стилями рукопашного боя, господа. Тем более что я не стал никого убивать, часа через два все трое очнутся. Разве что головная боль будет.

– Глупый гуманизм, простите, – скривился Ненашев. – Они бы вас при случае не пожалели.

– Так должен же я чем-то от них отличаться? – весело заломил левую бровь Лар. – Ладно, господа, бог с ними, с большевиками. Они остались там, внизу. А вы уже здесь.

– Кстати, да, – усмехнулся контрразведчик. – И что теперь?

– А теперь, господа, самое важное, – ответил дварх-лейтенант. – Хотя я и не сомневаюсь ни в одном из вас, но ритуал должен быть соблюден. Для вступления в орден человек должен произнести Призыв. После этого его телепатически просвечивают, все его мысли и чувства. Если это кому-то не подходит, прошу сказать сразу. Тех, кто согласен, прошу громко и внятно повторить три слова, которые я сейчас скажу.

Офицеры переглянулись. Что ж, в чужой монастырь со своим уставом не ходят. Они здесь никто и ничто, спасены от смерти из милости. А раз для придания какой-то официальности их положению требуется всего лишь произнести три слова, то почему бы и нет? В телепатию никто не поверил.

– Повторяю, каждый должен сказать три слова: «Арн ил Аарн», – Лар внимательно оглядел настожившихся офицеров и снова улыбнулся.

Николай вздохнул и решился.

– Арн ил Аарн!

Странные слова прозвенели в воздухе, и ему показалось, что мир стронулся с места, что вся его жизнь мгновенно стала другой. Вслед за другом повторил Призыв подполковник

Куневич. Потом остальные. Штабс-капитан Ненашев оказался последним, он снова скривился, произнося непривычно звучащие слова, на лице контрразведчика было написано недоверие. Николай обратил внимание, что его самого и остальных офицеров окутывает какая-то белесая дымка.

«Газы, что ли?» – мелькнула заполосная мысль.

Но не успел он испугаться, как дымка без следа исчезла, а над залом загрела торжествующая, переливающаяся птичья трель. Отзвучав, прогремела снова и повторилась пять раз. С каждой трелью улыбка Лара становилась все шире и радостнее.

– Здравствуйте еще раз, братья! – сказал он, когда все закончилось.

– Братья? – с недоумением спросил Ненашев.

– Да, теперь вы нам братья, – кивнул дварх-лейтенант. – В ордене все братья и сестры. А вы с этого момента – аарн. Теперь вы никогда больше не будете одиноки!

– Вот как? – иронично приподнял брови Ненашев. – И это все?

– Нет, конечно. Вам еще предстоит Посвящение. До него вы – новички, и только пройдя Посвящение, станете истинными аарн. Главное в Посвящении то, что после него вы станете абсолютными эмпато-телепатами. Между собой мы почти не общаемся словами.

– Значит, тогда, в камере, я догадался правильно? – мрачно пробормотал Николай, – Вы слышали мои мысли?

– Слышал, конечно, – Лар в который уже раз улыбнулся. – И не только это. Я вообще прочел память каждого из вас и убедился, что вы не пашу. Спросите, кто это такие? Так мы именуем людей, способных на любую подлость ради собственной выгоды. Это, конечно, чрезвычайно упрощенное определение, но пока сойдет.

– Вы хотите сказать, что отбираете людей по душевным качествам? – прищурился Ненашев, так и не поверивший в телепатию.

– Да. Но давайте обговорим все это за столом, а то господа красные нас хорошей кухней не баловали. Да и помыться не помешает, несет от меня, простите, как от помойного кота.

Дварх-лейтенант с отвращением оглядел свою рваную, грязную одежду и поморщился. Потом повел рукой, и стена напротив медленно исчезла.

– Прошу за мной!

Николай пожал плечами и последовал за ним. И сразу замер в ошеломлении. Место, куда они попали, оказалось пугающим, совершенно нечеловеческим. Вот теперь окончательно стало ясно, что они среди уроженцев иного мира. Огромное, невероятно огромное помещение. Но все-таки помещение, вдали виднелись бугристые, неровные стены. Потолок находился метрах в пятидесяти над головой и был весь покрыт ковром длинных, постоянно шевелящихся, влажных на вид щупалец. В воздухе плавали клочья разноцветного тумана, сплетаясь в тысячи абстрактных фигур. Звучала тихая, на грани слышимости, музыка.

Несколько человек в черно-серебристой форме, уже виденной офицерами на побывавшей в их камере девушке, медленно кружились в воздухе в подобии танца. Они стояли на каких-то странных небольших досках. Видимо, эти доски и поддерживали их в воздухе. Аарн в такт музыке выстраивали сложные фигуры из своих тел, эти фигуры без промедления перетекали во что-то иное. Танец завораживал и пугал, ни один из землян даже представить себе такого никогда не мог.

– Господи... – едва слышно пробормотал Виктор Петрович себе под нос, но дварх-лейтенант его услышал и обернулся.

– Ничего страшного, господа! – ухмылка на его губах была довольно-таки ехидной. – Просто учитывайте, что вы попали в сумасшедший дом. По вашим меркам, конечно. И не пытайтесь понять всего до Посвящения, физически невозможно.

– Вот как? – приподнял бровь Ненашев.

– Именно так, господин штабс-капитан, именно так. Вам еще полегче будет, чем мне в свое время. Я-то попал сюда из общества, не поднявшегося выше меча и копья. Можете себе представить, от меча и копья – на космический корабль? Сейчас, конечно, со смехом вспоминаю, а тогда отнюдь не до смеха было.

– Вы попали в орден из средневекового общества? – Николай был откровенно удивлен.

– Да, – усмехнулся Лар. – Я уже говорил, что для нас главным являются моральные качества человека. А знания – дело наживное.

– Наверное, вы правы...

– О, Господи! Это еще что?! – вопль поручика Малера заставил всех отшатнуться.

Тот запрокинул голову и на что-то смотрел. Николай проследил за его взглядом и вздрогнул. Сверху прямо на них рушилось кошмарное чудовище, похожее на огромного паука. Офицеры шарахнулись в стороны, руки каждого лихорадочно зашарили по карманам в поисках отсутствующего оружия.

– Тише, господа, тише! – рассмеялся Лар. – Ничего страшного, это всего лишь наш дварх-майор. Сейчас отчета с меня требовать будет.

– Дварх-майор?.. – дрожащим голосом переспросил его Ненашев, с ужасом смотря на замершего напротив паука.

А посмотреть было на что... Гигантский, двухметровый, наверное, восьминогий паук, покрытый черно-алой длинной мягкой шерстью. Огромные, с человеческую голову, фасеточные глаза уставились на замерших офицеров. Весь его облик оказался настолько чужд, что единственным желанием при виде ожившего кошмара было – бежать сломя голову и спрятаться куда-нибудь.

– Неужели вы думали, господа, – продолжил между тем дварх-лейтенант, – что Создатель дал разум только людям? Зря. В галактике известны на данный момент пять разумных рас. Наш дварх-майор принадлежит к расе арахнов. Отличный профессиональный офицер, между прочим. И хороший друг. Однажды он меня и еще двух раненых на себе двести верст до точки выхода тащил. Нас тогда хорошо взрывом посекло.

– Докладывай, Лар, – скрипучий нечеловеческий голос заставил каждого вздрогнуть.

Дварх-лейтенант молча замер перед пауком и несколько минут стоял, не говоря ни слова. Николаю показалось, что они общались мысленно. Да и с чего бы, если иначе, после приказа о докладе стоять и молчать? Нет, иного объяснения не было.

– Доклад принят, – снова прозвучал скрипучий голос, и фасеточные глаза уставились, как показалось Николаю, прямо на него. – Рад видеть вас с нами, братья. Я – Рла-Дальваа, дварх-майор легиона «Ищущие Мглу».

Штабс-капитан Ненашев прищурился и вздохнул, начиная понемногу верить в рассказ дварх-лейтенанта. Потом с трудом взял себя в руки и представился. Вслед за ним назвали свои имена остальные. Голос каждого предательски подрагивал, выдавая истинное состояние офицеров. Все-таки, это было для них слишком.

– Новички на тебе, Лар, – снова обратился паук к дварх-лейтенанту.

– Естественно, – пожал плечами тот. – Я людей вытащил, мне за них и отвечать. А вот задание я провалил.

– Ты не профессиональный разведчик и сделал все, что мог. Большого требовать от тебя было бы глупостью. Потому поздравляю, лор-капитан!

– Но я не заслужил! – запротестовал Лар. – Я...

– Заслужил! – прервал его дварх-майор. – Прекрати дергаться, приказ о производстве уже завизирован Релиром.

– Благодарю! – щелкнул каблуками свежеиспеченный лор-капитан.

– Ладно, – пошевелил жвалами паук. – Занимайся новыми братьями. Кстати, не только ты привел новичков. Хевил тоже. Правда, из противоположного лагеря. Посему проследи, чтобы не передрались. У меня все, надо бежать в биоцентр.

– Разве мы не завершили исследования? – удивился Лар.

– Завершили, – недовольно проскрипел дварх-майор. – Вот только сканеры фиксируют подозрительную активность гиперполя. Всплески очень странной формы, похоже, нас кто-то преследует. Вот только кто обладает столь бесподобной наглостью, чтобы преследовать боевой крейсер ордена? А может, природа гиперполя в замкнутой области иная, и эти всплески имеют естественное происхождение? Не знаю, но здесь чувствительность нашей расы на руку. Баг Бенсон попросил меня напрямую подключиться к сканерам и внешним контурам Асиарха. Может, что-нибудь и смогу понять.

Он снова посмотрел на молча слушающих разговор офицеров и сказал:

– Желаю вам любви и радости, братья. Надеюсь, вам у нас понравится.

– Благодарим, господин дварх-майор! – ответил за всех Виктор Петрович, с трудом заставив себя говорить.

Фасеточные глаза паука на мгновение покрылись прозрачной пленкой, затем странное существо сорвалось с места и с огромной скоростью исчезло в тумане. Земляне еще некоторое время стояли, приходя в себя от явления паукообразного офицера. Николай до сих пор прибывал в состоянии легкого ступора. Да, расскажи кто-нибудь подобное, только посмеялся бы над безумной фантазией. А вот на тебе...

– Господа! – радостно провозгласил Лар. – Вечером обмываем мои новые погоны!

– Да, обмыть новые погоны – святое, – кивнул Ненашев. – С удовольствием составлю вам компанию, господин лор-капитан. Кстати, вот теперь я окончательно поверил, что вы из другого мира.

– Подождите, вы еще драконов, гвардов и эльфов не видели.

– Драконов? – удивленно спросил Володя. – Настоящих драконов?

– Самых настоящих! – заверил его Лар. – Крылья, зубы, хвост и все остальное в наличии. Их, правда, у нас не очень много, всего несколько сот тысяч, но все-таки.

– Несколько сот тысяч – это немного? – спросил Николай, удивленно покачав головой.

– По сравнению с остальными – немного. Правда, эльфов в ордене вообще всего двое. Но это только начало. Ладно, господа, идемте мыться и обедать. Кому как, а мне живот подвело.

Как приятно ощутить себя чистым! Николай успел позабыть это ощущение, давно не бывал в бане, с самой осени, пожалуй. Не было никакой возможности. А потом поражение, побег, плен. Он отмахнулся от воспоминаний и внимательно осмотрел себя. Надо же, им сразу выдали форму ордена. Как объяснил Лар, квазиживую. Удивительно удобную, да и надевалась она как будто сама собой. Правда, только на голое тело, и первое время штабс-капитан ощущал некоторое неудобство от отсутствия белья.

В душе много повидавшего офицера после всего увиденного жило детское ожидание чуда. Оказывается, оно никуда не уходило, просто спряталось очень глубоко. Как много еще предстоит увидеть и узнать...

Николай вздохнул и вышел из ванной комнаты. Одна эта ванная могла изумить до онемения. Он едва разобрался, как регулировать температуру воды, что уж говорить об остальном... Привыкать, наверное, придется долго. Эти аарн настолько опередили его родину в развитии, что слов не находилось вовсе.

– Прошу к столу, – услышал он голос Лара и запнулся, поняв, что попал совсем не туда, откуда вышел.

Похоже, он оказался последним, задержавшись в ванной дольше других. Остальные офицеры, одетые в точно такую же черно-серебристую форму, стояли у круглого стола. Николай

оглянулся – он находился в большой овальной комнате с шершавыми темно-серыми стенами. Потолок тоже был сферическим. Какие-то картины висели напротив, но что на них изображено, Николай не разглядел. Он подошел к остальным, интересно было увидеть новую форму на ком-нибудь знакомом.

Господа офицеры выглядели смущенными и явно ощущали себя не в своей тарелке. Странно, но на каждой форме сидела так, словно на него и шилась. Впрочем, она же полуживая. Николай бросил взгляд на стол, но на столе ничего не было. А есть действительно хотелось сильно.

– Прошу садиться! – сказал Лар и первым сел.

Офицеры переглянулись, но расселись вокруг стола в удобных мягких темно-серых креслах. Николаю показалось, что кресло мгновенно подстроилось под его тело, он даже вздрогнул. Что, у аарн вообще все вещи живые, что ли? Очень даже может быть, если исходить из того, что он уже повидал. Не успели люди устроиться поудобнее, как поверхность стола подернулась дымкой, и перед каждым из ниоткуда возникли столовые приборы. А вслед за ними появились и подносы с различными, но совершенно неизвестными блюдами. Но хоть они и были незнакомы, пахли одуряюще вкусно.

– Прошу! – показал рукой на стол лор-капитан. – Приношу извинения за то, что угощаю вас по своему вкусу, не знаю пока, что вы любите.

Он налил в почти невидимый фигурный бокал какой-то янтарной жидкости из оплетенной белой корой бутылки. Потом передал бутылку Ненашеву, севшему справа от него.

– Предлагаю выпить за знакомство и спасение от смерти, господа!

– Не откажусь, – кивнул штабс-капитан, наливая и себе. – А что это, вино?

– Нет, покрепче, походит на коньяк, но тонус повышает лучше. Уж чего-чего, а разных напитков у нас хватает, немного позже я предложу вам «Золото Дарна» или «Черный Вал».

Ненашев кивнул и, увидев, что все сидевшие за столом наполнили бокалы, поднял свой.

– Ну, что же, – сказал он, – за спасение и наших спасителей! За орден Аарн!

И осторожно глотнул неизвестный напиток. Огненный клубок мягко прокатился по пищеводу и взорвался в желудке. Приятный вкус, хоть и непривычен, пился этот коньяк легко, но в голову ударило сразу. Штабс-капитан выдохнул и побыстрее положил себе в тарелку что-то, отдаленно напоминающее отбивную. Остальные не отставали. Трудно было сперва разобраться с неизвестными столовыми приборами, вилки почему-то оказались двухсторонними, вместо ложек использовали маленькие выгнутые лопаточки, ножи походили на хирургические скальпели.

Николай получал огромное удовольствие от того, что сидит в чистой одежде за хорошо накрытым столом с приятными ему людьми. Как давно не приходилось обедать в приличном обществе... Хотя сервировка и блюда были неизвестны, это не портило удовольствия. Он неспешно смаковал разные блюда, пытаясь понять, из чего они приготовлены, но сумел опознать только мясо и рыбу. Салатов на столе тоже имелось множество, и все были приготовлены из совершенно неизвестных овощей.

Выпили еще раз за новое звание их спасителя.

– Вот теперь хорошо, – удовлетворенно сказал Лар, отодвинув от себя тарелку и снова выпив. – Я готов отвечать на ваши вопросы, господа. У вас их, как вижу, множество.

– Да уж немало, – пробормотал Николай.

– Кстати, хочу предупредить, – ехидно ухмыльнувшись, продолжил лор-капитан. – Как только пойдут слухи, что у нас оказались кадровые офицеры с немалым боевым опытом, вас начнут доносить визитами господа дварх-полковники, командиры легионов.

– Это зачем же? – подозрительно прищурился контрразведчик. – Вербовать к себе, что ли?

– В общем, да. Но прямо ни один ничего не скажет, каждый будет только рассказывать о том, какой он белый и пушистый. И как хорошо служится в его легионе.

Офицеры, представив себе на мгновение белых и пушистых господ полковников, переглянулись и дружно расхохотались.

– А для чего? – внезапно стал серьезным Виктор Петрович. – Что, у вас своих офицеров не хватает?

– Хватает. Но боевой опыт бесценен. Понимаете, многие аарн физиологически неспособны на убийство. Большинству из нас после каждой боевой операции приходится лечиться от психшоков, иначе можно легко сойти с ума. А то и умереть. Впрочем, мы стараемся как можно меньше убивать даже в случае войны, но иногда все же приходится.

– Странно... – Николай задумчиво посмотрел на грустно улыбающегося Лара. – Война без убийства невозможна.

– Оставим это пока, – вмешался Ненашев, – Просветите меня лучше вот в каком вопросе. Господин дварх-майор сказал, что у вас есть еще новички из России. Но что значит: «из противоположного лагеря»? Красные, что ли?

– Да. А что вас смущает? Для нас не имеют значения взгляды человека, только его личные качества. Например, один из тех, кого вытащил Хевил, вообще был комиссаром. Но при этом напрочь отказывался кого-либо расстреливать. Воевать – воевал. А вот расстреливать не желал. В чем его только не обвиняли свои же, самого несколько раз едва к стенке не поставили, но так и не смогли заставить стать палачом. Потому он к нам и попал. А расстреляй он хоть одного, любой аарн шарахнулся бы от него с отвращением.

– Среди красных попадаются и такие? – приподнялись брови контрразведчика. – Если откровенно, не верю.

– Они тоже люди, а люди разные. И каждый выбирает сам: остаться ему человеком или стать подонком. Если бы среди вас был хоть один палач, участвовавший в расстрелах или шомполованиях крестьян, то я бы тихо ушел и не стал никого спасать. Неважно, чем человек оправдывает свое падение. Упал морально – значит, все, потерян. Для нас такой становится пашу, и никто не протянет ему руку, такого просто обойдут стороной, как обходят кучу, простите, дерьма.

– Вот оно, значит, как... – протянул Ненашев, переглянувшись с остальными. – Странно. Если человек испачкался, делая нужное дело, то он, по вашим меркам, уже и не человек?

– Именно так, – подтвердил Лар. – Цель еще никогда не оправдывала средства, наоборот, негодные средства пачкают самую светлую и добрую цель. А уж что подобные средства делают с душой применившего их человека... Сами увидите после Посвящения, какое отвращение у вас станут вызывать испачканные души.

– У нас всегда считали наоборот...

– Но ведь вы сами, господин штабс-капитан, не стали расстреливать тех трех большевиков в прошлом декабре? Хотя могли. А вы их отпустили.

– Откуда вы знаете?! – хрипло выдохнул контрразведчик. – Я же никому...

Он запнулся, с изумлением глядя на Лара. Потом с трудом выдавил из себя:

– Значит, и телепатия тоже правда...

– Правда, – согласился лор-капитан. – Я говорил, но вы предпочли не поверить. Давайте я вам лучше расскажу пару историй о том, как и какие люди попадают в орден.

– Давайте... – мрачно согласился Ненашев, пытаясь прийти в себя.

– Представьте себе, что вы из древнего, но полностью обнищавшего рода. И кроме как в армию, идти вам некуда.

– А что тут представлять? – пожал плечами контрразведчик. – Полностью моя ситуация.

– Но я сейчас говорю не о вас, – улыбнулся Лар. – Человек, о котором идет речь, был родом с Кроухара, столичного мира довольно крупной страны Кроуха-Лхан. Он честно служил

своей императрице, к сорока годам получил звание майора войск специального назначения и руководил охраной одной из государственных биологических лабораторий. Никогда не лез в разборки между другими офицерами, грызня за теплое место и дополнительное жалование вызывала у него отвращение. Он просто честно служил, а потому всегда попадал на самые непривлекательные места службы.

Офицеры понимающе переглянулись. До боли знакомая ситуация, каждый из фронтовиков с презрением относился к штабным крысам, стремящимся устроиться поудобнее, и ради этого готовыми на все.

– Но он не знал, что разрабатывали в охраняемых им лабораториях. А разрабатывали там новые болезни, настолько страшные, что эпидемия могла выкосить население целого мира меньше, чем за неделю. Об их разработках узнали мы, и лаборатории были атакованы легионом «Ангелы Тьмы». Само собой, охрана под руководством нашего майора отчаянно сопротивлялась, но ничего сделать не смогла. Их, в конце концов, смяли и обезоружили. Нашими руководил командир «Ангелов», дварх-полковник Дерек Фери. Как и любой аарн, он видел души, и майор ему сильно понравился. Болезненно честный человек.

– И что? – грустно улыбнулся Ненашев. – Небось, штабные крысы обвинили майора в предательстве?

– Увы. А самое страшное, что они надавили на его сослуживцев, и те дали показания против своего командира. И его приговорили к расстрелу.

– Мизерабли, право же! – гадливо скривился Виктор Петрович. – Да как можно лить грязь на того, с кем вместе дрался? Противно, господа, слов нет, насколько противно...

– Именно, что противно, – кивнул Лар. – Представьте себя на месте майора. Вы дрались до последнего, но ложно обвинены в предательстве и ждете расстрела ни за что...

– Да, мало приятного, – поежился Николай. – Мы хоть воевали против красных и знали, за что нас должны расстрелять. А тут свои же...

– Думаете, у нас подобного не случалось? – тяжело вздохнул контрразведчик. – Я сам был свидетелем нескольких случаев. И чем все закончилось, господин лор-капитан?

– Майора почему-то не расстреляли, а отвезли в космопорт и приказали покинуть родину навсегда в течение суток. Даже отдали его несчастные небольшие сбережения. Может, это его отец использовал старые связи, не знаю, род все же был очень древний. По скудным средствам разжалованного офицера оказались два корабля, один в империю Сторн, другой – к нам. Тогда он вспомнил, что ему говорил дварх-полковник Фери, о его приглашении посетить при возможности Аарн Сарт.

– Аарн Сарт? – переспросил кто-то из поручиков. – Это ваша родина?

– Так называется звездное скопление, которое контролирует орден, – подтвердил Лар. – И наш майор решил лететь туда. В Сторне чужаку делать нечего, там жуткие порядки. Теперь представьте себе древний, на ходу разваливающийся корабль, в трюме которого в страшной тесноте набито около трехсот человек. И дорога, длящаяся несколько месяцев. Отсутствие самых элементарных удобств, даже ни одной душевой кабины.

– Не хотел бы оказаться, – Ненашева передернуло. – Гнусно, должно быть.

– До чрезвычайности, – согласился лор-капитан. – Хуже прочего, внутри царили порядки волчьей стаи. Группа скотов терроризировала всех вокруг. Хотя майора трогать не решились, нутром почуяли, что опасен. А он почти ничего не видел вокруг, пребывал в каком-то тумане, да что я говорю, вы сами прекрасно понимаете, что он чувствовал.

– Понять несложно, – вздохнул Николай. – Горькая обида, непонимание...

– А в самом конце рейса, в последний день перед прибытием, он, заметив, как бандиты напали на мальчишку, пытаясь отнять деньги, защитил его. Увидев это, к нему прибежала за защитой девушка-рабыня. Хозяин зверски избивал ее, и бедняжка, доведенная до отчаяния, решила на бунт.

– У вас существует рабство?! – изумленно спросил Ненашев.

– У нас – нет. Да и в галактике тоже. Но есть страны, где существует. А по межпланетным законам раб, вывезенный хозяином на другие планеты, остается рабом. И если бы майор силой отобрал рабыню, то по выходу из корабля его бы арестовали, а девушку вернули владельцу. На любой планете, кроме наших. Но майор думал, что у нас действуют общие законы.

– А они у вас не действуют?

– Нет, – отрицательно покачал головой Лар. – У нас любой раб сразу становится свободным, а рабовладелец с волчьим билетом высылается за пределы Аарн Сарт. И чем думал хозяин девушки, когда вез ее к нам?

– Наверное, тем местом, на котором сидел, – усмехнулся контрразведчик. – И что сделал майор?

– В первую очередь дал рабовладельцу в зубы.

– Очень правильный поступок! – одобрил Виктор Петрович.

– Потом он задумался, что предпринять, – продолжил Лар. – А поскольку считал, что на Аарн Сарт действуют международные законы, решил, что единственный выход – купить рабыню и отпустить на свободу. Владелец назвал цену в пять сотен кредитов, а у майора оказалось лишь немногим больше. То есть, придя на помощь этой девушке, он оставался без средств к существованию. Ну и, как вы думаете, он поступил?

– А тут и думать нечего, – пожал плечами Николай. – Выкупил ее, конечно.

– Да, – кивнул Лар. – Выкупил. И потому в тот же день стал одним из нас. А все эмигранты, совершившие хоть один неблагоприятный поступок, были отправлены обратно. Мы с трудом переносим общество нечистых душой людей. Доходит до болезненной рвоты.

– Вы хотите сказать, – прищурился контрразведчик, – что среди вас вообще нет подлых и жестоких людей? Простите, не бывает.

– Вы опять забыли про эмпатию и телепатию, господин штабс-капитан. Способных на подлость не приглашают в орден.

– А родившиеся и выросшие среди вас? – с сомнением спросил Ненашев. – Люди ведь разные...

– Если человек растет в среде эмпатов и ощущает чужую боль, как свою собственную, он не сможет никого обидеть, – Лар внимательно посмотрел на контрразведчика и потер переносицу. – Наоборот, почувствовав, что кому-то больно, такой человек поспешит на помощь.

– А...

Его прервала вибрирующая сирена, услышав которую, лор-капитан побледнел и вскочил на ноги.

– Что случилось? – обеспокоенно спросил Виктор Петрович.

– Боевая тревога, – ответил Лар. – Причем, степени «экстра». Да что могло произойти, что они экстрю объявили?! На моей памяти такого еще не случалось! Экстрю объявляют, если шансы выжить для всего корабля меньше двадцати процентов!

– Вниманию новичков! – грянул с потолка громовой голос. – Боевая тревога степени «экстра»! Обнаружен мета-корабль Предтеч! В течение тридцати минут вам предписывается занять противоперегрузочные кресла, боевое столкновение начнется не позже, чем через ваш час. Лор-капитан даль Далливан!

– Здесь! – отозвался Лар.

– Насколько мне известно, ты обладаешь опытом боевого проникновения на корабли Предтеч?

– Так точно, обладаю.

– Тогда срочно набирай штурмовую группу. В пределах замкнутого пространства нам от мета-корабля не уйти, а подготовить гипергенераторы к обратному переходу не успеваем.

– Есть, набрать абордажную группу! Мне только необходимо поручить новых братьев кому-нибудь. Но это займет минуты две, не больше.

– Хорошо, я тебя жду. Дварх-полковник Релир закончил.

– Да, господа... – протянул Лар, обернувшись к изумленным офицерам. – Очень может быть, что через час от нас всех и пепла не останется. Вот уж влипли, так влипли...

– А что это такое – мета-корабль Предтеч? – поинтересовался Ненашев.

– Потом, – отмахнулся от вопроса лор-капитан. – Я скоро кого-нибудь пришлю, чтобы вас отвели к противоперегрузочным креслам. У него и спросите. Извините, что покидаю вас, но вы все офицеры и сами понимаете, что такое послать в бой неопытных людей.

– Мясорубка будет, – скривился Виктор Петрович.

– Именно, что мясорубка. А опыт борьбы с Предтечами на этом крейсере есть только у меня. Еще раз извините, вынужден откланяться.

– Вам нечего извиняться, господин лор-капитан, – усмехнулся контрразведчик. – Вам отдали приказ, и вы обязаны его исполнить.

– Рад, что вы понимаете, – кивнул Лар, и перед ним распахнулась уже знакомая черная воронка гиперперехода.

Он еще раз кивнул офицерам и исчез.

– Да, господа... – протянул Ненашев, снова садясь и наливая себе еще немного янтарного коньяка. – Обидно будет погибнуть, не зная даже, кто в тебя стрелял.

– От судьбы не уйдешь, – пожал плечами подполковник Куневич. – Ежели нам суждено сегодня погибнуть, то погибнем.

– Это так, – согласился контрразведчик. – Но что вы думаете по поводу всего этого?

И он обвел рукой каюту.

– Пока даже не знаю, – покачал головой Виктор Петрович. – Слишком многое на нас свалилось. Хотя, по первым впечатлениям, мне здесь нравится.

– Как ни странно, мне тоже, – смущенно улыбнулся Ненашев, – однако поверить во все, что рассказывал лор-капитан...

– Очень трудно, – присоединился к разговору Николай, тоже налив себе выпить. – Но очень хочется. Знаете, считал себя давно неспособным на столь откровенное детское любопытство.

– Не вы один, штабс-капитан, – поморщился контрразведчик, – я еще менее вас ожидал от себя проявлений подобных чувств. А вот – поди ж ты...

В стороне от стола снова взметнулась черная воронка, из которой вышла девушка с очень обиженным лицом. Она что-то зло буркнула себе под нос и с явной досадой ударила кулаком по стене. Потом с минуту постояла, вздохнула и повернулась к офицерам. Николай с интересом оглядел незнакомку. Очень красива, но непривычной красотой. Скуластое лицо, чуть вытянутые к вискам глаза, короткие черные волосы.

– Здравствуйте! – мрачно сказала она. – Мое имя Ара Эсар, лор-лейтенант легиона «Ищущие Мглу». Лор-капитан даль Далливан поручил мне проводить вас к противоперегрузочным отсекам.

Ее лицо все еще выглядело очень обиженным.

– С вами что-то случилось? – осторожно поинтересовался Николай.

– Случилось! – раздраженно отрезала девушка. – Первое настоящее боевое столкновение за несколько лет, а меня послали новичков опекать! Извините, вы здесь ни при чем, но обидно же! Я так готовилась, так тренировалась, думала меня возьмут. А!

Она прикусила губу – было видно, что едва сдерживает готовые прорваться слезы. Николай посмотрел на Виктора Петровича, тот иронично приподнял бровь. Господи, до чего знакомая картина... Они оба насмотрелись на рвущихся в свой первый бой молодых офицеров. А когда их слегка придерживали, они точно так же обижались на командиров. И сколько этих

юнцов не вернулось из первого боя... Вот и эта дурочка не понимает, что лор-капитан попросту спас ей жизнь. Она бы, желая себя показать, рвалась в самое пекло и, скорее всего, погибла. Да, Лар поступил совершенно правильно и показал себя хорошим офицером, Николай тоже не пустил бы эту девочку в бой.

– Бой, милая девушка, – негромко сказал Виктор Петрович, – это кровь и грязь. Это окровавленные куски мяса, которые только что были вашими друзьями. И вам приходится наступать на эти куски и идти дальше. Не надо вам этого видеть, ничего хорошего в этом нет. Предоставьте воевать мужчинам.

– А вы разве бывали в бою? – недоверчиво спросила Ара.

– Мы все – кадровые офицеры и насмотрелись на кошмары войны предостаточно, – вмешался в разговор Ненашев. – Лор-капитан нас из-под расстрела вывел.

– Так все равно ведь, – несколько растерянно возразила девушка, – если абордажной группе не удастся выполнить свою задачу, то всем нам крышка. Наши пушки мета-кораблю – что слону дробина. Догонит и сожжет ко всем чертям. Это же Предтечи, будь они неладны!

Она снова передернула плечами и сказала:

– Эх, надо было в «Бешеные Кошки» идти. Но туда ведь столько желающих, попробуй, попади... Да и обычаи их мне не по нутру...

– «Бешеные Кошки» – это ваша разведка? – поинтересовался Ненашев.

– Да.

– А что не так с их обычаями?

– Брачные обычаи у них странные, – хихикнула Ара. – У них десять тысяч мужчин и десять тысяч женщин. И каждый мужчина является мужем всех женщин легиона, а каждая женщина женой всех мужчин. Мне это не слишком нравится. Наверное, я старомодна, но мне хочется, чтобы мой избранник был только моим.

– О, Господи! – Николая передернуло. – Мне бы такое точно не подошло.

– Подождите до Посвящения, – во взгляде девушки появилась ирония. – После него люди порой очень сильно меняются. Все, что человек скрывал от самого себя, выходит наружу.

– Вот как? – Ненашев задумчиво потер щеку ладонью. – Интересно...

– Пойдемте быстрее, скоро начнутся перегрузки, – кивнула на воронку гиперперехода Ара. – Если группа проникновения погибнет, мы станем драться до последнего, может, удастся подойти к Предтечам достаточно близко для применения гравидеструктора. Но при всех этих маневрах крейсер будет швырять так, что вне кресел вас просто раздавит.

– Но что такое мета-корабль? – не выдержал Николай. – И кто такие Предтечи?

– А вы разве не знаете? – с недоумением посмотрела на него девушка. – Ах да, простите, я забыла, что вы из закрытого мира... Идемте, на месте расскажу.

Офицеры снова переглянулись и по очереди прошли в воронку. Уже знакомо мигнуло, и Николай оказался в зале порядочных размеров, на полу которого рядами стояли странно выглядящие кресла. Ара что-то сделала, и семь кресел разъехались в стороны, затем собрались в круг таким образом, чтобы сидящие в них могли видеть друг друга. Зал выглядел довольно дико для непривычного взгляда – бугристые, слизистые стены, по которым то и дело проскакивали небольшие молнии, вызывали оторопь.

– Прошу садиться, – указала на кресла Ара и села сама. – Мысленно скомандуйте креслам перейти в автоматический режим. В этом случае гравитационное поле включится только после подачи сигнала тревоги. А пока мы можем поговорить.

Николай кивнул ей и сел напротив. Его чем-то очень привлекала эта девушка, хотя она, конечно, слишком молода. Лет семнадцать-восемнадцать, вряд ли больше. Офицер мысленно скомандовал противоперегрузочному креслу перейти в автоматический режим, как было сказано, и вздрогнул, когда в его голове раздался сухой, нечеловеческий голос: «Приказ принят к исполнению». По тому, как вздрагивали остальные, он понял, что и они услышали тот же

ответ. Все-таки тяжело принять, что у человека больше нет ничего скрытого. Что все его мысли и чувства открыты для любого. Да что там тяжело, почти невозможно.

– Вы хотели знать, кто такие Предтечи? – оторвал его от размышлений голос Ары. – Миллионы лет назад в нашей галактике существовала могучая поливидовая цивилизация.

– Поливидовая? – переспросил Ненашев. – Это как понять?

– Как и у нас, у них вместе сосуществовали разумные существа разных биологических видов. Вы ведь видели нашего дварх-майора? Согласитесь, он никак не походит на человека.

– Понятно, – кивнул Николай. – И они существуют до сих пор?

– Нет, – отрицательно качнула головой девушка. – Погибли очень давно в результате большой войны. С кем они воевали, мы так и не знаем. Но войны были страшные, до сих пор находят мертвые, выжженные планеты, погасшие звезды, астероидные пояса.

– Но если они погибли, то с кем вы сейчас столкнулись? – с недоумением спросил контрразведчик.

– Перед самой гибелью Предтечи создали полностью автономные мета-корабли, запрограммировав их искусственные интеллекты на уничтожение всего живого. Именно мета-корабли расправились с врагами Предтеч, когда их создателей уже не существовало. Можете себе представить, насколько надежны эти корабли, если по прошествии многих миллионов лет они все еще боеспособны и смертельно опасны? Горе населенной планете, если на нее наталкивается в своих блужданиях по космосу мета-корабль...

– Господи... – покачал головой Николай. – Какими же безумцами нужно было быть, чтобы создать столь страшное оружие?

– Согласна, – кивнула Ара. – За полторы тысячи лет истории ордена мы повидали почти все еще сохранившиеся мета-корабли. Хотя стоило это нам – ой, как дорого... Однако некоторые затаились на окраинах галактики в труднодоступных туманностях. И нам, похоже, крупно «повезло» напороться на один такой...

– Да уж, – иронично хмыкнул Ненашев. – Спаси Господи от такого везения...

– Именно. Мало того, кибермозг мета-корабля явно заинтересовался нашим экспериментом и проник вслед за крейсером в закрытую область. К сожалению, мы его не заметили, заметить мета-корабль совсем непросто. Их гипердвигатели работают на совершенно иных принципах, и выследить чудовище почти невозможно. А уничтожить, даже если выследишь, еще труднее. Нужно собрать вместе десяток дварх-крейсеров, тогда мощности их совместного залпа хватит. А на дистанцию действия гравидеструктора мета-корабль не даст подойти никому, взорвет противника раньше. Второй путь – заманить его под орудия боевой станции. Но их искины уже обладают информацией о том, на что способны наши станции, и при виде любой из них мета-корабли сразу улетывают в гиперпространство. Ищи их потом.

– Насколько я понял, – прищурился контрразведчик, – есть еще какой-то способ? Не зря ведь лор-капитан собрался идти с абордажной группой туда?

– Да, способ есть, – обреченно вздохнула Ара. – Но очень ненадежный и опасный. Нашими учеными не так давно разработан деструктивный боевой вирус, поражающий кибермозг мета-корабля. Но, чтобы вирус мог сработать, он должен каким-то образом попасть в информационные каналы этого самого мозга. Вот тут-то и начинаются сложности. Предтечи были чистой воды параноиками, и внутри мета-кораблей простреливается каждый метр пространства. Все стены истыканы разного вида автоматическим оружием. А гиперканал близко к инфоцентралям не проложишь. С таких вылазок, дай бог, если один из пяти возвращается...

Она вытерла слезы и глухо пробормотала:

– Думаете, я не поняла, что Лар меня просто пожалел?

Николай молча переглянулся со своим другом. Их спаситель, оказывается, пошел на смертельно опасное, да что там, на почти безнадежное дело. Штабс-капитан прекрасно знал,

каково это – провожать идущих на верную смерть друзей. А бедной девочке, похоже, еще не приходилось... Вон как вся извелась...

– Хоть бы только никто конечной смертью не погиб... – снова вздохнула Ара.

– Что значит: «конечной смертью»? – изумился поручик Малер. – Разве смерть не всегда конечна?

– Нет, – отрицательно покачала головой девушка. – Если от погибшего сохранится хоть кусочек пальца, то ти-анх за месяц вырастит ему новое тело. Лар уже два раза полностью восстанавливался.

– Новое тело? – с недоверием переспросил контрразведчик.

– Да. Ти-анх каким-то образом удерживает душу от ухода в белый канал. Не знаю точно – каким, я не специалист, но удерживает. И после того, как тело вырастет, душа принимает его. Почти не было случаев отторжения, раза два или три за последние триста стандартных лет. Но если человека распыляет сразу...

Она обреченно махнула рукой. Потом вдруг насторожилась.

– Группа Лара отправляется! – голос девушки стал прерывистым. – Хотите посмотреть?

– А это возможно? – насторожился Ненашев.

– Да!

Ара, видимо, что-то сделала – перед офицерами повисло изображение уже знакомого им огромного туманного зала. Но на сей раз все его пространство заполняли люди, одетые во что-то, напоминающее зеркальные темно-серые латы. Они стояли на полу, висели в воздухе, некоторые даже приклеились спинами к стенам на высоте нескольких метров. Николай зачарованно следил за их, на первый взгляд, беспорядочными перемещениями. Вот небольшая группа человек в тридцать собралась в центре зала, образовав из себя какую-то сложную геометрическую фигуру. Перед ними распахнулось сразу несколько гиперпорталов, и аарн мгновенно нырнули в них. Они настолько виртуозно владели своими летающими досками, что это изумляло.

– Великолепная выучка! – восторженно выдохнул Виктор Петрович. – Надо же как, стервецы, слаженно действуют!

– Лар отбирал лучших из лучших, – гордо сказала Ара, потом лицо ее дернулось. – Проклятье, я должна была быть среди них! У меня же реакция почти на порядок выше, чем у других!

– Не стоит обижаться на командира, – понимающе усмехнулся Николай. – Он хотел как лучше.

– Да что уж теперь, – безнадежно махнула рукой девушка. – Хоть бы только получилось... Очень жаль, что нет никакой возможности наблюдать за ними внутри мета-корабля, там какая-то гиперзащита неизвестной природы.

Она немного помолчала, затем насторожилась и резко скомандовала:

– Всем лечь! Начинается!

Николай откинулся на ложе, которое низко загудело и окуталось синим мерцанием. Неизвестно откуда возникшие гибкие щупальца крепко-накрепко прижали его к ложу. А зал, казалось, встал на дыбы. Даже сквозь мерцание гравиполя он видел, как вокруг носились туда-сюда незакрепленные предметы. Крейсер, похоже, вертелся, как бешеный, избегая залпа орудий мета-корабля. Николай попытался было хоть что-то понять в окружающем хаосе, но не смог. Безумное мельтешение продолжалось, как ему показалось, много часов. Но когда все закончилось, выяснилось, что прошла всего лишь четверть часа.

– Есть! – восторженно завопила Ара. – Ребята достали эту сволочь! Какие молодцы!

Ошеломленные встряской офицеры только растерянно хлопали глазами. Стена перед ними снова превратилась в экран. В туманном зале возникло пять черных воронок, откуда вылетели несколько человек, тащивших на себе неподвижные тела. Им сразу же открыли гиперпорталы еще куда-то, наверное, в этот самый ти-анх. Вдруг Ара мертвенно побледнела.

– Нет! – вырвался из ее груди отчаянный крик. – Лар! Нет!

Девушка ухватила себя за волосы и закачалась на кресле, взхлеб рыдая. Николай медленно поднял глаза на Виктора Петровича, потом на штабс-капитана Ненашева, и оба с грустью кивнули. Похоже, парень не вернулся... Только Володя ничего не понял и наивно спросил:

– А где господин лор-капитан? С ним ничего не случилось?

Ара рывками, с трудом приподняла голову. Из ставших огромными, широко распахнутых глаз девушки текли слезы.

– О-он н-навс-сегд-да ос-стан-нетс-ся в н-наш-ших с-сердц-цах и н-наш-ших д-душ-шах-х... – с трудом выдавила она и снова зарыдала.

Видимо, эта фраза являлась в среде аарн ритуальной.

– Светлая память... – мрачно пробормотал Николай и встал, вслед за ним медленно поднялись остальные.

Казалось бы, давно пора привыкнуть, что гибнут друзья и знакомые. Да вот только не получается... Ведь всего лишь полчаса назад человек смеялся, шутил, выпивал, радовался. И вот его уже нет... Володя, широко распахнув глаза, обвел взглядом вставших офицеров и наконец вскочил. Губы юноши задрожали, видно было, что он с трудом сдерживает слезы.

Ара вдруг встала.

– Идемте, братья... – мертвым голосом сказала она. – Сейчас будет Поминование.

Николай не выдержал, подошел к ней и взял за руку. Ара подняла заплаканные глаза и уткнулась ему в грудь, горько и безнадежно плача. Такое отчаяние слышалось в тихом плаче девушки, что повывавшего много офицера передергивало. Он осторожно обнял Ару за плечи и тихо погладил по растрепавшимся волосам. В конце концов, она взяла себя в руки, оторвалась от штабс-капитана и почти неслышно прошептала:

– Пора, ждут только нас...

Перед ними распахнулся гиперпортал, и Николай, поддерживая шатающуюся Ару, шагнул вперед. Оказавшись в туманном зале, он вздрогнул. Там собралось, должно быть, несколько тысяч человек. Впрочем, присутствовали не только люди. В стройных рядах замерших по стойке смирно аарн стояло немало диковинных прямоходящих ящеров. Сбоку штабс-капитан увидел нескольких драконов, ошибиться было невозможно – сложенные за спинами крылья этих огромных, раза в три выше человека, существ говорили сами за себя.

Было также множество паукообразных – они расположились на потолке, среди щупалец, выстроившись ромбом. Тихая скорбь повисла над залом. Слева стояли несколько человек, нервно оглядывающиеся по сторонам. Похоже, новички из красных. В центре зала застыл невысокий стройный человек с черной кожей и гривой белоснежных волос до пояса.

В воздухе медленно проявился портрет Лара. Смеющегося, со своей черной гитарой в руках. Он казался живым... Почти неслышно зазвучал перебор гитарных струн и раздался голос погибшего. Он пел... Только сейчас Николай вспомнил, что аарн умеют записывать звук и изображение.

Продолжая поддерживать шатающуюся Ару, он слушал незнакомые песни на неизвестных языках. Как жаль, что этот гениальный певец никогда и ничего больше не споет... Странная панихида продолжалась довольно долго, всей душой Николай чувствовал, что аарн прощаются с Ларом, они молчали, но это молчание было настолько переполнено болью, что его всего колотило.

А потом все закончилось. Продолжающую плакать Ару увела куда-то черноволосая молодая женщина, назвавшаяся Целителем. Зал как-то незаметно опустел, остались только они, красные и чернокожий офицер в центре. Он подошел к землянам и наклонил голову.

– Здравствуйтесь, братья! – негромкий голос был, тем не менее, наполнен силой. – Я дварх-полковник Эваль Релир кер Тарни, командир легиона «Ищущие Мглу». Кто из вас штабс-капитан Шаронский?

- Я! – Николай по привычке щелкнул каблуками, приветствуя вышестоящего офицера.
- Уходя, Лар попросил меня кое о чем на случай, если не вернется... Это касается вас.
- Слушаю вас, господин дварх-полковник!

– Лар просил отдать вам его фамильный меч... – негромко сказал Релир. – У него не было детей.

Он достал из-за спины потертые ножны и протянул русскому офицеру.

– Но почему мне?! – вскрикнул изумленный до онемения Николай и отступил на шаг. – Мы ведь только сегодня с ним познакомились! Я ведь ему никто!

– Видимо, – грустно усмехнулся дварх-полковник, – он разглядел в вашей душе что-то очень ему близкое. Я не берусь судить, я просто выполняю предсмертную просьбу друга. Возьмите!

И он снова протянул меч. Но Николай никак не мог решиться.

– Да бери же, беляк! – вмешался кто-то из красных.

Эти слова словно подтолкнули штабс-капитана. Он протянул руку и принял из рук командира легиона старый меч в потертых ножнах. От оружия веяло невероятной древностью. Николай вынул его из ножен и благоговейно поцеловал лезвие. Вдруг показалось, что меч принял его и одобрительно улыбнулся. Какое-то наваждение... А потом он вдруг понял, что следует сделать. Николай разрезал себе ладонь и полил клинок своей кровью.

– Клянусь тебе, Лар даль Далливан, что я, Николай Александрович Шаронский, не посрамлю твоей памяти! – слова клятвы сорвались с губ сами по себе, никто не сказал ни слова, даже красные, хотя один из них довольно отчетливо фыркнул.

Губы дварх-полковника дернулись, он шагнул вперед и обнял Николая. Потом отступил на шаг и скрипнул зубами.

– Эх, Лар, Лар... – очень тихо сказал он. – Шебутное твое высочество... Говорил тебе, дураку молодому – уходи, пока не поздно, не лезь к центральным отсекам...

– Высочество? – удивленно переспросил Ненашев.

– Однажды в одном королевстве у короля родился сын, – скользнула по губам дварх-полковника грустная улыбка. – Вот только вырос он совсем не похожим на других принцев и плевать хотел на власть. Ему нужна была только его гитара и слушатели, поскольку Создатель наградил Его королевское высочество божественным голосом. Принц с удовольствием отказался бы от власти, но по законам того королевства корона могла перейти к кому-нибудь только после смерти законного наследника. Король был уже стар, а кузен принца жаждал власти больше жизни. Думаю, всем понятно, что произошло дальше. Окруженному в старой башне принцу с оставшимися в живых двумя друзьями повезло, что в этот момент орден начал Поиск в его мире. Так Лар даль Далливан и стал аарн.

– Да... – протянул Николай и по-новому взглянул на меч. – А он ведь говорил, что в ордене есть бывшие принцы и бывшие рабы. Да только я тогда не понял, что он имел в виду...

– Вы сказали, что у вас коммунизм! – выступил из группы красных болезненно худой человек в круглых очках. – А у вас тут принцы всякие...

– Не коммунизм, – повернулся к нему дварх-полковник, – а некоторые его принципы. Например, каждому по потребностям, от каждого по способностям. Понятия денег, конечно, у нас не существует. Внутри ордена все бесплатно, а каждый из нас всегда отдает свои силы ради других.

Потом аарн посмотрел на ошеломленных его словами белых офицеров.

– И вы не удивляйтесь, господа, – понимающе улыбнулся он. – Наше общество настолько не похоже на остальные, что понять его вы сможете только изнутри. К тому же подумайте, если человек получает блага только за деньги, то его начинает снестать корысть. Не каждого, конечно, но все-таки. А там, где есть корысть, рождаются подлость, жестокость и все остальное.

Поэтому к нам попадают только люди, которые чище других, мы не можем позволить себе принимать желающих зла.

– Какие-то глупые интеллигентские измышления! – брезгливо бросил худой комиссар.

– Да? – приподнял брови дварх-полковник. – Тогда почему вы отказывались участвовать в расстрелах? Вас самого за это едва к стенке не поставили, но вы все равно не соглашались.

– Да... – покраснел комиссар. – Не знаю... Неправильно это – стрелять в безоружных людей! Пусть они хоть сто раз враги, все равно неправильно! Не мог я, чувствовал, что перестану человеком быть, понимаете? Хоть оно и буржуйское чистоплюйство... А!..

Он досадливо махнул рукой и покраснел еще сильнее. Дварх-полковник понимающе улыбнулся. Николай с удивлением переглянулся с Виктором Петровичем, вот уж не думал, что среди красных могут оказаться такие люди. Такому человеку, несмотря на то, что он враг, не грех и руку пожать.

Штабс-капитан Ненашев внимательно присмотрелся к худому комиссару, чем-то тот был знаком, кого-то смутно напоминал. Стоп, да это же один из тех троих, кого он отпустил в прошлом декабре. Отпустил, если честно, по той самой причине, по которой сам красный не мог расстреливать. Да, это точно он, хотя узнать парня в форме ордена было затруднительно.

– Значит, добрались тогда до своих? – спросил он, подойдя ближе. – И как, интересно, вы через наши позиции перебрались?

Комиссар настороженно всмотрелся в его лицо и, кажется, тоже узнал.

– Штабс-капитан... – пробормотал он. – Свиделись снова, значит. А ты тогда так и не ответил, почему отпустил нас. Может, сейчас скажешь?

– А по той же причине, что вы расстреливать не могли, – ответил контрразведчик. – Не хотел перестать себя человеком чувствовать.

– Вот видите, – вмешался в их разговор дварх-полковник. – У вас есть кое-что общее. И именно благодаря этим общим качествам вы оба и оказались у нас. Вот от вашего полкового комиссара, да и от большинства других, любой из нас шарахнулся бы с отвращением. Они просто палачи. Вы ведь замечали, что им нравится издеваться над беззащитными людьми?

– Замечал, – буркнул в ответ комиссар, скрипнув зубами. – Я потому и пошел с вами, что понимаю – где-то у нас что-то не так, не туда мы пошли!

Он с болью посмотрел на аарн.

– Но как правильно? – мрачно спросил он. – Я надеялся, что вы знаете... А у вас принципы...

– Если захотите, можете просмотреть исторические записи о других попытках построить коммунизм. Из них вы легко поймете, что ваши вожди наступают на те же грабли, на которые наступали их предшественники. Совершают те же ошибки. И потому ничего у них не выйдет.

– Да, – резко кивнул комиссар. – Я очень хочу увидеть эти ваши записи и понять в чем ошибка.

– Если коротко, – внимательно посмотрел на него аарн, – то в жестокости. Не построить ничего хорошего на боли и крови. Невозможно. Законы равновесия – а это законы природы – все вернут обратно. К тому же, у вас, как и у всех других, за стремящимися добиться справедливости стоят жаждущие власти любой ценой. Можете посмотреть собранные нами в России записи и документы, они не для вас готовились, а для наших социоматиков и социоинженеров. Эти документы четко показывают, кто на самом деле стоит за вами, красными. Кто вами воспользовался.

– Даже так? – закусил губу комиссар. – Тогда получается, что гражданская война затеяна, чтобы убрать тех, кто им мешал?

– Вы это поняли? – изумленно спросил дварх-полковник. – Очень рад, что вы сами это поняли...

– Давно подозреваю что-то в этом духе, слишком много ненужной жестокости.

– Значит, господин подполковник был прав, когда говорил, что нас с красными попросту стравили, как две стаи обозленных псов? – спросил Ненашев.

– Полностью прав, – подтвердил аарн. – Тем, кто хочет получить абсолютную, непрерываемую власть, всегда мешают честные и свободомыслящие люди. Вот они и воспользовались нарастающим недовольством народа в вашей стране, господин штабс-капитан. Часть лучших людей пошла в красные, часть в белые, и две эти группы вцепились друг другу в глотки.

– С этим можно что-нибудь сделать? Это можно как-то исправить?

– К сожалению, нет, – вздохнул дварх-полковник. – Люди вашей страны должны сами опомниться, навязанное со стороны ничего, кроме ненависти к навязавшим, не даст. Такие попытки с нашей стороны уже бывали, и они приводили к столь страшным социальным катастрофам, что ваша гражданская война по сравнению с ними – детские игрушки. Вы тоже, если хотите, можете посмотреть исторические записи, поговорить с социологами и социоматиками.

– Меня зовут Никита, – протянул комиссар руку контрразведчику.

– Мы тезки, – криво усмехнулся Ненашев, пожимая протянутую руку. – Если вы не против, комиссар, буду рад присоединиться к вам в изучении записей, о которых говорил господин дварх-полковник. Очень хочу понять, кто во всем этом кошмаре виноват.

Красный довольно долго смотрел ему в глаза, затем молча кивнул.

– Кстати, – продолжил контрразведчик, – вы на удивление правильно говорите. Вы где-то учились?

– Самоучка, – отрицательно покачал головой комиссар. – А точнее, ссыльные у нас в городке жили, они грамоте и обучили. Правильно говорить тоже. А потом книги и еще раз книги.

Николай смотрел на них и размышлял. Страшноватая истина открывалась, получается, что способные сдержат кошмар вместо того дрались друг с другом. А где-то там, далеко, звери в человеческом обличье дирижировали кровавой вакханалией. Что ж, черт с ними, придет время, и они за все заплатят. Бог, в конце концов, не слеп. А Николай отвоевался, хватит, теперь он в этом странном ордене, и ему очень хочется понять все, что пока понять не в состоянии.

Вдруг он вспомнил, что в красном Петрограде у него остались родители и Даша, младшая сестренка. Вот только живы ли? У всех остальных, насколько он знал, живых родственников не осталось. Взять хотя бы Виктора Петровича, чья жена сгорела от тифа у него на руках. Нет, он не может никуда уезжать, не зная в точности, что с семьей.

– Простите, господин дварх-полковник, – обратился он к Релиру. – У меня в Петербурге остались родители и сестра, правда, я не знаю, живы ли они.

– Если живы, найдем, – улыбнулся тот. – Я сейчас попрошу Асиарха, а вы представьте себе как можно точнее ваших родственников.

– Нечего меня просить, я и так все слышу, – раздался неизвестно откуда ворчливый голос. – Тем, кто со мной незнаком, представлюсь. Меня зовут Асиарх, я дварх – душа и разум крейсера «Пик Мглы». Если у кого-то еще есть родственники, которых хотите найти, говорите сразу. Проникновение в вашу область пространства нелегкая задача, другого случая может и не выдаться.

– Я бы брата забрал младшего, – выступил вперед один из трех красноармейцев, здоровенный парняга с простодушным лицом. – Мамку с тятькой махновцы повесили, я воевать ушел, а ему всего-то двенадцать годков. Тяжко малому пацану одному.

– У нас з Петром уси померлы з голоду тою зымою, – мрачно буркнул один из оставшихся, – тому до червоных и подался... Никого браты.

У белых офицеров тоже не осталось никого живого из родных, и каждый отрицательно покачал головой.

– Что ж, – снова раздался голос Асиарха. – Прошу вас двоих как можно точнее представить себе своих родственников. Это необходимо мне для начала поиска.

Николай закрыл глаза и, как мог тщательнее, представил себе по очереди мать, отца, Дашу. Почему-то родные вспомнились такими, какими видел их в шестнадцатом году во время вечеринки в честь окончания им училища. Какие они все были тогда веселые, счастливые... Да и он сам... Тогда ему казалось, что весь мир лежит перед ним, и молодой офицер всюду ухаживал за подругами сестры, шутил, смеялся. Кто бы в тот вечер и заподозрил, что через какой-то год вся их жизнь рухнет?

– Благодарю, достаточно! – оторвали его от воспоминаний слова дварха.

Офицер вздохнул и отошел к товарищам. Рука продолжала сжимать меч Лара. Он о чем-то говорил, слушал чей-то рассказ о чем-то. Но ничего не доходило до затуманенного сознания, тоска по прежним счастливым временам оказалась слишком сильна.

– Внимание! – голос Асиарха заставил его встряхнуться. – Ваш брат, Иван, обнаружен. А вот вас, Николай, я вынужден огорчить...

– Они умерли?

– Ваших родителей я найти не смог, по всей видимости, они действительно мертвы. Но ваша сестра жива и находится в Санкт-Петербурге.

Боль хлестанула по нервам, и Николай даже застонал сквозь зубы. Мамы с папой больше нет... Но Дашутка, как она там одна? Она же совсем не приспособлена к жизни. Всегда витала в облаках. Снова перед глазами встала смеющаяся прелестная шестнадцатилетняя девушка в белоснежном платье, и офицер закрипел зубами.

– Ее можно как-нибудь забрать оттуда? – спросил он.

– Да прямо сейчас и заберем, – пожал плечами дварх-полковник, – ничего трудного. Асиарх только локализует ее местонахождение, откроем гиперпортал, пойдете и возьмете ее.

– Внимание! – снова заговорил дварх. – Иван, ваш брат в беде! Мальчика в этот момент страшно избивают.

– Какая гнида?! – взвыл красноармеец. – Да я руки за это повырву!

Перед ними загорелось изображение полутемной, захлавленной комнаты. По полу катался оборванный мальчишка лет одиннадцати-двенадцати, весь залитый кровью, и кричал в голос. Толстый здоровенный бородатый мужик изо всех сил охаживал его кнутом.

– Так это ж Потап, наш мельник... – ошеломленно пробормотал Иван. – Вот же падлюка! Да разве ж можно пацана малого так бить?! Убьет же...

– Подразделению «Эракс-2» – боевая тревога! – скомандовал дварх-полковник. – Асиарх, открыть портал!

– Сделано! – прогремел голос дварха, и неподалеку завертелась воронка гиперперехода.

Откуда-то вынырнули около десятка аарн в темно-серых доспехах. Их руки сжимали какое-то никогда не виданное Николаем оружие. Но разъяренный до белого каления Иван опередил всех и прыгнул в воронку первым. Вслед за ним почему-то пошел штабс-капитан Ненашев. Почему, интересно? Ах да, он, кажется, физически не выносил, когда били детей. Странный, ежели признаться, пунктик. Видимо, самому в детстве хорошо доставалось.

Мельник наносил голодранцу удар за ударом и с каждым зверел все больше. Такой же бесполезный паскудник, как и его брательник был! Надо же, работать толком не хочет, а жрать давай! Целый мешок муки рассыпал, скотина малая! Ну, ничо! Получай, гад! Потап снова замахнулся, но в этот миг на его плечо упала чья-то тяжелая рука. Он повернулся и только успел лягнуть зубами, как кто-то так врезал ему по морде, что толстый мельник отлетел к стене и выронил кнут.

Немного опомнившись, Потап выплюнул несколько зубов и захлопал глазами, пытаясь понять, кто же это его так приложил. Напротив стоял здоровенный детина в черной форме, как бы не в корниловской. Дык откуда ж тут корниловцу взяться, тут уж полгода как красные будут! Присмотревшись внимательнее, мельник даже застонал от отчаяния. Мать-перемать! Этим корниловцем оказался Ванька, старшой брательник оборзевшего мальчика. И злой

как собака. Ох ты ж, пресвятая Богородица! Щас точно прибуьет. Вон, какой здоровенный вымахал! И принесло же гада как раз сейчас! Надо ж, кака падлюка, в каратели подался...

– Посмотрите, что с мальчиком! – подошел к скрипящему зубами Ивану еще один офицер в такой же форме. – Я этим мизераблем займусь, не зря же в контрразведке служил.

Тонкие, брезгливые губы искривились в многообещающей ухмылке. Потап при виде этой ухмылки едва не обделался и завизжал тоненьким, противным голоском. Офицер! Его высокоблагородие! Да не просто, перед ним стоял самый страшный кошмар всех, кто хоть когда-либо имел дело с озверевшим офицером, перед ним стоял контрразведчик.

– Встать! – команда была произнесена таким тоном, что мельника буквально вздернуло на ноги. Правда, эти ноги тряслись и подгибались.

Он, весь дрожа, смотрел на брезгливое лицо офицера и прощался с жизнью. Вдруг к карателю подошел еще кто-то, и Потап вовсе ошалел. Черт! Точно, черт! Весь железный, серый, на страшной морде что-то горит. Мельник затрясся еще сильнее и принялся мелко креститься. А чертяка коснулся своей морды, и та исчезла, вместо нее появилось лицо совсем молодого парня.

– Не стоит марать рук об эту падаль, господин штабс-капитан, – сказал он. – Мы накажем его по-другому. С этого момента он не сможет никого ударить, а если ударит, ему покажется, что ударили его самого.

– А такое возможно? – заинтересованно приподнял бровь контрразведчик.

– Очень даже просто.

Бывший черт повернулся к Потапу, тот снова тоненько завизжал от ужаса и таки обделался. И было от чего, глаза черта вдруг загорелись желтым адским огнем. Мельнику показалось, что в его голову вонзился раскаленный гвоздь. Вонзился и принялся там вертеться. Потап завопил уже в голос и потерял сознание.

Васька скорчился на полу и тихо всхлипывал. Ну, за что? Что он этому Потапу сделал такого? Ну виноват, ну упал, ну рассыпал чуток муки... Так чуток совсем, сил же больше нет проклятые мешки ворочать... Конечно, за сироту-то некому вступиться, мамку с тяткой махновцы повесили, Ванька где-то на войне сгинул. А кушать хочется. Да еще и зима, холодрыга страшная, вот и напросился к Потапу в батраки. Кто ж знал, что тот такая гнида? Кормил хуже, чем собаку, а как в зубы, так завсегда. Ой, спасибо тебе, боженька, кажись, устал, не бьет больше. Мальчик заскулил, пытаясь отодвинуться. Он все еще не рисковал открывать глаза, боясь снова увидеть падающий на него кнут.

– Ой, Васята... – раздался над ним знакомый голос. – Ой, шо ж он с тобой сотворил, падлюка така...

Ванька! Ванька вернулся! Васька распахнул глаза. Действительно, над ним склонился Иван. Не убили, знать, вернулся. Ну, теперь он Потапу покажет! Тут взгляд мальчишки скользнул ниже, и он отшатнулся. Старший брат был одет в офицерскую форму! Черную форму, очень похожую на форму корниловцев, которые однажды пороли их деревню. Только на плече горел какой-то страшный глаз.

– Вань... – растерянно пробормотал он. – Ты шо, в беляки подался?

– Та не, – махнул рукой старший брат, – потом расскажу. С собой тебя забираю, неча тебе тут голодать и холодать самому.

– Пустите, я доктор, – присел рядом с ними еще кто-то в такой же форме, как и на Иване. – Болит, небось?

– Болит... – согласился Васька, настороженно поглядывая на незнакомца, докторов он побаивался после того, как еще до революции заболел, и тятка привез из Серпуховки фельдшера.

– Не бойсь, сейчас мазью смажем, и сразу перестанет. А на корабль вернемся, там вообще быстренько тебя на ноги поставим. И следа не останется!

Странный то ли офицер, то ли доктор раскрыл свой баул и достал белую коробку. Васька не успел даже испугаться, как его ловко перевернули на живот и принялись смазывать избитую спину чем-то холодным. И боль сразу проходила! Совсем скоро у него почти ничего не болело. Вот это доктор! Совсем не то, что серпуховский фельдшер. Тот бы так лечил, что Васька орал бы как резанный.

– Ну что, пошли? – добродушно усмехнулся доктор, когда Васька с трудом встал на дрожащие ноги. – Только Иван...

– Чего? – повернулся к нему тот.

– На крейсере надо мальчика сразу в ти-анх положить, ночь там поспит, а утром здоровым проснется, мазь только боль сняла, не вылечила.

– Надо, так надо, – пожал плечами Иван. – Пошли, Васята.

– А куда, Вань? – спросил тот.

– Там увидишь.

И потянул младшего брата за руку к темному углу. Мальчик не успел ничего понять, ему показалось, что его завертело, растянуло, и они оказались в месте, которое Ваське и в дурном сне привидеться не могло.

Николай наблюдал за происходящим на экране и тихонько посмеивался, представив себе, что мог подумать злополучный мельник. Иван с младшим братом тем временем появились в туманном зале. Здесь их поджидали двое аарн с висящими в воздухе носилками. Ошеломленного до онемения и потому не сопротивляющегося мальчишку уложили на них и куда-то увезли.

– А теперь займемся вашей сестрой, Николай, – раздался голос Асиарха. – Вы готовы?

– Да! – вскинулся он.

На экране напротив возник какой-то захламленный коридор, в котором офицер с трудом узнал коридор дома, в котором родился и вырос. Его родители никогда не были особо богаты и жили в казенной квартире, предоставленной департаментом, где служил отец. Господи, да во что подселенцы превратили его дом?! Николай и представить себе не мог такой грязи, мама всегда отличалась болезненной чистоплотностью. Да и Ксения Ивановна, их старая горничная, никогда бы не позволила появиться даже намеку на этот кошмар. Похоже, нынешние жильцы просто сваливали мусор на пол, нисколько не озабочиваясь тем, чтобы его вынести. Прямо в коридоре были натянуты веревки с висящим на них грязным тряпьем. Видимо, и их квартира не избежала так называемого уплотнения...

Вдруг заскрипела дверь одной из комнат, и в коридор вышла худенькая, большеглазая девушка. Только внимательно присмотревшись, Николай смог узнать в ней свою сестру. Она загравлено осмотрелась, плотнее закуталась в старую, рваную шаль и осторожно двинулась в сторону кухни, все время со страхом оглядываясь.

Даша осторожно выглянула из двери своей маленькой комнатки. В прежние времена там жила Ксения Ивановна, их старенькая то ли горничная, то ли нянька. Она была Дашеньке с Николкой второй матерью, и дети обожали старушку. Ведь та постоянно баловала своих любимцев чем-то вкусеньким, рассказывала сказки на ночь, да мало ли еще что, сейчас всего и не вспомнить. Уж как ее, бывало, уговаривали перебраться в комнату побольше и поудобнее, но она упиралась руками и ногами, утверждая, что ей и здесь хорошо. Наверное, к лучшему, что Ксения Ивановна умерла в самом начале семнадцатого и не успела увидеть всего этого ужаса.

А теперь Даша радовалась, что у нее есть хоть этот угол, что ее саму не выбросили на улицу. Для «товарищей» ведь это запросто. Она вспомнила, как избили до полусмерти и вышвырнули соседа, Алексея Игоревича, одноногого отставного артиллерийского полковника. И чем им помешал несчастный, безвредный старик? Слава богу, ей разрешили приютить бед-

нягу в пустой кладовке, где и повернуться-то было негде. Точнее, увлеченные грызней между собой жильцы просто не обратили внимания на никогда не выходившего из кладовки нового соседа. Даша уже пятый месяц ухаживала за угасающим на глазах совсем чужим человеком, подкармливая его, как могла. Правда, у нее и у самой мало что было, но девушке и в голову не приходило съесть паек самой, не поделившись с голодным стариком. Вот и сейчас она несла Алексею Игоревичу немного хлеба и кружку кипятку, нагретого на буржуйке в ее комнатке. Повезло, по дороге домой удалось найти кусок оглобли, и Даша смогла немного протопить и согреть воды. Жаль, что нет сахарину... Может, на следующий месяц в пайке немного и дадут. Обещали, по крайней мере.

Счастье еще, что она умела печатать и нашла работу в непонятной конторе с диким названием. Работать приходилось очень много, но зато ей дали небольшой паек, и можно было с трудом, но выжить. Хотя Даша иногда сомневалась в необходимости этого самого выживания. Что ждет ее впереди? Девушка не знала, но на хорошее почти не надеялась. Ее даже один раз хватили чекисты, но почему-то отпустили. Возможно, не знали, что ее брат – белый офицер. Сама она, понятно, об этом обстоятельстве не распространялась.

Даша снова осторожно оглянулась и мышкой скользнула к кладовке, в которой умирал Алексей Игоревич. В последние несколько месяцев ее жизнь стала совсем уж невыносимой. На нее положил глаз один из новых жильцов, красномордый, вечно пьяный Илья, и не давал проходу. Каждый раз, когда Даше не везло на него напороться, он зажимал девушку в углу и принимался лапать, говоря всякие скабрёзности. За защитой обратиться было не к кому, уходить тоже некуда. Потому Даша старалась избегать его, как только могла. Если слышала, что Илья заявился домой, то носу не казала из своей комнатки.

Девушка прекрасно понимала, что даже если этот скот ее изнасилует, то ничего ему не будет. Спасибо Господу, что пока он все-таки не решался... Впрочем, как и все подобные личности, Илья был откровенным трусом, Даша видела, как он унижался перед любым, обладающим хоть мало-мальской властью, и однажды пригрозила ему, что пойдет в ЧК и обвинит его в связях с белогвардейским подпольем. После этого Илья вообще не трогал ее недели две, и девушка немного успокоилась. Но вечно пьяный «пролетарий», а на самом деле мелкий воришка, не способен был сосредоточиться даже на угрозе собственной жизни – то, что осталось от его мозга, продуцировало только страх или похоть.

Вскоре все началось снова. Правда, теперь он пытался купить расположение девушки продуктами и рассказывал соседям, что она проститутка. И до того Даша была в не слишком хороших отношениях с подселенными, а теперь стало и вовсе невозможно. В ее сторону едва ли не плевали, а оправдываться в чем-то перед новыми жильцами девушка считала ниже своего достоинства. Предпочли поверить Илье? Бог им судья. Сама Даша прекрасно знала, что скорее умрет с голоду, чем продаст свое тело кому-либо.

Она привычно постучала в дверь, хотя и знала, что Алексей Игоревич не встает. Однако входить без стука было невежливо.

– Здравствуйте, Дашенька! – поприветствовал гостью старик и слабо улыбнулся, слегка приподнявшись с кучи тряпья, заменявшего ему постель.

– Здравствуйте, Алексей Игоревич, – поздоровалась девушка. – Я вам тут немного хлеба с кипятком принесла, вы попейте, пока не остыло.

– Да что же вы от себя отрываете-то? – слегка покраснел он. – Все возитесь и возитесь со мной, будто я вам отец или дед...

– Мы ведь люди, а не звери, – грустно улыбнулась Даша. – И не эти...

Она кивнула в сторону двери, подразумевая новую власть и ее представителей, от которых жалости и человечности действительно дожидаться было трудно, если вообще возможно.

– Так что вы кушайте. И не беспокойтесь, я вон какая маленькая, мне совсем немного надо.

Улыбка осветила ее лицо, ставшее в этот момент настолько красивым, что старый человек едва не захлебнулся от восторга. Все это время Алексею Игоревичу было мучительно стыдно есть то, что приносила эта совсем чужая ему девочка. Он все время пытался отказаться, а Дашенька все время его уговаривала, как уговаривают порой маленького ребенка. И старик ел... Но ежедневно молил Господа прекратить его мучения, да и девочке полегче будет после того, как его не станет. Но Господь почему-то медлил. Алексей Игоревич продолжал жить и проклинать эту самую жизнь. Дашеньке он, конечно, этого не говорил, не хотел огорчать милое дитя.

Он вспомнил девушку такой, какой она была до семнадцатого года, и только вздохнул. Кто мог заподозрить в той беззаботной пташке в белоснежном платьице такую огромную душу? Такую доброту? Впрочем, и лучшие, и худшие качества человека почему-то проявляются в беде... Почему? Алексей Игоревич ответа не знал, знал только, что это так. Старик с жалостью посмотрел на девушку и вздохнул – сама худенькая, что тот воробушек. А тут еще проклятый Илья совсем бедняжке жизни не дает. Будь он здоров, показал бы этой сволочи, где раки зимуют.

Алексей Игоревич прикусил губу – посоветовать бы Дашеньке что-нибудь, да что здесь посоветуешь? Он покорно съел размоченный хлеб, запил остывшим кипятком и поблагодарил девушку. Потом, желая хоть чем-то порадовать ее, принялся рассказывать один из романов Дюма-пэра. Дашенька всегда рада была послушать что-нибудь такое и отвлечься от страшной реальности. Ее глаза в такие моменты становились мечтательными, и хотелось бы старику знать, о чем она думает. Но спрашивать Алексей Игоревич не решался.

– Ладно, пойду, – спохватилась девушка. – Поздно уже, а мне завтра к семи на работу.

– Идите, Дашенька, идите, – улыбнулся старик. – Поспите, и пусть вам приснится что-нибудь хорошее.

– Спасибо, Алексей Игоревич, – тоже улыбнулась она.

Даша вышла из кладовки и аккуратно притворила за собой дверь. Спать хотелось невероятно, болели глаза, спина, ноги. Сегодня ей пришлось сидеть за пишущей машинкой почти пятнадцать часов, и девушка очень устала. Она повернулась и замерла. Прямо посреди коридора стоял гнусно ухмыляющийся Илья, явно поджидавший ее. О, Господи! Только его и не хватало!

– Ну чо, Дашка, надумала? – хрипло спросил красномордый и ослабил. – Полфунта сала дам. Свежее, деревенское!

– Ешьте ваше сало сами! – брезгливо ответила девушка, сглотнув, правда, голодную слюну. – И оставьте вы меня в покое!

– Ты гля, кака цаца! – хохотнул Илья. – Гляди, допрыгаисси...

Он, гнусно ухмыльнувшись, шагнул вперед и поймал попытавшуюся ускользнуть Дашу за рукав. Прижав ее к стене, принялся беспардонно лапать. Да так, что девушка вскрикнула от боли. Она сопротивлялась изо всех сил, молча сопротивлялась, но Илья обладал бычьей силой и только похохатывал в ответ на все ее попытки вырваться. А кричать было совершенно бесполезно, ее же виноватой и выставят. Рука Ильи проникла под юбку, и Даша не смогла сдержать слез отчаяния. Уже не помня себя, девушка вырвала одну руку из хватки насильника и ткнула его пальцем в глаз. Илья взвыл и отпрянул. Даша рванулась в сторону и в ужасе оглянулась. Добежать до своей комнаты она не могла, эта сволочь стояла на дороге. Господи, да куда же деваться-то? Она кинулась к кладовке Алексея Игоревича и дернула на себя дверь, надеясь, что успеет запереть ее за собой. Не успела. Удар в спину отшвырнул Дашу к стене.

– Ну, сучка дворянская! – послышался сзади рев Ильи. – Усе, п...ц тебе!

Сильно ударившаяся девушка повернулась и заставила себя встать, невзирая на боль.

– Оставьте девушку в покое, имейте совесть! – раздался голос Алексея Игоревича, с трудом приподнявшегося на кровати.

– А ты, хрыч старый, ваще заткнись в тряпочку! – гаркнул красномордый. – А то щас придушу!

Он снова повернулся к сжавшейся в уголке девушке. Даша вздрогнула – в руке Илья сжимал нож.

– Знать так, сучка! – продолжил он, поигрывая ножом. – Щас ты у меня за щеку брать бушь! Поняла? И хорошо брать, попробуй токо укуси!

Господи! Помогите! Да что же ему надо, подонку такому? Даша в ужасе смотрела на Илью и понимала, что сейчас с ней случится что-то страшное. Она не обратила внимания на возникшую в дверном проеме темную фигуру. Только удивленно моргнула, когда какая-то сила выдернула Илью из кладовки в коридор, оттуда послышались звуки ударов и хриплый мат насильника. Он что-то орал, но быстро заткнулся и вскоре только хрипел. Ничего не понимающая Даша продолжала удивленно смотреть на дверь. В этот момент внутрь кладовки вошел человек в черно-серебристой, явно офицерской форме.

– Позвольте представиться, сударыня, – поклонился он, – штабс-капитан Ненашев, Никита Александрович.

– Очень приятно, господин штабс-капитан... – пробормотала ошеломленная девушка.

Офицер повернулся к двери и негромко бросил кому-то:

– Где вы там, Николай? Оставьте *это*, с него уже хватит.

В слове «это» было столько брезгливости, что она ощущалось почти физически.

– Не позволю... – ответил смутно знакомый голос. – Не позволю всякой падали мою сестру оскорблять!

Сестру?! Неужели... Господи! Господи! Господи! Это же Коля! Живой! Даша вскрикнула и рванулась мимо едва успевшего посторониться штабс-капитана в коридор. Там два других офицера трясали хрипящего Илью, из носа которого всюю хлестала кровь.

– Коля! – вскрикнула Даша, один из офицеров обернулся и бросился к ней.

Да, это был Коля... Непривычно взрослый, небритый, одетый в незнакомую форму, но несмотря ни на что – Коля! Девушка уткнулась ему в грудь и разрыдалась, выплакивая все горе и отчаяние последних лет. Теперь, когда рядом находился кто-то родной, не было нужды держать себя в стальном кулаке. Она смотрела на лицо брата и никак не могла насмотреться. Ой, а этих шрамов раньше не было... Наверное, он был ранен? Впрочем, что это она, война ведь, хорошо, что вообще не убили. Но как он с друзьями мог в Петербурге оказаться? Да еще и в форме!

– А я за тобой, Дашут, – детское прозвище заставило девушку улыбнуться сквозь слезы, и только потом до нее дошел смысл слов. За ней? Коля приехал за ней, чтобы забрать из этого ада?

– Мама с папой умерли? – спросил Николай.

– Еще в начале восемнадцатого, – кивнула Даша, оторвавшись от его груди и посмотрев в лицо. – Ты же знаешь, у папы было больное сердце...

– Знаю.

– Во время одной из очередных «экспроприаций» он не выдержал, упал и больше не встал. Инфаркт. А мама после этого за три месяца тихо угасла. Господь оказался к ней милостив, во сне отошла. Потом большевики «уплотнение» сделали, набили в нашу квартиру почти двадцать человек. Я с тех пор в комнате Ксении Ивановны живу.

Негромким, спокойным голосом девушка рассказывала обо всем, что ей довелось пережить за последние два года, и Николай только кулаки сжимал. А когда она дошла до того, как ее начал преследовать Илья, офицер не выдержал, заскрипел зубами.

– Неужели не к кому было обратиться за помощью?

– К кому? – приподняла брови Даша. – Эта сволочь всем рассказала, что я продажная и только ломаюсь. Поверили, конечно, ему... Я же дворянка. Да мне, впрочем, еще повезло. Помнишь Веру Сверскую? Ты за ней в шестнадцатом году ухаживал.

– Да.

– Ее пьяная солдатня всю ночь насильовала. А что потом с ней сотворили, мне и вспомнить страшно. Даже хоронили в закрытом гробу.

Даша вздрогнула, и Николай снова прижал сестру к себе.

– Успокойся, Дашут, – почти неслышно сказал он. – Никто больше тебя не обидит.

– Как вы вообще здесь оказались? – спросила девушка. – Как вас первый же патруль не арестовал? Вы же в форме!

– Есть способы, – хитро улыбнулся Николай. – Увидишь. Собирайся и пошли, нечего нам здесь делать.

– А как же Алексей Игоревич? – подняла на него глаза Даша. – Он без меня пропадет.

– Какой Алексей Игоревич?

– Сосед наш бывший. Помнишь одноногого полковника, который в квартире напротив жил? Ну, тот, который тебе кораблик парусный подарил?

– А-а-а... – с трудом припомнил Николай. – А он здесь при чем?

– Красные его на улицу умирать выбросили. Я старика в кладовку нашу поселила, слава Господу, никто внимания не обратил. Он уже и не встает...

Она потянула брата за рукав и сказала:

– Идем, он тебя, наверное, узнает.

– Подожди, – Николай снова бросил взгляд на дрожащего в углу Илью, и того от этого взгляда передернуло. – Я, пожалуй, все-таки прибью эту сволочь.

Он подошел ближе к красномордому. Впрочем, сейчас насильник имел весьма бледный вид.

– Не стоит, Николай, – раздался позади чей-то голос. – Он и так достаточно получил, а я сейчас сделаю с ним то же, что с тем мельником.

Даша обернулась и удивленно замерла. Перед ней стоял человек в такой же форме, как и на всех остальных офицерах, однако кожа его была угольно черной. Арап! Но какой арап... Тонкие, аристократические черты лица, огромные золотистые глаза и грива снежно-белых волос до пояса. Николай тоже обернулся.

– Вы думаете, не стоит, господин дварх-полковник?

– Именно так, – кивнул тот. – Тем более что я даже усилию воздействие. Он не только станет чувствовать боль от любого удара, который попытается нанести, но и при попытке кого-либо изнасиловать лишит себя мужского естества. Собственными руками. Причем, прекрасно понимая, что делает, но сопротивляться своим действиям не сможет.

– Великолепно! – расхохотался Николай. – Просто бесподобно! Уж кто-кто, а эта сволочь заслужила.

Непонятный дварх-полковник наклонил голову. Хотела бы Даша еще понять, что это за звание такое. Никогда до сих пор не слышала. Впрочем, арап ведь явно иностранец. Но как хорошо он говорит по-русски... Странно даже.

Внезапно глаза чернокожего офицера загорелись желтым огнем и вскоре стали похожи на раскаленные угли. Господи! Даша испуганно прижалась к брату, но тот остался совершенно спокойным. Наверное, уже видел нечто подобное и уверен, что это безопасно. Доверившись ему, девушка несколько успокоилась, но была сильно озадачена. Да что там, она вообще ничего не понимала. Дварх-полковник подошел к завизжавшему от ужаса Илье и наклонился над ним. Тело краснорожего выгнуло дугой, он захрипел и потерял сознание.

– Сделано, – удовлетворенно кивнул Релир, потом повернулся и внимательно посмотрел Даше в глаза.

Девушке почему-то показалось, что из нее вынули душу, положили на ладонь и внимательно эту самую душу рассмотрели. Ощущение было очень странным, пугающим, непривыч-

ным. Ей вдруг стало страшно, она почувствовала себя обнаженной и открытой взгляду любого желающего видеть ее наготу.

– Вот, значит, как? – заинтересованно приподнял бровь дварх-полковник. – Последний кусок хлеба с больным стариком делили?

– Откуда вы знаете? – растерялась Даша.

– Увидел, – улыбнулся Релир. – Могу только преклониться перед памятью ваших родителей, сумевших *так* воспитать обоих детей.

– Благодарю, – тоже улыбнулся в ответ Николай, понявший, что Релир просмотрел память его сестры. И как же он сейчас гордился ею.

– Не бойся, Дашут, – шепнул офицер напрягшейся девушке. – Ничего страшного, вот увидишь, теперь все будет хорошо.

Она облегченно всхлипнула и снова уткнулась брату в грудь.

– И можете не беспокоиться об Алексее Игоревиче, – продолжил дварх-полковник. – Не думаете же вы, что мы оставим одинокого больного человека умирать от голода? Тем более что после нашего вторжения здесь обязательно появится эта, как ее там, ЧК, что ли?

– Да.

– И именно за старика они возьмутся в первую очередь. Представьте ему меня, пожалуйста, Николай.

– С удовольствием.

Они прошли в кладовку. На краю кровати сидел штабс-капитан Ненашев и внимательно слушал что-то рассказывающего старика. Увидев вошедших, он поднялся.

– Вы не представляете себе, господа, какой кошмар здесь творится! – мрачно сказал контрразведчик.

– Уже представляю, Даша мне рассказала, – возразил Николай и повернулся к старику. – Здравствуйте, Алексей Игоревич!

– Здравствуйте, Коля, – улыбнулся тот. – Если бы вы знали, как мне приятно видеть перед собой русского офицера. Вот только форма у вас всех какая-то странная. . .

На щеках старика горел румянец. Он жадно оглядывал каждого и, казалось, не мог насмотреться.

– Алексей Игоревич, позвольте представить вам дварх-полковника Эваля Релира кер Тарни, командира легиона «Ищущие Мглу».

Аарн выступил вперед и коротко поклонился. Глаза старика расширились, но больше он ничем не выдал своего удивления при виде человека с черной кожей и белыми волосами.

– Рад приветствовать, господин дварх-полковник. Вы, по-видимому, издалека? Мне незнакомо ваше звание. . .

– Очень издалека, – улыбнулся Релир. – А звание? Обычно я команду двадцатью тысячами бойцов и четырьмя дварх-крейсерами.

Алексей Игоревич не стал спрашивать, что такое дварх-крейсера. Он только попытался понять, из какой страны может быть родом этот человек, но не смог.

– Мы рады пригласить вас к нам в гости, – продолжил дварх-полковник. – Николай забирает Дашу с собой, и вы останетесь совсем один здесь. Мне не кажется, что это хорошо. А в нашем госпитале вас быстро поставят на ноги.

– Ну, – иронично усмехнулся старик, – поставить на ноги человека можно, если эти ноги у него есть.

– И это не проблема, – заверил Релир.

– Соглашайтесь, Алексей Игоревич, – вмешалась Даша. – Я не могу позволить вам самому здесь мучиться!

– Да не думайте вы обо мне, Дашенька! – замахал на нее руками старик. – Вы и так уже который месяц со мной возитесь, будто я вам отец или дед. Хоть вас из этого кошмара увезут. А куда меня везти? Я и ходить-то не могу.

– Носилки ждут в коридоре, – снова заговорил Релир. – И вы удивитесь, но идти совсем недалеко. Сейчас подойдет Целитель и займется вами.

Действительно, через несколько минут в дверях появилась молодая женщина довольно странной наружности. Недлинные жесткие ярко-желтые волосы стояли на ее голове гребнем, резко контрастируя с голубыми глазами на мертвенно-бледном удлинённом лице. Одетая незнакомка была в такую же форму, как и все остальные.

– Лэ Кверсар Фарн Эгинэ, – отрекомендовалась она приятным контраalto. – Лор-лейтенант легиона «Ищущие Мглу», Целитель. Прошу пропустить меня к больному.

Ненашев и Релир вышли из кладовки, в которой и повернуться уже было негде. Николай с Дашей отодвинулись к стене, и женщина подошла к старику. На ее лице возникла добрая улыбка, настолько добрая, что Алексей Игоревич не смог не улыбнуться в ответ.

– Пожалуйста, полежите немного не двигаясь, – попросила Целительница. – Мне нужно вас обследовать.

Старик кивнул и откинулся на тряпье, заменявшее ему постель. Но доктор не стала откидывать сшитое Дашей из лоскутьев одеяло, она нараспев произнесла несколько непривычно звучащих слов. Глаза ее закатились, а руки засветились призрачным синим светом. Это было настолько непонятно и пугающе, что все замерли. Женщина медленно повела светящейся рукой над лежащим Алексеем Игоревичем, и ему показалось, что вслед за этим движением застарелая и давно привычная боль куда-то уходит. Какое странное ощущение... Целительница продолжала что-то шептать, и самочувствие старика с каждым мгновением становилось все лучше. А потом вдруг прекратила, отошла на шаг и рухнула без сознания. Ворвавшийся в кладовку дварх-полковник едва успел подхватить ее.

– Опять выложились до предела, дурочка несчастная! – в сердцах выругался он. – Сколько раз уже предупреждали, что так нельзя!

– А что она неправильно сделала? – осторожно поинтересовалась Даша, изумленная таким способом лечения.

– Отдала почти всю свою жизненную силу, – недовольно проворчал Релир. – Лэ – слабенький маг-целитель, и никак не может научиться контролировать отдачу при исцелении. Теперь снова несколько суток спать будет, а потом еще с неделю ходить, шатаясь от слабости. Нет, вернемся домой, я ее за шкуру в Академию Целительства учить отволоку! Хватит!

– Так это что же получается, ваша девушка отдала мне собственную силу? – спросил Алексей Игоревич, довольно уверенно сидевший на кровати, чего не случалось уже несколько месяцев. – Но зачем?

– А разве вы сейчас не чувствуете себя лучше, чем раньше? – улыбнулся дварх-полковник.

– Настолько лучше, что я и не помню, когда так хорошо себя чувствовал.

– Для того и отдала. Но того же результата можно было добиться с куда меньшими затратами сил, и самой при том на ногах остаться. Нет, я этой девчонке больше не позволю так себя тратить!

Он повернулся к двери и позвал:

– Штабс-капитан!

– Вы звали? – Ненашев появился на пороге.

– Да, – кивнул Релир. – Не могли бы вы с Николаем помочь Алексею Игоревичу добраться до носилок?

– Конечно, – кивнул контрразведчик.

Офицеры осторожно подняли старика и вынесли в коридор. Даша вышла следом и ошеломленно замерла. Носилки, на которые они положили Алексея Игоревича, висели в воздухе! Господи, да кто эти люди?! Она впервые после встречи с братом оглянулась и удивленно покачала головой. Теперь понятно, почему никто из скандальных жильцов не вышел на шум. У каждой двери замер вооруженный странной короткой винтовкой офицер. Наверное, напуганные до смерти господа «пролетарии» сидят по своим комнатам тихо, как мыши.

Прав был дварх-полковник, как только они уйдут отсюда, большинство жильцов сразу бросится в ЧК. Но девушка не понимала, каким образом группа офицеров, да еще и иностранцев, собирается выбираться из Петрограда. К тому же – с инвалидом на руках. Ведь на улицах сотни патрулей... Она потрясла головой, пытаясь избавиться от наваждения и надеясь, что все это не привиделось ей в бреду.

– Идем, Дашут, – взял сестру за руку освободившийся Николай, и девушка вцепилась в него, как тонущий в спасательный круг. – Ничего не бойся. Сперва тебе все покажется таким же странным, как показалось мне. Да что говорить, я сам в орден только сегодня попал и до сих с трудом верю своим глазам.

– Только сегодня?

– Да. Еще несколько часов назад я находился в Иркутске, ждал расстрела в местной тюрьме. И представить себе не мог всего, что вскоре случится.

Даша удивленно посмотрела на брата.

– Потом расскажу, – добавил он. – Ты хочешь что-нибудь взять на память? А то мы сюда вряд ли когда-нибудь вернемся.

– Разве что портрет папы с мамой, – грустно улыбнулась она. – Больше брать нечего, все отобрали.

Забежав к себе в комнатку, Даша схватила со стола маленькое фото, сделанное еще в шестнадцатом году. Оно сохранилось чудом, кто-то даже наступил на упавшую во время обыска фотографию, и сейчас на ней виднелся след грязной подошвы. Оглядевшись, девушка поняла, что больше брать нечего. Она вздохнула и снова вышла в коридор.

– Ты готова? – встретил ее брат. – Сейчас переходим на крейсер.

Даша снова ничего не поняла, но согласно кивнула. Что-то изменилось здесь, и сперва девушка даже не поняла, что именно. Только оглянувшись, увидела в конце коридора черную, бесшумно вертящуюся туманную воронку, немного похожую на смерч, и покачала головой. После летающих носилок на удивление сил уже не было. Да что же это за орден такой?! Кто они? Масоны, что ли? Да нет, вряд ли. Встречала она масонов, обычные люди.

К воронке подошли два незнакомых офицера, шагнули в нее и исчезли. Господи! Онемевшая Даша смотрела, как к пугающему черному провалу подплыли носилки с Алексеем Игоревичем и тоже скользнули туда. Один за другим странные офицеры шли к воронке и скрывались в ней.

– Идем, – потянул ее вперед Николай. – Наша очередь.

Даша пошла к воронке, как во сне. Впрочем, она не была уверена, что это не сон. Вполне возможно, что сейчас она проснется и выяснится, что ничего не случилось, что должна встать и идти на работу. Что снова нужно бояться пьяного Илью и выстаивать тысячные очереди за своим жалким пайком. Уже почти уверившись, что спит, девушка ступила в воронку. Ее рвануло, схлопнуло, что-то мелькнуло в глазах, и она оказалось в каком-то огромном помещении, выглядящем настолько непривычно, что Даша даже ущипнула себя. А ущипнув, поняла, что все же не спит. Но если так, то где она?! Даша повернулась к улыбающемуся брату.

– Помнишь, – ответил он на не заданный вопрос, – мы с тобой читали «Из пушки на Луну» Жюль Верна?

– Да...

– Мы сейчас в космосе, а это, – Николай повел рукой вокруг, – огромный звездный корабль. Аарн натолкнулись на наш мир случайно. Их орден берет людей отовсюду, насколько я могу судить, и отбирает кандидатов по моральным качествам. Да черт побери, я сам еще ничего не понимаю! Но мне здесь нравится...

Слова брата казались дикими, невероятными, но объясняли все. Люди из иных миров... Даша новыми глазами посмотрела вокруг, и голова закружилась от чуждости всего, что она увидела. Мимо пронеслись несколько огромных пауков, но девушка почему-то не испугалась, хотя раньше боялась пауков до визга. Плавающие в воздухе клочья разноцветного тумана и перезвон невидимых маленьких колокольчиков где-то вдалеке создавали ощущение сказочной феерии. Казалось, Даша попала в сказку. Пролетевший невдалеке ярко-алый дракон только усилил это ощущение.

– Прошу внимания! – раздался звонкий девичий голос.

Даша обернулась и увидела улыбающуюся, приятную шатенку, очень похожую на ее подругу, Леночку Горивлеву, невесть куда пропавшую еще в семнадцатом году. Она даже шагнула вперед, но присмотревшись, поняла, что это все же не Леночка, что незнакомка только похожа. Девушка была одета в такую же форму, что и все вокруг. Странно, но здесь, похоже, в армии служат и женщины.

– Мое имя – Вериль, – продолжила между тем шатенка. – Я – Целитель. На вас слишком много всего свалилось сегодня, господа офицеры, поэтому я требую, да-да, не прошу, а требую, чтобы вы немедленно отправились отдыхать. Перед сном каждому желательно принять грамм по двести алкоголя. Сейчас вас проводят по вашим каютам.

– А может... – выступил вперед Ненашев.

– Никаких «может»! – перебила его Вериль. – Или мне обратиться к дварх-полковнику, чтобы он облек мое требование в форму приказа?

– С Целителями лучше не спорить, – негромко рассмеялся подошедший Релир. – Они все равно своего добьются, будь ты хоть дварх-адмирал. Они самого Т'Сада могут от полета отстранить, если потребуется. Да и то, поспать вам действительно необходимо. А утром проведем экскурсию по крейсеру, тогда все и посмотрите.

– Ладно, госпожа Целитель, – махнул рукой контрразведчик и тоже рассмеялся. – Вы правы, глаза слипаются. Часов тридцать уже, поди, без сна...

– Вот именно, – кивнула Вериль и повернулась к Николаю. – Вас это тоже касается. Понимаю, что долго не видели сестру, но вы еще успеете наговориться. До Аарн Сарт около недели полета, так что времени хватает. К тому же, Даше нужно как следует поесть, помыться и выспаться. Вы-то уже ели, а она голодна!

Ну, вот еще! О еде сейчас думать! Девушка открыла было рот, чтобы возразить, но передумала и только возмущенно фыркнула. Николай встревоженно и сконфуженно посмотрел на нее и улыбнулся.

– Наверное, вы действительно правы, – сказал он. – Но Даша...

– Не беспокойтесь, я сама обо всем позабочусь, – задорная, детская улыбка возникла на лице Целительницы, и куда только подевалась вся ее строгость. – Две девушки уж как-нибудь найдут общий язык.

Она подмигнула смутившейся Даше.

– Пошепчемся о нашем, о женском, – продолжила Вериль с легкой иронией в голосе.

– О-о-о... – со смехом поднял руки дварх-полковник. – Надо сдаваться, господа! Раз разговор пошел о великих женских тайнах, то мужчинам здесь точно не место.

Вериль показала ему кулак и сама весело рассмеялась. Даша широко открытыми глазами смотрела на них и чувствовала, что эти люди ей нравятся. Очень нравятся. Они были какие-то настолько живые, настолько открытые, настолько непохожие на всех, кого она до сих пор

знала... Даже странная обстановка вокруг перестала пугать, хотя все еще настораживала. Тем временем, к ним подошли еще двое аарн. Эти тоже улыбались ничуть не менее задорно.

– Мы за вами, братья! – сказал один из них. – Каюты ждут вас.

Николай обернулся к Даше и снова обнял ее.

– Не бойся, – шепнул он. – Да завтра...

– До завтра! – девушка поцеловала брата в колючую щеку. – Я не боюсь, сама не знаю почему, но почти не боюсь.

– Вот и хорошо, – улыбнулся он.

Даша стояла и смотрела, как ее брата с товарищами уводят в туман. Она очень боялась, что не увидит его больше. Почему-то вернулся знакомый, липкий страх, с которым девушка сроднилась за последние два года. Она не обратила внимания, что Вериль встревоженно переглянулась с какой-то другой молодой женщиной. Та кивнула, и Дашин страх начал таять, как тает снег под лучами весеннего солнца. А действительно, чего она боится? Не стали бы эти люди спасать их, если бы желали причинить зло.

– Идемте, Даша? – спросила Целительница.

– Хорошо... – кивнула девушка.

– Кстати, познакомьтесь. Это моя подруга Релла, она Целитель Душ.

Даша вежливо поздоровалась с ослепительно красивой черноволосой дамой лет тридцати на вид. Та ласково улыбнулась ей и погладила по щеке. Почему-то такая фамильярность не вызвала протеста, и это было странно. Впрочем, видно же, что здесь ей желают добра. Но почему? Она ведь им никто... Даша только покачала головой: все вокруг было настолько непривычно-странным, что чувство удивления попросту отказывало.

Она вошла вслед за новыми знакомыми в другую воронку и оказалась в довольно большой, светлой комнате, выглядевшей как-то так по-домашнему уютно, что девушка сразу успокоилась. Обстановка была немного необычной, но мягкие кресла и диваны даже на первый взгляд казались очень удобными, они так и звали к себе. Безделушки на стенах, небрежно сброшенное покрывало, лежащие то тут, то там вещи говорили о том, что здесь живут. И явно женщина, женская рука чувствовалась в каждой мелочи.

– Это моя каюта, – повела рукой вокруг Вериль. – Надеюсь, вы согласитесь погостить у меня.

– Большое спасибо... – смутилась Даша. – Буду рада, ежели я вас не стесню...

– Да о чем речь! – махнула рукой Целительница. – Здесь целых пять спален, места хватит.

– Ой, – спохватилась девушка, – я забыла спросить, что с Алексеем Игоревичем...

Вериль переглянулась с Реллой, и обе улыбнулись.

– Алексей Игоревич уже в ти-анх, – ответила Релла. – Это что-то вроде госпиталя. Он будет там находиться почти весь полет. Омоложение организма и отращивание новой ноги займет немало времени.

– Омоложение? Новая нога? – ошеломленно переспросила Даша, не поверив своим ушам.

– Ти-анх еще и не то может, – пояснила Вериль. – В госпитале на данный момент несколько наших, многие вообще в клочья разорваны были. Тоже к концу полета на ноги встанут. Жаль, что Лар...

Она отвернулась и смахнула слезу. Даше почему-то показалось, что Целительнице сейчас очень больно. Она, сама не понимая, зачем это делает, подошла к той и, ничуть не стесняясь, обняла. Глаза Реллы изумленно расширились, она медленно встала с кресла, в которое незадолго перед тем села.

– Не может быть... – переполненный удивлением шепот заставил Дашу оглянуться.

– Чего не может быть? – спросила девушка.

– Неважно. Пока еще неважно.

Что ж, пусть... Но все-таки, что-то ведь изумило Реллу. Что-то из того, что сделала она, Даша. Ой, Господи ты боже мой, ничего же непонятно...

– Ладно, я пока прощаюсь, – сказала Релла. – Надо пробежаться, проверить, как всех разместили.

Она улыбнулась и шагнула в возникшую на стене воронку.

– Ладно, Даша! – оторвалась от девушки взявшая себя в руки Целительница. – Давайте поужинаем, вы наверняка голодны.

Вериль на секунду повернулась к столу в центре комнаты, и его поверхность мгновенно заполнилась парящими блюдами. Устав удивляться, Даша только вздрогнула. Внимательно осмотрев стол, она опять вздохнула – буквально ничего знакомого, даже двузубые вилки почему-то двухсторонние. Впрочем, ничего удивительного – аарн из другого мира, и обычаи там никак не могут походить на обычаи ее родины.

Вкусные запахи заставили судорожно сглотнуть слюну. Даша давно забыла, каково это – сидеть за накрытым столом, на котором всего вдоволь. Странно, но хорошие манеры вернулись сами собой, для этого не пришлось прилагать ни малейших усилий. Правда, заставить себя есть не спеша все-таки оказалось нелегко. Она пробовала каждое блюдо, и все было очень вкусно, но совершенно незнакомо. Послушав Целительницу, Даша позволила себе выпить немного вина, чего до сих пор не делала почти никогда, даже если была возможность. Так уж воспитала ее мама.

– Нет! – вдруг вскочила на ноги Вериль. – Ара, дурочка, нет! Где же Релла?!

Она, закусив губу, напряженно прислушивалась к чему-то неслышному.

– Что-то случилось? – тоже встала несколько удивленная ее поведением Даша.

– Случилось... Один из нас сегодня погиб, пожертвовал собой ради остальных. Если бы не он, нас никого не осталось бы в живых. Да что там, самого корабля не было бы. Его звали Лар...

Даша вспомнила, что при упоминании этого имени Вериль плакала, и вздохнула. Почему-то всегда первыми гибнут лучшие. Она была уверена, что этот Лар из лучших, ведь только такие способны пожертвовать собой ради других.

– А Ара его любила, – продолжила Вериль. – И теперь собралась уходить вслед за ним. Молодую дурочку пытаются отговорить, но она ничего не желает слушать...

– Отведите меня к ней! – Даша сама не поняла, почему сказала это. – Я знаю, что ей сказать.

Целительница удивленно посмотрела на напрягшуюся девушку и явно собралась возразить, но вдруг застыла на месте.

– А ведь может получиться... – задумчиво пробормотала она. – Девочка, похоже, Целитель Душ. Идем!

Вериль решительно шагнула в возникшую перед ней воронку гиперперехода. Даша поспешила за ней. Они оказались в большой комнате, в которую набилось десятка три аарн. Целительница быстро прошла сквозь расступившуюся перед ней толпу, и Даша увидела сжавшуюся в углу черноволосую девушку в уже знакомой форме ордена. Та сидела на полу, опершись спиной о стену и отчаянно прижимая к себе потертую черную гитару. Короткие волосы были встрепаны, лицо перекошено, а широко распахнутые в никуда глаза переполнены такой болью и таким отчаянием, что Даша вздрогнула.

– Ты думаешь, Лар сейчас тобой гордился бы? – неожиданно для самой себя жестко спросила она. – Ты сейчас предаешь его память! Он спас всех, а ты его предаешь!

– Ты не понимаешь... – хрипло прошептала Ара. – Его больше нет... Я не могу без него... Он ждет меня там...

– Он не был бы рад твоему уходу! – отрезала Даша. – Ты еще ничего не сделала в жизни, чтобы стать достойной его памяти. Тебе рано идти к нему, ты этого пока недостойна! Встань и продолжи его дело! Слышишь, Ара? И он скажет тебе спасибо, когда вы встретитесь!

– Продолжить его дело? – в глазах черноволосой появилось осмысленное выражение. – Но как я могу, Создатель не дал мне его таланта...

– Да кто тебе это сказал?! – с яростью бросила Даша. – Встань в полный рост и иди вперед, несмотря ни на что! Оплачь его, люби, но иди вперед! И ты увидишь, как он улыбается тебе оттуда!

– Идти вперед... – прошептала Ара, и из ее мертвых, сухих глаз одна за другой закапали слезы. – И он улыбнется мне...

Она всхлипнула. Ну, слава Богу, уже плачет, а не сидит с мертвыми глазами. Даша не раз сталкивалась за последние годы с горем после гибели близких людей и знала, что главное – заставить человека хотя бы заплакать, вывести из первого, самого страшного шока. Она решительно отобрала у Ары гитару, села рядом на пол и прижала девушку к себе. Та снова всхлипнула, а затем зарыдала уже в голос, уткнувшись утешительнице в грудь. Даша гладила ее по голове и сама едва удерживалась от слез, вспоминая смерть папы с мамой.

Аарн почтительно молчали, глядя на них. Еще бы, мало кому удавалось стать свидетелем рождения нового Целителя Душ. Их было слишком мало, и каждый пользовался в ордене огромным почетом.

«Где она?!» – прервал молчание пульсирующий тревогой эмообраз, и из гиперперехода вылетела взъерошенная и задыхающаяся Релла.

«Ты опоздала, сестра...» – ответила Вериль.

«О, Благие! Она?..»

«Нет. Даша справилась. Поздравляю с коллегой».

«Значит, я не ошиблась... – облегченно перевела дух Релла. – Все-таки Целитель Душ. А как она справилась?»

«Немного жестковато, на мой взгляд, но действенно».

Релла быстро просмотрела память подруги и кивнула.

«А здесь по-другому и нельзя было, – хмыкнула она. – Даша нашла единственно верный подход, я бы действовала не менее жестко, хоть и немного иначе. А сейчас еще добавлю кое-что от себя для закрепления эффекта».

На стене напротив появилось изображение темной и сырой камеры. Потом ее сменило лицо мечтательно улыбающегося человека. Молодого мужчины. Даша ошеломленно смотрела на него – настолько красивых людей она никогда не видела. И в его красоте не было ничего неестественного, наоборот – это была зрелая красота знающего себе цену сильного мужчины. Сперва Даше показалось, что это портрет, но потом девушка поняла, что перед ней что-то, напоминающее синемаграф. Только в цвете, объеме и со звуком.

– Лар... – прошептала Ара и заплакала еще отчаяннее.

Так это и есть погибший? Даша горько вздохнула. Ну, почему, Господи, почему именно такие гибнут чаще других? А бесполезные скоты наподобие Ильи живут и здравствуют. Какая-то в этом глубочайшая несправедливость. Ей самой хотелось плакать, но Даша привычно держала себя в кулаке, ведь сейчас от нее зависит эта бедная девочка.

Лар на экране что-то сказал, затем послышался перебор гитарных струн. Можно было заслушаться, мало какой гитарист умел заставить свой инструмент плакать и смеяться. Этот умел. А потом Лар запел. Вот тут-то Даша и растерялась. Не может быть у человека такого голоса. Такой голос слишком велик для человека. Наверное, потому Господь его и забрал...

Девушка вслушалась в слова и едва удержала судорожный всхлип. Да он же чувствовал, что погибнет! Он знал это. С трудом переведа дух, она погружалась в накатывающуюся на нее песню. Даша не знала, что Лар пел для ее брата с друзьями, и только потому пел по-русски.

Не плачь, когда метет пурга.
Ты знай, весна настанет.
Не надо плакать и тогда,
Когда меня не станет...

Уйди в метель, найди ответ,
Пусть горе не достанет,
Найди любовь и меру лет,
Когда меня не станет...

Тебе отсюда мой привет,
Ведь светлый день настанет,
Иди вперед, там боли нет,
Когда меня не станет...

Взлетай, возьми звезду в ладонь,
Здесь крылья не расправить,
Лети, и пусть горит огонь,
Когда меня не станет...

Да, в этой песне есть ответ,
Надежда утром встанет,
Пусть будет жизнь и добрый свет,
Когда меня не станет...

«Когда меня не станет...» – повторила про себя Даша последние слова песни. Стихи, если разобраться, выглядели не бог весть как с литературной точки зрения, но что-то в них было неуловимое... А уж когда их пел своим божественным голосом Лар...

«Уже не споет, – мелькнула горькая мысль. – Больше никогда не споет... Почему, Господи?»

– Спасибо, любимый... – донесся до ее слуха слабый шепот Ары. – Я взлечу, я обещаю тебе, что взлечу...

Потом она снова уткнулась Даше в грудь и расплакалась. Но это были не прежние слезы отчаянья. Эти слезы уже утешали, помогали успокоиться. И вскоре бедняжка только слабо всхлипывала. Даша что-то шептала ей на ухо, даже сама порой не понимая – что. Да слова были и не важны, главное сейчас – интонация. Наконец, Даша сумела поднять Ару на ноги и взглядом попросила помощи у Вериль, с облегчением заметив стоящую рядом с ней Реллу. Вскоре все четверо оказались в каюте Целительницы.

Даша улыбнулась, не открывая глаз. Настроение почему-то было светлым, солнечным. Как жаль, что сейчас придется вставать и идти на кухню мимо привычно ругающихся соседей, чтобы согреть себе кипятку. Со вчера у нее осталась маленькая ржаная горбушка, и надо позавтракать, хотя есть почему-то не хотелось. Но на работе захочется, еще как захочется. Впрочем, к постоянному чувству голода Даша давно привыкла. Представив себе злобные взгляды соседей, девушка поморщилась – нет, не пойдет она кухню, бог с ним, с кипятком, обойдется как-нибудь. Хоть бы только Илья уже ушел на свой завод, очень не хотелось встречаться с ним. Опять ведь начнет приставать...

Смутно вспоминался чудесный сон, в котором за ней пришел Коля и увел за собой в небо, на эфирный корабль какого-то ордена. Даша снова улыбнулась – и надо же было такому присниться?.. Вот уж не думала, что в ней после всего пережитого еще не умерло ожидание чуда. Ладно, хватит нежиться в постели. Девушка резко распахнула глаза и собралась встать, когда поняла, что лежит вовсе не на привычной узкой железной койке. Она лежала на огромной круглой кровати, на чистом белоснежном белье. Рядом тихо посапывала уткнувшаяся в подушку Ара.

Господи, так это не сон?! Слава тебе, Господи! Все вчерашнее мгновенно вспомнилось во всех подробностях. Даша не решилась отпустить Ару от себя, боясь, что та снова впадет в черное отчаяние, и девушек уложили спать вместе. Вериль только заставила все еще плачущую Ару принять какое-то лекарство, кажется, снотворное.

А потом... Да, потом Дашу попросили повторить три каких-то странно звучащих слова. Даша повторила, и с потолка прогремела наполненная торжеством и радостью птичья трель. И как после этого обнимали ее Вериль с Реллой, называя сестрой. Девушка поняла только, что с этого момента официально принята в этот малопонятный орден. Но пусть малопонятный, ей все равно здесь очень нравилось. Люди вокруг были просто чудесными, открытыми, радостными. Да, когда заговаривали о Ларе, на глазах у многих появлялись слезы, но они жили дальше. Даша широко улыбнулась новому дню и новой жизни, ждущей ее.

Глава 2

– Гракх, дрыном тебе по лбу! – шепотом выругался старый шаман и отвесил ученику подзатыльник. – Ты куда, пенек несмышленный, свою башку дурную высовываешь? Жить надоело?!

И точно, едва орк успел спрятаться за стену, как несколько эльфийских стрел ударили в место, где только что была его голова. Гракх что-то злобно прошипел себе под нос и крепче ухватился за рукоять ятагана. Таких лучников, какими были эльфы, еще поискать надо. Умеют, гады. Что есть, то есть. Много этих остроухих сволочей явилось по их головы. Ох, и много же...

Орк оглянулся и тяжело вздохнул – их осталось всего лишь немногим больше двух десятков, включая чудом спасенных в последней деревне трех детишек и пяти девушек. Впрочем, орчанки ничуть не хуже мужчин своего народа научились обращаться с оружием за эту страшную войну, и сейчас, как и воины, спокойно ждали атаки людей и эльфов.

Последние орки в мире... Как страшно знать, что после их гибели никого из народа урук-хай не останется на земле. И каждый готовился подороже продать свою жизнь. Ну что они сделали людям и эльфам? Всего лишь отличались от них? Или что? Гракха очень мучили эти вопросы, он почему-то хотел понять это перед смертью. Ведь никому из них живым с этой скалы не уйти, это было понятно любому. Молодой орк снова тяжело вздохнул и потер переносицу.

Старый шаман нашел идеальное место для обороны. Отвесный пик локтей пятисот в высоту, на вершине которого бил небольшой родник и росла небольшая роща палиагровых деревьев. Один только запах этих странных широколистных деревьев почему-то приводил любого эльфа в неистовство, и перворожденные немедленно бежали из любого места, где рос палиагр. К тому же, прекрасно владея магией земли, Кержак заставил края пика вырасти в невысокие, в рост орка, стены с бойницами. Летать ни эльфы, ни люди не умели, а с любым их магом шаман справился бы играючи. Те прекрасно это понимали и не лезли – глупо пытаться одолеть того, кто тебя же магии и обучал. А взбирающихся на пик смельчаков орки сталкивали вниз шестью, не тратя драгоценных стрел.

Все бы хорошо, если бы не одно «но». Армия людей и эльфов плотно обложила пик, на котором укрылись остатки народа Тьмы, как почему-то именовали орков другие народы. Шаман пожал плечами, не понимая, с какой стати подобное могло взбрести кому-то в голову. Причем здесь Тьма? Или Свет? Две необходимые для жизни любого мира силы, ничего более. И принадлежать только к одной из них – глупость, большую глупость и придумать трудно. Так почему люди с эльфами держат орков за дураков? Или это всего лишь повод, чтобы уничтожить остатки древнего народа?

Кержак покосился на Гракха и тяжело вздохнул – сколько лет готовил этого талантливую мальчишку себе в преемники, а теперь весь труд пошел сапангу под хвост. Жить остаткам урук-хай осталось разве что до начала морозов. Шаман привычно расширил сознание и окинул взором окрестности пика. Увы, уходить никто из врагов не собирался. Постоянные и хорошо обустроенные лагеря, склады с припасами, которые ежедневно пополнялись из проходящих караванов.

Старик сглотнул голодную слюну и вздохнул – еды не осталось, жили только редкими птицами, которые он своей магией приманивал на пик. Да тем, что удавалось украсть у врага. Но эльфийские маги, хоть и не рисковали высовываться, были начеку. А разрушить чужое заклинание, тем более заклинание телепортации, до смешного просто. Сам же этих сволочей остроухих в свое время и научил. На свою голову, лопух старый...

Кержак тяжело вздохнул – кто мог подумать еще лет тридцать назад, что эльфы окажутся способны на геноцид? В голову никому такая чушь прийти не могла! Дикость ведь! И

что это на них нашло? Люди – понятно. Молодой еще народ, ума и доброты пока немного, а воинственности хоть отбавляй. Много столетий человеческие королевства увлеченно грызлись между собой, не обращая внимания на немногочисленные племена орков, живущих на отрогах никому не нужных и холодных Таранских гор. Именно эльфы помирили их и натравили на «общего врага». Хотя уж кто-кто, а перворожденные должны были помнить правду.

Каким шоком оказалось начало этой страшной войны для всего народа урук-хай. Совет Старейшин отправил послов – умолять о мире, не понимая, что случилось, чем и кому они помешали. Ведь Таранские горы никому не нужны и никто никогда там не жил. Головы этих послов прислали обратно с насмешливым ответом: «Война прекратится только тогда, когда последняя тварь Тьмы исчезнет с лица земли!» Давно отвыкший от войн народ пахарей и ремесленников вынужден был взяться за оружие. Уходить им было некуда.

Увы, эту войну они проиграли, и проиграли очень быстро. Воевать тоже надо уметь, а орки никогда не понимали, к чему это кровавое умение... Уже много тысяч лет у них не имелось в языке даже такого понятия – воин. А после того началось истребление всех выживших. Люди и эльфы не жалели никого, ни женщин, ни детей, оставляя за собой выжженную пустыню. За каждым прячущимся в лесу орком устраивалась целая охота. А затем пойманного бедолагу под торжественные песнопения священников сжигали заживо.

Отряд Кержак отступал от самой орочьей столицы и остался едва ли не последним из отрядов, еще не прекративших сопротивления. Охота за ними развернулась вовсю, но магия старого шамана помогала оставаться неуловимыми. Каждому магу в этом мире было хорошо знакомо имя Кержак Черного, да что там, большинство из них обучались по учебникам, им же и написанным. О, эльфы даже согласились сохранить ему жизнь! Единственному из всех орков.

Старик жил отшельником далеко на севере и даже о начале войны узнал далеко не сразу. Поначалу старый шаман просто не понял, что случилось с людьми и эльфами. Их что, охватило повальное безумие? Он отправил письмо с просьбой объяснить причины войны своему бывшему ученику, Эльвинелю, возглавившему объединенные племенные союзы рассветных эльфов. В ответ получил переполненное презрением послание и предложение сохранить ему жизнь в обмен на неучастие в войне. Ошеломленный странным письмом бывшего ученика, Кержак решил лично отправиться в родные Таранские горы, чтобы своими глазами увидеть, что там происходит.

Однако не успел орк собраться в дорогу, как его атаковали несколько десятков магов, посланных Эльвинелем за головой старого учителя. Тогда-то взбешенный шаман и применил свое жутковатое заклинание, после которого добрая половина эльфийских и человеческих магов мира распрощались с жизнью. До этого момента он никогда еще не убивал, даже мяса не ел. Поняв, что дело идет о самом существовании урук-хай, Кержак выгнал учеников других рас – до войны он охотно обучал любого талантливого юношу или девушку, не обращая внимания на то, из какого народа вышел юный маг.

Вместе с шестью учениками своей расы старик телепортировался в единственный орочий город, Рхадарг-Орсан. И испытал шок. Города не было... Были развалины. И никого живого. Стоя у ямы, в которой заживо сожгли детей его народа, старый шаман поклялся драться с виновными в этом зверстве до последнего дыхания, он поклялся отомстить. Но одновременно прекрасно понимал, что месть ни к чему хорошему не приведет. Узнать хотя бы, за что эльфы так поступили с его народом... Ответа на этот страшный вопрос у старика не находилось.

Шаман сделал единственное, что мог. Начал собирать под свое крыло немногих выживших. Узнав о вступлении в войну на стороне орков Кержак Черного, подавляющее большинство уцелевших магов благоразумно отказались помогать армии завоевателей, вполне обоснованно опасаясь за сохранность своих драгоценных шкур. Остались только несколько особо упрямых эльфов, которых возглавил бывший ученик старого шамана, Эльвинель. Кержак заку-

сил губу – как же он просмотрел этого юношу, как не понял, что за стремлением к знанию прячется властолюбие?

– Учитель, – донесся до него голос Гракха. – Ты обещал рассказать об истории мира.

Молодежь расселась вокруг и с жадным интересом ожидала начала урока. Старый шаман довольно оскалил клыки. Надо же, на краю гибели, а все равно стремятся узнать что-нибудь новое. Эх, какой бы маг вырос из Гракха. Мальчишка настолько талантлив, что оставалось только удивляться. Еще бы несколько десятков лет, чтобы отшлифовать этот алмаз... Да только и двух месяцев у них нет.

Кержак скрипнул зубами – что ж, победа дорого достанется палачам. Заклинание, припасенное им напоследок, было страшным, настолько страшным, что шамана самого порой пробирала дрожь при мысли о его применении. Но коли его вынудят, он не остановится. Кержак мог бы оправдать непонятно откуда возникшую ненависть эльфов, если бы они и орки воевали до сих пор. Но ведь не было этого! Многие тысячи лет ни один орк не брал в руки оружия. Взять в руки оружие считалось позором, поступком, недостойным разумного существа.

Старик вздохнул, отрываясь от горьких мыслей. Дети ждут его рассказа и надо вести себя уверенно, они ведь верят, что случится чудо, что кто-то придет и поможет. Увы, чудес, как правило, не бывает. Все молодые орки расселись вокруг него, кроме четверых, стоявших на страже у стен. Впрочем, через два часа должно стемнеть, и понятно, что сегодня желающих взбираться на отвесный пик смельчаков уже не найдется. Даже трое неугомонных детишек сидели молча. Пять спасенных в последней деревне девушек до сих пор выглядели испуганными, хотя прошло уже больше двух десятидневок. Собравшиеся сжечь их на медленном огне хохочущие молодые эльфы из охранной тысячи Эльвинеля сами были сожжены рухнувшими с неба черными молниями, посланными разъяренным шаманом. Боль снова сжала сердце Кержака при воспоминании о том, что сотворили с детьми его народа люди и эльфы. Но старик усилием воли заставил себя расслабиться и улыбнулся.

– Значит, хотите услышать историю урук-хай? – спросил он, хитро прищурившись.

– Очень хотим! – отважно пискнула Врайла, сестра Гракха, неугомонная рыжая девчонка с несносным характером.

Кержак хмыкнул себе под нос – вот уж кого хлебом не корми, только дай послушать что-нибудь интересное. Потом снова обвел глазами молодых орков. Слева сидела подруга Врайлы, Равла. Она была чуть посерьезней рыжей озорницы, но только чуть. Даже в эти горькие дни звонкий и задорный смех девушек часто заставлял старика улыбаться. Ничто, казалось, не могло заставить неразлучных подружек плакать, хотя ночами они все-таки плакали. Кержак хорошо знал это, но понимал, что девочки никому не признаются в своей слабости. Днем они буквально горели задором и заставляли улыбаться даже мрачного Фартага, единственного уцелевшего из двадцатитысячного населения Рхадарг-Орсана. То, что пережил бывший аптекарь, оказалось слишком страшным. Бедняга не мог спать из-за постоянных кошмаров, едва заснув, тут же с воплями просыпался и потом долго приходил в себя. Только магия старого шамана давала ему возможность хоть иногда поспать.

Одного за другим Кержак оглядывал сидевших перед ним орков, вспоминая что-нибудь о каждом. У всех них когда-то был дом, были те, кого они любили и кто любил их. Больше нет. Ни дома, ни любимых. Пришли враги и все уничтожили.

– Много тысяч лет назад народ урук-хай жил во множестве миров, – начал старик свой рассказ, глядя в горящие жадным любопытством молодые глаза. – Наши предки летали между ними на огромных живых кораблях, принося жизнь в мертвые миры. Многие народы называли тогда нас учителями. Мне трудно представить, как все это выглядело, я сам только читал об этом в древних книгах.

– А эльфы? – не выдержала любопытная Врайла.

– А что – эльфы? – усмехнулся Кержак. – Эльфы были всего лишь одной из рас, которым наши предки в свое время в чем-то сильно помогли. Вот только в чем? Не буду гадать, не знаю. Но жили тогда наши народы очень дружно, смешанные браки были самым обычным делом. Вы знаете, что у орков и эльфов могут рождаться совместные дети. Думаете, так было всегда? Нет. Когда-то подобное считалось невозможным. Но потом, в седой древности, орочьи и эльфийские мудрецы нашли способ изменить собственную природу.

– Зачем? – поинтересовалась Равла.

– Тогда орки и эльфы настолько перемешались, что желание иметь детей друг от друга оказалось слишком велико. Я не знаю – почему, об этом периоде книги говорят двумя-тремя абзацами.

Старый шаман горько улыбнулся и продолжил:

– Каждый народ, если не гибнет до того, доходит в своем духовном развитии до момента, когда дальнейшее телесное существование теряет всякий смысл. До этого проходит обычно много десятков или даже сотен тысяч лет, но качественный переход происходит обязательно. Примерно двадцать тысяч лет назад такое время наступило и для нас, орков. Предки ушли в какое-то иное существование, мне не объяснить вам – в какое. Слишком сложно, да и нет в нашем языке нужных для того понятий. А буквально через тысячу лет, не больше, примеру орков последовали и эльфы.

– Но мы же живые... – с недоумением сказал кто-то из новеньких девушек. – У нас же есть тела... И у эльфов тоже...

– Есть, – согласно кивнул Кержак. – И вот тут я вынужден открыть вам печальную истину. Мы с вами – потомки отщепенцев, тех, кто оказался духовно не готов идти выше, в миры Творения. наших предков осталось не слишком много после ухода всего народа. Примерно триста тысяч.

– Отщепенцев, значит? – мрачно пробормотал Гракх. – Раньше ты этого не рассказывал, учитель...

– Вы были не готовы принять эту истину, мальчик, – вздохнул старик.

– А сейчас уже готовы? – высунулась вперед Врайла.

– Нет, – покачал головой шаман. – Но мы все скоро умрем, вот и я не стал скрывать от вас ничего. Я мог бы легко выдумать прекрасную легенду о гордых и смелых предках. Да вот только не хочу. Не питайте глупых иллюзий, вы все – потомки тех, кто не справился с задачами, возложенными на народ урук-хай Создателем Миров.

– Ты прав, учитель, – скривился Гракх. – Мы действительно не готовы к такому знанию... Я не понимаю, как можно оставить позади тело. Разве это не смерть?..

– Если ты умираешь, смерть. А если ты переходишь в энергетическое состояние, нет. Ты просто уходишь в миры, которые раньше увидеть и ощутить не мог.

– Понятно... – протянул молодой орк, задумчиво покачивая головой. – Но что случилось с оставшимися? Как наши предки оказались в этом мире? И откуда здесь взялись люди с эльфами?

– Наши предки честно пытались уйти вместе с остальными, – продолжил рассказ Кержак. – Но у них ничего не вышло, силы духа не хватило. Тогда они в отчаянии погрузились в огромные живые корабли и отправились, куда глаза глядят, желая найти себе новую родину и забыть о своей неудаче. Кораблей было десять, каждый нес тридцать тысяч переселенцев. Отправились они в разные стороны. Мы – потомки летевших на «Звездном Вихре». Что случилось с остальными, мне неизвестно.

– А что дальше? – любопытные хитрые глазки Врайлы так и горели.

– Дальше? – не удержался от смеха старый шаман. – Слушай. «Звездный Вихрь» летел несколько лет, прежде чем нашел эту планету. Тогда на ней не было разумной жизни, и предки поселились здесь, решив вернуться к природе. Возможно, что и они бы, в конце концов, дошли

до вершины биологического развития. Но через пять с небольшим тысяч лет над нашим миром потерпел катастрофу эльфийский корабль. Предки помогли выжившим, чем могли, они ведь за прошедшее время успели многое позабыть. От эльфов узнали, что их народ тоже ушел в сферы Творения. А прилетевшие – такие же изгои, как и сами орки.

– Вот оно что... – пробормотал Гракх, ухватившись за непокорный черный вихор. – И как же все сложилось после падения их корабля?

– Для предков эльфы были чужаками, прежнего доверия между нашими расами так, к сожалению, и не возникло. Ведь жившие в то время выросли в этом мире и считали его своей родиной, зная о великом прошлом только из немногих сохранившихся книг. Хранилища информации иного вида давно прекратили свое существование, выработав ресурс. Но планета большая, места было много. Выжившие эльфы поселились в Рассветных Лесах, за каких-то полтысячи лет начисто забыв знания, принесенные из космоса. Войн между нашими народами никогда не было, все-таки и мы, и эльфы слишком цивилизованы для подобных методов решения проблем. Конфликты, конечно, случались, но часто бывало, что эльфийка становилась женой орка, или эльф мужем орчанки. Хотя такое и не приветствовалось старейшинами обоих народов, но все же было возможным. Жизнь текла неторопливо, за новыми знаниями никто не гнался, особого богатства или власти тоже никому не требовалось. Возникали известные до сих пор магические школы, писались баллады, строились города. Пока не пришли люди.

– А как они попали в наш мир? – снова сунула вперед любопытный нос Врайла.

– Кто их знает... – пожал плечами Кержак. – Каких только предположений ни строили по этому поводу ученые и маги. Однажды вдруг оказалось, что на Кавийских пустошах живут странные разумные существа, немного похожие и на нас, и на эльфов. Причем, совсем дикие. То ли человеческие племена случайно нашли пространственные врата Предтеч, то ли еще что, не могу сказать. Но они появились, и мы обнаружили их нескоро, ни нас, ни эльфов в принципе не интересовали прерии. Больше всего нас изумила невероятно короткая жизнь этих существ. Каких-то семьдесят-восемьдесят лет – и человек умирал от старости. Вы знаете, что орки и эльфы живут примерно одинаково, по две-три тысячи лет. Тем более странными были короткоживущие. Развивались они, по нашим меркам, с чудовищной скоростью, и всего через каких-то три тысячи лет у них уже образовались свои королевства. Но и орков, и эльфов привела в ужас безумная кровожадность этих ограниченных существ, для них убить себе подобного было проще простого. А их войны? Люди творили такое, что... Да что я вам рассказываю, а то вы сами не видели. Мы не пожелали общаться с подобными чудовищами и переселились в Таранские горы, отгородившись ими от людей. Эльфы все же иногда контактировали с человеческими правителями и даже обучали их кое-чему. Но тоже довольно редко, раз в двести-триста лет. Потом среди людей зародилась религия Светлого Владыки, и войны начали вести уже во имя бога. Как будто Создателю Миров нужны чьи-то боль или горе! Что самое для меня непонятное – нетерпимую и жестокую религию приняли некоторые из эльфов. Я прекрасно помню те времена, я тогда был уже немолод и постепенно становился тем Кержаком Черным, которого вы знаете. Сейчас я понимаю, что сгруппил и упустил момент перелома. Упустил момент, когда эльфы стали постепенно меняться под влиянием людей. Хотя и до сих пор не понимаю, как такое могло произойти. Что могло привлечь имеющее за плечами тысячи лет опыта существо в безжалостной религии бабочек-однодневок? Не понимаю.

Кержак немного помолчал, собираясь с мыслями.

– Хотя у меня есть некоторые подозрения на этот счет, – продолжил он. – Иногда и среди нас, и среди эльфов появляются чудовища, обуреваемые жадной властью. Если у кого-нибудь обнаруживалось это страшное качество, то такой эльф или орк становился изгоем. Он него с отвращением отворачивалась даже собственная семья.

– Почему? – без промедления спросила Врайла, пихнув кулаком в бок открывшую было рот подругу.

– Да потому, девочка, – оскалил клыки Кержак, – что жаждущий власти ради удовлетворения своей жажды пойдет на любое преступление. Это уже не эльф, не орк, не человек, а нечто страшное. И если такие чудовища захватывают власть, то льются реки крови. И у нас, и у эльфов было в далеком прошлом немало тому примеров. Поэтому предки оставили нам завет, как поступать с подобными зверьми. К любому потенциальному вождю внимательно присматривались с самого раннего детства. Если после наступления совершеннолетия он трижды унижал других, возвышая тем самым себя, то становится изгоем до конца своих дней. И это полностью справедливо. Но изредка случалось так, что подобное существо скрывало собственную сущность и начинало неспешно прокладывать себе дорогу к власти. Почему-то все они уверены в своей невероятной ценности, гениальности, и возмущаются тем, что другие не ценят их, таких умных и талантливых. Не преклоняются и не раболепствуют...

Шаман грустно вздохнул. Затем продолжил:

– Для того, чтобы получить хоть малейшую власть, они идут на любые подлости и любые преступления. Хуже всего, что эти звери, как правило, обладают немалой харизмой, потому всегда находят себе верных сторонников, искренне верящих, что их вождь лучший в мире. Восхищающиеся чудовищем не понимают, что любимый вождь безжалостно использует их, а как только они становятся не нужны, без каких-либо сантиментов убирает с дороги. Даже убивает. В нашей истории такие тоже бывали, но на счастье их успевали вовремя разглядеть и остановить. И тут уж жалости предки не ведали, вожди и вождишки ссылались, их преступления становились всеобщим достоянием и больше никого они обмануть не могли. До сих пор на нашей планете ни одному из чудовищ не удавалось получить власть.

– До сих пор? – мрачно посмотрел на учителя Гракх. – А сейчас?

– Эльвинель... – с горечью ответил старый шаман. – Даже я, хотя считал себя далеко не глупым орком, просмотрел эту редкостно умную сволочь. Как он притворялся! Как строил из себя жаждущего знаний юношу с горящими глазами! И понемногу собирал сторонников. Осторожно влиял на молодых, очень осторожно. Я потом припомнил многие его беседы с другими учениками, но тогда не сумел понять, что именно он закладывал в свои любимые парадоксы. Он постоянно подбрасывал кому-нибудь тему для размышлений, причем акценты смещал для каждого так, чтобы тот был уверен, что пришел к нужным Эльвинелю выводам самостоятельно. А потом очень тонко подходил к каждому, постепенно внушая ему уверенность в непогрешимости вождя.

– Но чем ему помешали мы? – спросил Гракх. – Что ему сделали орки?

– Я могу только предполагать... – вздохнул Кержак. – По моему мнению, он решил уничтожить нас потому, что подмять под себя не мог. А допустить существование знающих правду о прошлом и не подчиняющихся ему – не хотел. Боялся. Для вождей и вождишек правда всегда страшна.

– А разве сами эльфы не знают того, что ты рассказал нам, учитель?

– В том-то и дело, что знают! По крайней мере, старейшины обязаны знать. Именно поэтому я никак не могу понять, почему эльфы начали эту войну, почему пошли на поводу у Эльвинеля. Какое-то повальное безумие...

Шаман снова вздохнул и привычно просканировал ментальное поле планеты. У старика мгновенно перехватило дыхание, и он едва не вскрикнул. В пространстве четко ощущалась новая сила! Мага такой жуткой силы существовать попросту не могло, но Кержак четко ощущал его, нет, ее присутствие. Что самое страшное, этим магом была эльфийка. Но откуда она взялась?! Не имелось среди эльфов никого, даже приближавшегося к силе неизвестной ведьмы! И где она сейчас? Он быстро бросил пару заклинаний, пытаясь определить ее местонахождение. Если эльфийка в лагере осаждающих, то последним урук-хай конец. Да и не только урук-хай. Не дай Создатель схлестнуться в бою магам такого уровня, как он и эта ведьма, сама планета может не уцелеть.

Поняв, где она, Кержак окончательно растерялся. Ощущение присутствия эльфийки шло с небес... Но если он прав, это может значить только одно. В их мир прибыли гости извне, над планетой чей-то звездный корабль. Да, все сходится. Если бы эта ведьма была из их мира, то уж кто-кто, а он бы знал о маге такой чудовищной мощи. Старик медленно встал на ноги, с отчаянной надеждой глядя на небо. Почему-то ему показалось, что гости могут помочь, могут спасти остатки его народа. Или окончательно погубить. Ведь если прилетели эльфы, то они вполне могут прислушаться и к Эльвинелю...

– Что случилось, учитель? – растерянно спросил Гракх, удивленный поведением Кержака.

– Вспомни, чему я тебя учил, – проворчал старик. – Просканируй ментал, и все поймешь сам. Не дурак как будто.

Гракх послушался и вскоре, как и его учитель, с изумлением и потрясением уставился на небо. Он тоже сделал правильный вывод – в небе их мира летел чужой звездный корабль. Как ему хотелось увидеть этот корабль... С детства юноша страстно мечтал о звездах, но понимал, что ему никогда их не увидеть, никогда не подняться в небо. Разве что стать магом и научиться летать. Это была одна из основных причин того, что десять лет назад он сбежал из дому и отправился искать легендарного Кержака Черного. Нашел, хотя потратил на поиски целых два года. И шаман принял его! Если бы эта не проклятая война...

– Кто они, интересно? – задумчиво протянул молодой орк.

– Откуда мне знать? – пожал плечами шаман. – Но их маг – эльфийка. И это меня очень тревожит. А что, если Эльвинелю удастся обмануть и их?

– Не дай Создатель! – вздрогнул Гракх. – Тогда нам точно конец.

– Вот именно, – буркнул Кержак.

– Да что случилось-то? – спросила ничего не понимающая Врайла.

– Чужой звездный корабль прилетел, – мрачно ответил шаман. – Похоже, эльфийский.

– Ой, мама! – вскрикнул в ужасе кто-то из новых девушек.

– Учитель! – дернул шамана за рукав Гракх. – Небо!

Что там еще с небом? Кержак поднял голову и застыл на месте, приоткрыв рот от изумления. Небо запылало разноцветными бликами, световые столбы ударили вниз и начали скручиваться в нечто невероятное, играя неслышную симфонию. Казалось, пылает само мироздание, что-то непонятное зовет за собой в неизвестность. Невозможная красота огненной симфонии завораживала. Краем глаза старый шаман видел, что люди и эльфы внизу тоже застыли, потрясенные пылающим небом. А затем сверху грянул голос. Он говорил на высоком, звенящем, древнем квенья.

– Слушайте нас, разумные! С вами говорят Аарн. Мы зовем с собой в небо тех, в чьих душах нет зла. Тех, кто не способен нести другим боль и горе. Тех, кто не хочет становиться зверем и убивать, мучить, насиловать, обращать в рабство. Тех, для кого честь и совесть превыше жизни. Знайте, что вы не одиноки, братья и сестры! Скажите три слова: «Арн ил Аарн!» – и за вами придут, если вы чисты душой. Неважно, кто вы и из какого народа вышли, важно только – какие вы. Но не пытайтесь вы, готовые на все ради богатства и власти, притвориться «странными». Ничего у вас не получится!

Настала тишина. Но ненадолго, буквально через минуту те же слова повторили на урукхее. Затем на языках нескольких человеческих королевств. Кержак застыл на месте, осмысливая происходящее. Если пришельцы говорят правду, то у остатков его народа появилась надежда на выживание. Если верить их словам, среди них не только эльфы. Да, подобный вывод напрашивался сам собой. Кто же они, эти аарн? Для чего им нужны не похожие на большинство? Но выпавший шанс упускать глупо. Может, хоть кто-то спасется...

– Дети мои! – обратился старик к замершим оркам. – Пусть каждый из вас повторит эти три слова, возможно, пришельцы нам помогут. Нам ведь осталось надеяться только на чудо...

И первый произнес странно звучащие слова. Вслед за ним то же самое сделал Гракх, затем раздались звонкие голоса Врайлы с подругой. После них решились и остальные. Каждого после этого окутывала белесая дымка. А еще через мгновение с неба грянула торжествующая, переливающаяся в вечернем воздухе птичья трель. Она повторялась раз за разом, и Кержак растерялся, не понимая, что это может значить. Когда, наконец, настала тишина, оглушенный шаман потряс головой и поковырял в ухе. Ну и ну... Других слов у него просто не нашлось.

– Учитель! – вскрикнул Гракх, снова глядя вверх.

Кержак тяжело вздохнул и тоже поднял голову. Прямо над их пиком в небе распахнулись черные воронки, из которых один за другим выскальзывали закованные в сплошные черные доспехи воины. Они стояли на небольших досках, которые и держали их в воздухе. Пришельцы управляли своими летающими досками виртуозно, они по спирали неслись вниз, выделявая по дороге такие кульбиты, что Кержак только вздрагивал.

Часть черных воинов спустилась к подножию пика и заняла оборону вокруг. Опомнившиеся эльфы начали обстреливать их, но пришельцы отбивали стрелы небрежными движениями извлеченных из наспинных ножен мечей. Такого мастерства во владении оружием старому шаману видеть не доводилось, и он изумленно приподнял брови. Да и доспехи аарн впечатляли – зеркальная, непроницаемая броня без единого просвета, украшенная выбитой на груди атакующей хищной птицей, изображенной с таким мастерством, что казалась живой.

Три воина отделились от основной группы, зависшей в воздухе на высоте полусотни локтей, и направились к оркам. Приблизившись, каждый дотронулся рукой до шлема, и тот сразу исчез. Кержак удивленно приподнял брови – он не ощутил ни грана магии! Потом внимательно посмотрел на подлетающих все ближе воинов и кивнул. Он оказался прав, среди них действительно существа разных рас. Первым летел эльф, за ним человек и никогда еще не виданный шаманом прямоходящий ящер с огромной пастью. Интересная раса.

– Вы звали нас, братья и сестры! – заговорил эльф. – И мы пришли! Больше никогда вы не будете одиноки, и больше никто не осмелится вас обидеть. Отныне вы – аарн!

Потом присмотрелся к урук-хай внимательнее и его огромные, миндалевидные глаза медленно полезли из орбит.

– Я не брежу? – негромко спросил он. – Вы и правда орки? Или я сошел с ума?..

– Орки, – усмехнулся шаман. – Благодаря вашему народу, последние на планете.

– Моему народу? – переспросил эльф и нахмурился. – Значит, и в этом мире мои драгоценные сородичи скатились к злу?

– Боюсь, именно так, – вздохнул Кержак. – Нас уничтожили без всякой жалости, и я до сих пор не могу понять – за что. И уничтожили именно эльфы.

– Они забыли историю? Забыли, что наш народ должен называть урук-хай учителями?

– Не знаю, может, и забыли, – криво усмехнулся Кержак. – Хотя должны были помнить. Но кто вы такие? Я имею в виду это имя – Аарн.

– Те, кто странен по меркам любого народа, – ответил эльф. – Те, кто не хочет выдирать свой кусок из глотки ближнего. Откровенно говоря, я изумлен – не встречал еще, чтобы целая группа разумных подходила нам. Как вам удалось так воспитать молодежь?

– Как-то удалось, – иронично пошевелил лохматыми бровями шаман. – Они ничем не отличаются от тех, кого уничтожили.

– Как горько, что мы не нашли ваш мир раньше... – лицо эльфа вытянулось. – Кто устроил геноцид?

– Вождь рассветных эльфов, Эльвинель. Вон он, внизу стоит.

– Я им займусь. Кстати, меня зовут Кер Ла Синер.

– Странное для эльфа имя, – внимательно посмотрел на него шаман. – А меня обычно называют Кержак Черный, я шаман.

– А, так это вас почувствовала Касра на подлете к планете?

– Эльфийка-маг? – спросил Кержак. – Я тоже ощутил ее. Сила у нее невероятная.

– Если бы она еще хоть немного эту силу контролировала... – скривился Кер. – С неделю назад едва корабль случайным выплеском не угробила. И зачем только Мастер отпустил ее в дальний Поиск? Да и я, дурень ушастый, согласился...

– Значит, еще ученица, – укоризненно покачал головой шаман. – Вы правы, на месте ее учителя я ни за что бы не отпустил не контролирующую силу ученицу. Тем более, такую силу. Чревато, знаете ли.

– Да знаю уже... – обреченно махнул рукой эльф. – Впрочем, скоро домой. Надеюсь, она больше не сорвется.

– Держать силу в узде научу, – недовольно проворчал Кержак. – А что теперь?

– Настучу по заливке этому вашему Эльвинелю, и на корабль. Надо просканировать планету, вдруг еще кто-то из вашего народа жив.

– У вас есть такие возможности? – удивленно взглянул на эльфа шаман. – Буду очень благодарен. Кстати, я вижу среди вас представителей разных рас. Сколько их всего, интересно?

– С вами – шесть, – ответил Кер. – Люди, гварды – вот эти ящеры, драконы, арахны и эльфы. Хотя нас в ордене всего двое. Может, кое-кто отсюда окажется достаточно чистым... Но после того, что они сотворили – весьма сомнительно.

– Насколько я понял, какой-то очень сильный маг начал собирать вместе отличающихся от большинства в лучшую сторону? – прищурился Кержак. – И так был создан ваш орден. Я прав?

– Полностью, – согласно кивнул эльф. – Мастер считается самым сильным магом обитаемой галактики. И он бессмертен, судя по слухам. Говорят, ему больше двадцати тысяч лет.

– Любопытно, – приподнял брови старый шаман. – Будет интересно с ним пообщаться. Если вы не передумали, мы согласны лететь с вами. В этом мире нам делать больше нечего. Кроме кладбищ, у урук-хай здесь ничего не осталось. Жаль только, что я так и не понял, за что и почему ваши сородичи так поступили с нами...

– Выясним, – скривился эльф. – Я считаю память Эльвинеля. Потом разберемся, для чего ему понадобилось уничтожать орков. Кстати, прошу учесть, что после Посвящения вы все станете полными эмпато-телепатами. В нашей среде не принято скрывать мысли и чувства.

– Даже так? – удивился Кержак. – Впрочем, не страшно. Нам в общем-то нечего скрывать. Вот только очень хотелось бы напоследок посмотреть Эльвинелю в глаза, бывший ученик, как-никак.

– Ученик? – недоуменно переспросил Кер. – Вот же сволочь... Кажется, я понял из какой он породы. Жаждающий власти?

– Совершенно верно, – досадливо скривился старик. – И мне до сих пор стыдно, что я в свое время не сумел его раскусить. Тогда, возможно, всего этого не случилось бы.

– Я бы тоже хотел, чтобы случившегося со мной на родине не происходило, – горько усмехнулся эльф. – Да только, увы. Касра, слава небу, не помнит всего, что с ней сотворили, ей заблокировали память, иначе могла с ума сойти. Но я-то помню и не смогу забыть никогда. До сих пор при виде другого эльфа меня охватывает желание убивать...

– Досталось вам там, похоже... – с сочувствием взглянул на его перекосившееся лицо Кержак.

– Почему остатки моего народа все время стремятся скатиться к злу? – горько спросил Кер. – Хоть в моем мире, хоть в вашем...

– Если бы я знал ответ на этот вопрос, то стал бы богом.

– Наверное, – вздохнул эльф. – Идемте, навестим этого самого Эльвинеля.

– Я, к сожалению, не умею летать, – развел руками шаман.

– А этого и не нужно.

Эльф махнул рукой, и перед ними завертелась черная воронка, похожая на смерч.

– Что это? – спросил Кержак.

– Прямой гиперпереход, нечто наподобие магической телепортации. Но основано на ином принципе и без капли магии.

Любопытно, любопытно... Кержак едва ли не обнюхал портал, но Кер оказался прав, он не ощутил магии в продолжающейся вертеться воронке. Надо будет попозже заняться этими вещами вплотную, а то он сейчас чувствовал себя ничего не понимающим ребенком, и это ощущение старому шаману не нравилось. Он всю свою жизнь был по-детски любопытным и остался таким даже сейчас. Подождав, пока эльф войдет в воронку, Кержак последовал за ним. На мгновение потемнело в глазах, и они появились перед изумленным Эльвинелем. Вождь рассветных эльфов застыл на месте, вытаращившись на возникших из ниоткуда Кера с Кержаком.

– Ты кто такой? – сумел он, наконец, взять себя в руки.

– Кер Ла Синер, лор-лейтенант легиона «Коршуны Ада», орден Аарн. А ты Эльвинель?

– Да, – кивнул тот. – Кто дал тебе право вмешиваться? Твари Тьмы должны быть уничтожены!

– Какая же ты мразь... – протянул Кер. – Многих видел, но ты – чистое зло.

– Я вождь объединенных племен! – гордо вскинул голову Эльвинель.

– Вот я и говорю – мразь! Хочешь доказательств? Сейчас получишь. Не только ты, все эльфы увидят, кем ты являешься на самом деле.

Кер зло оскалился и махнул рукой. Прямо на небе появилось изображение Зала Размышлений эльфийской столицы, Кержак не раз за свою жизнь гостил там, беседуя со старейшими из эльфов. И до этой войны ему всегда были рады. Впрочем, сейчас прежних старейшин почти не осталось – кто умер, кто пропал неизвестно куда, кто отправлен в изгнание. Скорее всего, Эльвинель постарался, ведь если бы был жив Ренарель Видящий Истину, то планы властолюбца не воплотились бы в жизнь. Именно с момента смерти Старейшего тридцать лет назад и началось моральное падение эльфов. Один за другим соратники Ренареля уходили, а им на смену приходили выкорышки Эльвинеля. Эх, старый он дурак! Жил только своей Школой и не обращал внимания на мир вокруг, пока этот мир сам не обратил на него внимание.

На небе тем временем появилось изображение Гарваля Золотого Лука, одного из ближайших соратников нынешнего вождя.

– Ты понял, что должен сделать? – раздался голос Эльвинеля, и сам вождь рассветных эльфов вздрогнул, не понимая, как это возможно.

– Но Эльвинель! – весь вид Золотого Лука выдавал его изумление, даже ужас. – Как можно?! Это же Старейший!

– Он тормозит нас и заставляет цепляться за отжившие догмы, – насмешливо бросил молодой вождь. – Он не желает уйти с дороги нового. А новое – это мы! Ты давал клятву исполнить любой мой приказ.

– Да, давал... – уныло согласился Гарваль. – Но это же подлость! Это же убийство!

– Цель оправдывает средства. А цель у нас благая. Эльфы станут единственным народом этого мира, нам не нужны здесь ни орки, ни люди, они нам мешают. Из-за них мы стоим на месте, и ты это знаешь! А Ренарель готов все им отдать, готов за шкуру к небу тащить, не понимая, что с каждым поколением нас становится все меньше и меньше, а врагов все больше и больше. Мы вымираем, и кто-то должен это остановить. Почему не мы?

– Я все знаю! – схватился за голову Золотой Лук. – Но неужели нельзя сослать Старейшего? Или просто отстранить от власти? Зачем нужно это подлое убийство?!

– У него абсолютное большинство в Совете Старейшин, попробуй его отстранить, – презрительно скривился Эльвинель. – Пока он жив, мы ничего не сможем добиться. А вот если его не станет...

– То что?

– А то, что старейшины сразу передерутся. Большинство конфликтов сглаживает Ренарель своим авторитетом. После него Старейшим станет Феролан, а этот слабак давно у нас на коротком поводке. И мы получим возможность вводить наших друзей в Совет. Понял, наконец?

– Но может, подождать? – невнятно спросил Гарваль, кусая губы. – Ведь Ренарель уже очень стар...

– Он проживет еще не меньше трехсот, а то и четырехсот лет, – брезгливо поджал губы Эльвинель. – У нас нет времени ждать.

– Что я должен делать? – почти неслышно спросил побледневший Золотой Лук.

– Пару капель из этого флакона в его бокал. Перед любым сборищем старейшин именно ты выступаешь охрану вокруг Зала Размышлений и сможешь проделать все незаметно. И не бойся, никто тебя не обвинит. Это средство не оставляет следов, сердечный приступ – и все. Каждый знает, что у Старейшего пошаливает сердце.

Гарваль взял из рук Эльвинеля небольшой зеленый флакон и спрятал в складках плаща. Потом сгорбился и, пошатываясь, побрел к выходу из зала. Изображение на небе медленно погасло.

– И что ты на это скажешь, вождь рассветных эльфов? – насмешливо спросил аарн.

– Ложь! – хрипло выдохнул Эльвинель, его глаза бегали, он тяжело дышал. – Все ложь!

– Да? – насмешливо приподнял уши Кер. – Тогда посмотри еще...

Небо снова зажглось. На нем одна за другой потекли картины предательств, подлостей, убийств, совершенных Эльвинелем на пути к власти. На лице вождя появился ужас, он никак не мог понять, как все это могло стать известным проклятому незнакомцу. Преданные соратники с не меньшим ужасом узнавали, что их возлюбленный вождь избавлялся от них, как только они переставали быть ему нужны. Любимый яд Эльвинеля действовал безотказно. После убийства Старейшего он не доверял больше никому, устраняя неугодных собственноручно, и одновременно создавая образ доброго и мудрого вождя. И ему верили.

– Это правда, Эльвинель? – выступил вперед командующий лучниками, Дариаль Видящий Свет, один из немногих друзей покойного Ренареля, оставшихся в Совете Старейших.

– Ложь! – завизжал тот.

– А что ты скажешь, Гарваль, – повернулся старый эльф к Золотому Луку. – Значит, это ты отравил Старейшего?

– Да, я! – мрачно ответил тот. – И древние хроники в библиотеке Зала Размышлений подменил тоже я. Не могу больше носить это в себе. Я же не зверь, в конце концов!

– Замолчи, идиот! – рявкнул Эльвинель.

– Значит, правда... – мертвым голосом сказал Дариаль. – И что нам теперь делать?

– То, что заповедали и вам, и нам предки по отношению к властолюбцам, – вмешался Кержак. – Вы допустили Зверя к власти, и чего вы хотите после этого? Вы сами стали такими же.

– Вы правы... Мы пошли на поводу у Зверя... Но что нам делать?!

Дариаль закрыл лицо руками и застонал.

– Слушайте меня, эльфы! – выступил вперед Кер, и его изображение появилось на небе. – Я тоже эльф, но из другого мира. Вы пошли за палачом и уничтожили орков, которых эльфы других миров называют учителями. Народ, который когда-то спас наших общих предков от гибели. Кто вы после этого? Палачи и убийцы! Я постараюсь, чтобы о вашем преступлении стало известно всем еще живым перворожденным галактики. Вы предали свой народ, став на путь зла. И ваш народ с брезгливостью отвернется от вас! Но вы можете измениться, если захотите, конечно. Опомнитесь, Создатель милостив! Ведь вы идете в пропасть, еще немного – и возврата уже не будет.

– Не слушайте его! – заверещал Эльвинель, на лице которого выступили красные пятна. – Убейте этого предателя!

– Замолчи! – встал на ноги Дариаль и наградил вождя таким ударом, что тот отлетел к ближайшему дереву. – Замолчи, убийца!

Он секунду постоял и мрачно сказал:

– Надо разоружить молодых выкормышей этого. Они не послушают никого, им все безразлично, кроме воли «великого вождя». Сумел же вырастить зверье...

– Поможем, – улыбнулся Кер. – У нас восемь тысяч воинов на корабле, а луки против наших доспехов бессильны. Но объясните мне, зачем вам понадобилась эта война?

– Не знаю, как другие, а я поверил старым хроникам, – мрачно ответил Дариаль. – Там описывались страшные войны с орками, описывалось, как урук-хай вырезали нас тысячами, не жалея никого. Кто мог знать, что эти хроники фальшивы?!

– Тот, кто знает историю, – негромко сказал Кержак. – Вы предпочли забыть прошлое, и один властолюбец легко обманул вас.

– Простите... – с трудом выдохнул из себя старый эльф, затем опустился на колени и протянул свой меч орку рукоятью вперед. – Возьмите мою жизнь в искупление. Хотя, что это искупит?

И понурился.

– Кем бы я стал, если бы убил прозревшего? – горько усмехнулся шаман. – Живите и помните о том, что сделали. А мы уходим из этого мира, уходим навсегда.

– Куда? – поднял глаза Дариаль.

– С нами, – ответил вместо Кержака Кер. – Мне очень жаль, если среди эльфов не найдется никого, кто достоин услышать серебряный ветер звезд. Кто способен слышать его. Хотя, стойте...

Он вдруг радостно рассмеялся.

– Нашлись! – звонкий, радостный смех аарн заставил съезжившегося у дерева Эльвинеля сжаться еще сильнее. – Те, кого вы изгнали потому, что они не хотели войны, выкрикнули Призыв! И они достойны! Они с нами!

– Рад за вас! – повернулся к нему Кержак. – И рад, что не все эльфы поддались безумию.

– Было изгнано около сотни не признавших Эльвинеля, – негромко сказал Дариаль. – Они ушли куда-то в северные горы, я не знаю точно куда.

– Они все уже на борту нашего корабля, – пожал плечами Кер. – Выжило, правда, не больше шестидесяти, но я рад, что кроме нас с Касрой в ордене появились другие эльфы. Очень рад.

– А ваша родина?

– На моей родине, – помрачнел аарн, – подобные Эльвинелю правили много тысяч лет. И во что они превратили мой народ... Это трудно описать, могу только сказать, что пытки и казни стали ежедневными. Эльфы пытали и убивали эльфов. Я рад, что смог помочь вам остановиться и не стать такими, какими стали мои сородичи. Впрочем, теперь все зависит от вас. Сумеете остановить последователей этого, спасетесь. А не сумеете...

– Понятно... – скрипнул зубами Дариаль.

Он с минуту постоял молча, а затем вдруг подошел к Эльвинелю. Никто не успел ничего понять, как свистнул меч, и голова вождя рассветных эльфов покатила по земле.

– Зачем? – мрачно спросил Кержак.

– Так остановить его последователей будет проще, – буркнул Дариаль, сосредоточенно вытирая меч от крови. – Слишком многие верят ему, несмотря ни на что. А теперь им не за кем идти.

– Уж вождишка-то всегда найдется... – брезгливо скривился Кер. – И чем мельче, тем гнуснее. Вам придется очень внимательно следить за выкорышами Эльвинеля. Их уже не перевоспитать, боюсь, только что вы развязали гражданскую войну.

– Может быть, – сухо сказал старый эльф. – Вполне возможно, что остановить его отморзков можно, только убив их. Но остановить необходимо любой ценой.

– Если хотите, мы можем переправить их на другой материк, – предложил Кер. – Там никого нет, и им не с кем будет воевать.

– А через несколько столетий оттуда придет жаждущая мести армия? Нет уж, мы нагадили, нам и убирать за собой.

– Справедливо, – кивнул Кержак, почесывая нос. – Хоть и нелегко будет это сделать.

– Нелегко, – согласился Дариаль. – Но необходимо.

– Кержак! – повернулся к шаману Кер. – Мы нашли еще около тридцати ваших сородичей! В основном – загнанные одиночки, они никого не хотят слушать и всего боятся. Говорить с ними придется вам. Но в первую очередь нужно освободить детей!

– Детей?! – вскинулся старый орк. – Где они?!

– Четверо совсем маленьких сидят в какой-то яме в лесу. Сейчас отправляемся.

Потом Кер повернулся к Дариалю и сказал:

– Скоро сюда придет еще один наш офицер, согласуйте с ним свои действия. Он вызовет подкрепление, если понадобится. Воины появятся сразу, мы можем мгновенно переходить, куда нам нужно.

– Подождите! – к ним подошел высокий мрачный человек в шлеме с небольшой короной. – Как я понимаю, война окончена?

– Да, Ваше величество, – слегка поклонился Кер. – Вы слышали, какую судьбу уготовил Эльвинель людям?

– Слышал, – скрипнул зубами командующий войсками человеческих королевств, покосившись на голову вождя рассветных эльфов. – Значит, нас обманули. Я это учту и запомню. И детям оставлю завет помнить.

Он со злобой взглянул на эльфов вокруг, потом процедил сквозь зубы:

– Мы отводим свои войска, разбирайтесь между собой самостоятельно, нас ваши дела больше не касаются. Придет время, и вы сильно пожалеете о своем обмане. Я все сказал, перворожденные.

– Виноваты в обмане Эльвинель и его приспешники, – хмыкнул Кер. – Впрочем, нас здешние дела тоже очень мало касаются. Мы завтра покидаем ваш мир. Ищите свой путь самостоятельно.

– Найдем, – иронично посмотрел на него король. – Уж будьте покойны, найдем. Еще неизвестно, кто окажется выше.

– А это от расы не зависит, – не менее иронично прищурился эльф. – Это зависит только от разумного. Сумеет понять, что к чему – поднимется выше. Не сумеет – рухнет и уподобится Эльвинелю и иже с ним. А мы собираем во всех мирах тех, кто уже понял и больше не желает рвать другим глотки за власть.

– И вас еще не сожрали соседи? – удивился человек.

– А мы хорошо умеем настучать им по голове, если полезут, – рассмеялся Кер. – Так что соседи тихо сидят по своим норам и боятся высунуться. Ладно, Ваше величество, желаю вам удачи.

– Благодарю! – кивнул король и быстро пошел в сторону своего лагеря.

– Вы готовы? – обратился аарн к старому шаману.

– Да.

Перед ними снова завертелась черная воронка. Кержак задержал дыхание и шагнул в нее вслед за эльфом.

* * *

Пыльная грунтовая дорога вилась вдаль, только изредка пробегая через небольшую рощу. Жара выматывала донельзя, глотка пересохла, и Гаине молча молилась Светлому Владыке о каком-нибудь ручейке. Впрочем, сейчас она готова была напиться даже из грязной лужи. Вот только нет вокруг ни ручейков, ни луж. Хоть бы только не свалиться, дойти до Белой речки, которая хоть и пересохла почти, но немного воды в ней еще есть. Пусть гнилой, пусть грязной, но воды! Девушке очень хотелось плакать, но слез не осталось, глаза были совершенно сухими. Уже третий год она скиталась по землям Западных Королевств и давно отчаялась найти себе пристанище. Отовсюду бродяжку гнали...

Гаине вспомнила маленький обшарпанный домик отца в родном Хартанге и закусила губу. А потом перед глазами встал костер, на котором папу с мамой сожгли три года назад. Сожгли, обвинив в ереси. Девушка глухо рассмеялась – бедный, наивный книжник... Его ведь предупреждали, что «святые» отцы интересуются им, но он не поверил, что кто-то может желать ему зла. Как они с матерью умоляли его тогда уехать...

Когда за отцом пришли стражники инквизиции, Гаине спряталась в маленьком подвальчике, о котором никто не знал. Отец вырыл его прошлым летом и складывал там высушенные целебные травы. Именно в эти пахучие травы и зарылась до смерти перепуганная девушка, прекрасно знавшая, как поступают инквизиторские прислужники с семьями еретиков. Два дня она пряталась в подвальчике, выбираясь только по ночам. Но оставаться здесь дальше было нельзя, дома осужденных инквизицией обычно сжигали. Гаине перебралась на чердак заброшенной башни сумасшедшего мага, уничтоженного «святými» отцами лет сорок назад.

Мрачная башня оказалось настолько крепкой, что для ее разрушения потребовалось бы слишком много усилий. Да и примыкала она прямо к крепостной стене, из-за чего герцог Хартанга запретил ее трогать. Вот на башню и махнули рукой. С тех пор уже сорок лет обгоревшее нечто торчало над крепостными стенами города, и им пугали непослушных детей. Но разбитые мальчишки и девчонки все равно пробирались в загадочную башню колдуна и, цепенея от страха, обследовали ее.

Гаине в детстве не составила исключения и тоже несколько раз пробиралась туда с компанией приятелей. Она неплохо знала как пройти к входу, минуя стражу, и теперь это знание пригодилось. Перед самым рассветом девушка прокралась мимо клевавших носом стражников и забралась на самую верхотуру, куда обычно не решались забираться даже самые отчаянные из сорванцов.

Из окна башни она видела, как жгли ее родной дом. А потом... Потом на главную площадь города вывели избитых до синевы отца с матерью. Их привязали к столбу, обложили дровами и сожгли заживо. Как они кричали! При этом воспоминании Гаине глухо застонала. Будь проклята Церковь и ее палачи! Потом вспомнилось, как она бежала из города. Ворота открывались только днем, а днем любой стражник опознал бы дочь сожженного еретика. Чтобы догадаться, какая судьба ждала бы Гаине после этого, совсем не требовалось быть семи пядей во лбу.

Ночью девушка спустилась с башни на крепостную стену, осенила себя святым кругом и прыгнула со стены в ров с водой, положившись на судьбу. Повезло, ров оказался довольно глубокий, и она выжила. Промокшая насквозь, грязная Гаине с трудом выбралась из него и во весь дух припустила к видневшемуся вдали лесу, пока кто-то не заинтересовался странным плеском во рву. А потом шла много дней, пока не пересекла границу герцогства Хартанг. Больше ни разу она не переступала этой границы, стараясь держаться от родной страны как можно дальше.

С тех пор Гаине бродяжничала. Конечно, девушка мечтала, что когда-нибудь найдет место, откуда ее не прогонят, место, где и у нее появится надежда на счастье. Увы, такого места

она так и не нашла. Иногда удавалось пристроиться в какое-нибудь поместье на сбор урожая, но остаться надолго не получалось. Записываться в крепость Гаине не желала, видела как живет в крепостным. Да и приставания местных парней не вызывали восторга. Почти всегда девушке приходилось бежать, оставив жалкие заработанные гроши, и снова скитаться в поисках пропитания. Особенно не везло в последний год, она стала похожа на чучело, выглядела так, что люди при виде нее плевались. Но лучше так, чем отбиваться от желающих воспользоваться беззащитностью бродяжки. Ее даже часто принимали за мальчишку из-за неровно остриженных коротких волос, худобы и мужской одежды.

Сейчас Гаине шла в Фарстаргское герцогство, по слухам, там можно было устроиться служанкой в таверну или найти еще какую-нибудь работу. Война с орками почти подчистую вымела население, и герцог объявил, что герцогство готово принять любого трудоспособного человека. Бездомные со всех Западных королевств потянулись в Фарстарг. Гаине тоже пошла, надежда найти новый дом не оставляла ее, хотя девушка и понимала, что надеяться вряд ли стоит. Ну, кому нужна одинокая девчонка в этом Фарстарге? Если бы она была сильным, молодым мужчиной, тогда другое дело. А так...

Вздыхнув, Гаине остановилась перевести дух. До фарстаргской границы еще больше двухсот миль, и она не очень верила, что дойдет. Жажда стала невыносимой, а воды до Белой реки не предвиделось. Оде девушка даже не задумывалась, она не ела уже несколько дней. Если бы не эта страшная засуха, то можно было бы найти ягод или накопать клубней дикого ранса, но в этом году все выгорело на корню. На Западные королевства мрачной тенью надвигался голод. А тут еще эта никому не нужная война с орками, на которую силком загнали всех здоровых мужчин. Кто раньше слышал что-нибудь про этих орков? Да никто! Снова вздохнув, Гаине заставила себя сдвинуться с места, облизывая сухие, потрескавшиеся губы.

Она довольно долго шла, пока ее внимание не привлек стук копыт за спиной. Испуганно вскрикнув, девушка отбежала на обочину, прижавшись спиной к одинокому высохшему, искореженному дереву. По дороге неспешной рысью ехал отряд солдат, одетых в цвета какого-то местного барона.

– Пронеси, Светлый Владыка! – взмолилась Гаине, солдаты могли и изнасиловать, и убить бродяжку ради развлечения.

Очень плохо, что не успела спрятаться. Надо же было так задуматься! Обычно девушка всегда успевала скрыться из виду, и отряды воинов проносились мимо. Осталось надеяться, что такое чучело, как она, не привлечет внимания солдат. Хорошо хоть – не наемники, те бы и старухой не побрезговали. Она со страхом наблюдала за приближающимся отрядом и надеялась, что пронесет, что у солдат своих дел хватает, и им не до того, чтобы обращать внимание на какую-то бродяжку. Не пронесло...

Возглавляющий отряд офицер поднял руку, и солдаты остановились.

– Кто такой?! – рявкнул он. – Что делаешь на землях господина барона?

– Я в Фарстарг иду, господин, – низко поклонилась девушка. – Из Нартева.

– Да что вам в том Фарстарге, медом намазано, что ли? – с недоумением спросил офицер. – Кого не остановишь, все в Фарстарг прутся.

– Господин герцог объявил, что там работа есть... – почти неслышно ответила Гаине.

– Не повезло тебе, малец, – неприятно осклабилась выехавший вперед массивный лысый сержант. – Господину барону как раз люди в каменоломню требуются. Так что кончилась твоя дорога.

Ой, мамочка... Что такое каменоломня, Гаине не раз слышала. Больше года-полтора там не вытягивал даже самый здоровый мужик, что уж говорить о ней.

– Толку с него на каменоломне? – презрительно скривился офицер. – Совсем малец щуплый, он и камня-то не поднимет.

– Плети отведает – поднимет. А подохнет – невелика потеря.

Сержант поднял копьё и поддел острием ветхую хламиду, заменявшую девушке рубаху. Хламида не выдержала и треснула. Гаине не успела опомниться, как оказалась обнаженной до пояса. Солдаты удивленно замолчали, а потом насмешливо засвистели, увидев довольно крупную грудь бродяжки.

– Ах ты, шлюшка! – откинулся в седле сержант. – Надумала солдат господина барона обманывать? Пацаном прикинулась?! А знаешь, что за такой обман бывает?

– Я не обманывала, господин! – в отчаянии вскрикнула Гаине, пытаясь прикрыть грудь ладонями. – Вы сами меня за мальчишку приняли!

Солдаты ржали в ответ, окружив дерево и покалывая бродяжку остриями копий. Девушка взалхлеб рыдала, понимая, что на сей раз влипла всерьез. Хоть бы только живой отпустили... Офицер недовольно наблюдал за разошедшимися солдатами и нетерпеливо постукивал пальцами по луке седла.

– Господин капитан... – заискивающе пробормотал сержант. – Ребята совсем застоялись... Позвольте, а?..

– Пес с вами! – раздраженно махнул рукой тот. – Развлекайтесь. Но чтобы до полудня были в харчевне Толстого Бренна! Не явитесь вовремя – пожалеете.

– Будем еще раньше! – обрадованно пообещал сержант. – Не извольте беспокоиться!

Офицер снова презрительно скривился, пришпорил коня и ускакал. А Гаине осталась в распоряжении распаленных солдат. Девушка сквозь слезы с ужасом смотрела на них и понимала, что сейчас с ней случится что-то очень страшное. За все три года бродяжничества ее ни разу не насиловали, везло. А этих – больше двадцати... Светлый Владыка! Помилуй!

– А ну-ка, проверим на что наша девочка годится, – раздался веселый голос спешившегося сержанта.

Он вразвалку подошел к сжавшейся у дерева девушке и отвесил оплеуху, от которой у нее только зубы щелкнули. Потом ухватил за грудь и сжал с такой силой, что Гаине отчаянно завизжала. Она умоляла отпустить ее, не бить, но никому из насильников не было дела до ее слез. Наоборот, слезы жертвы еще больше распалили их.

– Светлый Владыка! – раздался испуганный голос кого-то из солдат, ему вторил еще кто-то.

Сержант отпустил Гаине и, отвесив челюсть, уставился на небо, вдруг запыхавшее безумной круговертью цветов. Оно играло музыку света и звало куда-то вдаль, в мечту. А затем с неба грянул голос на древнем, звенящем квенья. Отец обучил девушку древнеэльфийскому языку еще в детстве, и сейчас она понимала, о чем говорило людям небо. Кто-то оттуда звал с собой тех, кто не желал зла. Тех, кто мечтал о настоящих любви и дружбе, не испачканных корыстью. Тех, кто не хотел нести горя другим.

Гаине понимала, конечно, что все это – для благородных господ, что небо – не для никому не нужных бродяг. Но ее губы почему-то сами по себе почти неслышно прошептали три странных слова. Три слова, которые нужно было сказать, чтобы за человеком пришли с небес. Девушка не видела окутавшую ее почти невидимую белесую дымку, но едва не подпрыгнула, когда сверху грянула торжествующая трель неведомой птицы. Оглушающая трель.

– Ты звала нас, сестра! – раздался вдруг неведомо чей голос. – И мы пришли! Больше ты никогда не будешь одинока, всегда рядом будут те, кто любит тебя.

На небольшой доске, висящей в воздухе над дорогой, стоял закованный в зеркальные черные доспехи рыцарь без шлема. Короткие седые волосы и совсем молодое лицо. Спокойные серые глаза с непосредственным интересом смотрели на мир. Немного в отдалении зависли в воздухе на таких же досках еще десятка полтора черных рыцарей.

– Вы к-т-то, благородный господин? – с трудом выдавил из себя ошеломленный сержант.

– Мы – аарн, – чуть искривились губы седого незнакомца. – И пришли за нашей сестрой. Если кто-нибудь из вас ее обидел, вы пожалеете, что родились на свет. Понял, пашу?

Сержант не знал, что такое «пашу», но сильно подозревал, что нечто особо гнусное. Однако спорить не решился – спорить с рыцарями себе дороже. Особенно с такими, видно же, что колдуны. На досках они летают, видишь ли! Пусть с ними господин барон разбирается, с этими чокнутыми рыцарями, коли пожелает. Да только господин барон тоже рыцарь, и тоже чокнутый. Нет, странные они все-таки. И захочешь – не придумаешь: бродяжка вонючая сестра им. Спасибо Светлому Владыке, что не успел ничего сделать с ней, только потискал немного. А то ведь нажалуется своим «братишкам», мало не покажется...

– А теперь пшли отсюда, скоты! – скомандовал черный рыцарь.

Солдаты влезли на лошадей и двинулись в сторону города, все время оглядываясь. Они ничего не понимали, но спорить с колдунами не решился никто. Пусть подавятся своей девкой. Только сержант не оглядывался, а все нахлестывал коня, он заметил гадливость в глазах рыцаря и понял, что при малейшем промедлении им не жить. С легкостью перебьют, посмеиваясь. Вскоре облако пыли скрыло отряд.

– Пойдем, сестренка? – с улыбкой подошла к Гаине черноволосая благородная дама, закованная в такие же, как на мужчинах, черные доспехи. – Тебя ждут на корабле.

– Меня? – с изумлением спросила девушка.

– Ты произнесла три слова Призыва. И тебя услышали. Теперь у тебя есть дом, братья и сестры.

– Дом... – мечтательно протянула девушка. – Ах, если бы это было возможно...

– Теперь для тебя все возможно, маленькая, – улыбнулся незаметно подошедший черный рыцарь. – Ты теперь одна из нас, наша сестра. А орден Аарн никого из своих в обиду не даст.

– Светлый Владыка... – пробормотала Гаине. – Неужели мечты иногда сбываются?

– Сбываются, сестренка! – радостно рассмеялся рыцарь, девушка никогда не слышала такого радостного, наполненного жизнью и счастьем смеха. – У нас – сбываются!

Люди, окружившие ее, улыбались так, будто встретили кого-то очень дорогого им. Но они ведь улыбались ей! Как же это?

– Как тебя зовут, маленькая? – ласково спросила черноволосая дама.

– Гаине, – растерянно ответила девушка.

– Очень красивое имя, – погладила ее по щеке незнакомка. – Идем, тебе нужно сперва к Целителю, а потом выкупаешься, пообедаешь и отдохнешь.

Прямо перед Гаине завертелась в воздухе черная воронка в рост человека, и она вздрогнула. Но воронка не двигалась с места. Наоборот, черные рыцари начали один за другим нырять в нее и исчезать.

– Не бойся, это всего лишь переход на наш корабль, – заметила ее страх черноволосая дама. – Идем.

Она взяла Гаине за руку и повела к воронке. Девушка не сопротивлялась, пребывая в каком-то полубморочном состоянии. Черная воронка приблизилась, и Гаине зажмурилась. А когда открыла глаза, оказалась в каком-то невероятном, безумном даже помещении. Невозможно огромный зал, бугристые стены которого виднелись где-то очень-очень далеко. В воздухе плавали клочья разноцветного тумана, почти неслышная музыка ласково обнимала любого слышащего ее. То тут, то там мелькали фигуры людей, двуногих ящеров, огромных пауков и драконов. Гаине даже протерла глаза, но вдали действительно беседовал с кем-то сказочный дракон. Он был одет в черно-серебристую одежду, только темно-синие крылья и голова обнажены.

– Нам в госпиталь, маленькая, – рассмеялась черноволосая. – Успеешь еще на туманный зал насмотреться. Меня, кстати, зовут Тамилат-Оз, но можешь называть меня Тами.

Перед ними завертелась еще одна воронка, и дрожащая девушка шагнула туда уже без прежнего страха. Коротко мигнуло в глазах, и она оказалась в довольно большой круглой комнате, весь потолок которой был покрыт шевелящимися розовыми щупальцами. У стен сто-

яло множество совершенно незнакомых девушке вещей, а сами стены тоже были розовыми и медленно пульсировали. Возле стола у стены что-то делала высокая молодая женщина очень странной внешности. Короткий белый ежик мягких волос, похожих скорее на шерсть, слегка голубоватая кожа, почти круглые черные глаза. Гаине даже испугалась ее слегка. Но улыбка незнакомки была такой доброй, что страх вскоре куда-то подевался, и она тоже несмело улыбнулась в ответ.

– Вот, новенькую девочку к тебе привела, – сказала Тами. – Зовут Гаине. Посмотри ее, пожалуйста, Висан. Может, малышке в ти-анх нужно лечь, мы ее из рук насильников вырвали.

– Здравствуй, маленькая! – снова улыбнулась беловолосая. – Я – Целитель. Разденыся, я посмотрю, что с тобой.

Гаине совершенно смутилась, но стащила оставшиеся на ней разорванные ветхие штаны из мешковины, найденные на каком-то заброшенном хуторе. Целительница только вздохнула – кожа да кости. . . Потом подошла и внимательно осмотрела тело девушки. Бесчисленное множество мелких шрамов и царапин достаточно говорили о том, какой была жизнь бедняжки. Висан сочувственно вздохнула и попросила девушку открыть рот и обследовала ротовую полость.

– Похоже на обезвоживание, – озабоченно пробормотала она. – Гаине, ты пить хочешь?

– Очень, – вздохнула девушка. – Вчера вечером только немного воды выпросила. . . Да и та гнилой оказалась.

– Держи, – Висан протянула ей огромный стеклянный бокал с ручкой на боку, наполненный чем-то золотистым. – И до дна!

Вот только откуда он взялся, этот бокал? Гаине не поняла, но не до того было, очень уж пить хотелось. Она приняла бокал и вежливо поблагодарила Целительницу, которая улыбнулась в ответ. Потом жадно глотнула и даже остановилась – такой невозможной вкусоности она никогда не пробовала. Что-то совершенно невероятного кисло-сладкого ягодного вкуса, но не вино. Гаине и сама не поняла, как выпила огромный бокал до дна. Никогда бы раньше не подумала, что в нее столько влезет!

– Вот и отлично! – рассмеялась Висан. – А теперь ложись на эту кушетку, смажем тебе ссадины. В ти-анх пока не стоит, достаточно необходимого набора антителей. И несколько дней особо калорийного питания. Проследи, Тами.

Что такое антителя? Гаине поежилась, но легла на указанную кушетку, внезапно выросшую из пола. Беловолосая Целительница достала из стенной ниши большую перекрученную посудину и зачерпнула оттуда немного бурой мази. Девушка тихонько вздохнула – знала на собственном опыте, что спорить с целителями и знахарями совершенно бесполезно, пусть уж делает все, что считает нужным. Отец был таким же самоуверенным, когда лечил кого-то.

Висан принялась мягко втирать коричневую мазь в кожу Гаине. И боль от уколов копьём сразу проходила, кожа на глазах становилась мягкой, шелковистой на ощупь. Что за чудо-мазь? Отец за ее рецепт дал бы руку себе отрубить! Закончив растирать девушку, Целительница отошла куда-то и вскоре вернулась с полупрозрачным, извивающимся в ее руках толстым червем, наполненным мутной голубоватой жидкостью.

– Сожми и разожми несколько раз кулак, – приказала она, и Гаине послушно принялась сжимать и разжимать пальцы.

– Хватит, – скомандовала Целительница и прижала головку червя к сгибу руки девушки.

Что-то почти неслышно зашипело, и голубоватая жидкость из червя исчезла. Гаине на секунду ощутила дурноту, ей показалось, что что-то пронеслось по всему телу, что его вымыли изнутри. Ощущение внутренней свежести было непривычным, но очень приятным.

– Вот и все! – удовлетворенно сказала Висан. – Теперь только покушать плотно надо и можно отдыхать. Вы меня извините, девочки, но. . .

Больше она не успела ничего сказать. В стене завертелась черная воронка, из которой выпрыгнули три черных рыцаря. В руках они несли что-то воющее, обугленное, дергающееся и воняющее горелым мясом.

– Активируй ти-анх! – выкрикнул один из них. – Быстрее!

Целительница метнулась к боковой стене, и та исчезла, открыв небольшое помещение, похожее изнутри на желудок какого-то огромного животного. В полу этого помещения бурлила пузырями наполненная розовой слизью яма. Черные рыцари осторожно поднесли к яме воющее нечто и опустили это нечто в нее. Обгоревшее тело, в котором с трудом угадывался человек, медленно скрылось под слизью, и вой вскоре затих. Висан что-то делала в углу, и слизь в яме то и дело меняла цвет, пока не стала, наконец, темно-красной.

– Успели! – облегченно выдохнул рыцарь. – Слава Благим. Кстати, Старх сорвался напрочь, костер увидев, не забыл, что самого из такого же костра вынимали. Перестрелял к Проклятому всех инквизиторов в том городе и сейчас в психошоке. С ним Дормит работает, так что ты их обоих не ищи.

– Поняла... – вздохнула Целительница. – Говорила я вам Старха на боевые вылазки не брать?

– Говорила... – потупился рыцарь. – Но он так просился...

– Просился... – недовольно проворчала Висан. – В следующий раз, надеюсь, будете слушать, что вам Целители говорят!

– Будем... – уныло согласился он. – Ну, мы пошли?

– Идите уж, разгильдяи несчастные! – рассерженно топнула ногой беловолосая. – Вот уж горе на мою голову!

Черные рыцари поспешили скрыться в снова возникшей на стене воронке. Странно, но похоже воины побаиваются Целительницы... Интересно, почему? Гаине ничего не понимала вокруг, но почему-то ощущала покой, такой покой можно почувствовать только дома, только там, где тебя никто не обидит. Но почему она здесь так себя чувствует? Неужели, действительно нашла себе дом? Гаине сама не замечала, что по ее щекам текут слезы.

– Ну, зачем же плакать, маленькая? – ласково спросила ее Тами. – Пойдем, искупаешься, покушаешь.

И увела всхлипывающую девушку в очередную черную воронку. Они оказались в круглой большой комнате, заставленной мягкими креслами и диванами приятного бежевого цвета. Несколько картин висело на стенах. Потолок был круглым и безо всяких щупалец, что очень обрадовало Гаине – у нее от этих щупалец мороз по коже шел. Тами остановилась возле стены, и ее доспехи запахнулись. Молодая женщина вышла из них и брезгливо отряхнулась, ее тело покрывал ровный слой бурой слизи.

– Пошли мыться быстрее, – недовольно сказала она. – Доспехи вещь хорошая, пока ты в них, но эта слизь... Ненавижу!

В стене открылся проход, и Тами повела Гаине к нему. Они оказались в маленькой шарообразной комнатке. С потолка ударил поток теплой воды вперемешку с пахучей мыльной пеной. Аарн сама вымыла ошеломленную девушку. Особенно долго она возилась со сбившимися в колтуны волосами, да и против местного аналога вшей пришлось применить специальное средство, не хватало только дать этой гадости размножиться. Гаине покорно делала все, что ей говорили, она раньше и представить себе не могла такой мыльни. Особенно изумил поток теплого воздуха, очень быстро высушившего мокрую девушку.

– А теперь – одеваться! – усмехнулась Тами и протянула Гаине роскошный черно-серебристый мужской костюм.

Девушка пребывала в каком-то полусне, она никак не могла поверить, что это происходит наяву. Может, она бредит? Потому не особенно удивилась странным ощущениям после того, как костюм оказался на ней. Не удивилась и медленно разгоревшейся на плече страшно-

ватой эмблеме. Все в таком же полусне Гаине села за стол, на котором появились ниоткуда два больших подноса, полных незнакомой еды.

– Вот это тебе, – пододвинула к ней один из подносов Тами. – И чтобы съела все до крошки! Слышала, что Целительница говорила? Тебе дней десять нужно очень много кушать!

Съесть все это?! Глаза Гаине полезли на лоб. Да не влезет в нее столько! Но голод заставил забыть о сомнениях, и она принялась за еду. Все оказалось таким вкусным, что девушка и не заметила, как поднос опустел. Живот заметно увеличился, и она немного забеспокоилась, как бы чего не вышло. Помнила, как один из знакомых бродяг умер от обжорства, дорвавшись до еды.

– А теперь выпей вот это, – Тами пододвинула к ней стакан с чем-то коричневым. – Это лекарство. Оно не даст произойти никаким неприятностям вроде несварения желудка. Не очень вкусно, знаю, но выпить надо.

Надо, так надо. Гаине вздохнула и залпом выпила солоноватую жидкость. Потом побыстрее запила неприятный вкус во рту каким-то светло-голубым соком и облегченно откинулась на спинку кресла.

– А почему рыцари оправдывались перед Целительницей? – спросила она, это с какой-то стати интересовало девушку больше всего.

– Так они все ее мужья, – рассмеялась Тами. – А у Висан характер еще тот, опасаются они, скажем так.

– Мужья?! – полезли на лоб глаза Гаине.

– Она, конечно, не единственная их жена, это десятиричная семья – десять мужей и десять жен. Но Висан играет в семье одну из ведущих ролей как Целитель, и другие обычно ей подчиняются. А тут против ее воли пустили на грунт человека, который не смог удержаться, увидев, как ваша инквизиция жгла заживо человека.

– Моих отца с матерью тоже сожгли... – закусила губу Гаине. – Папа целителем был, людей лечил, а его сожгли за это...

– Сволочи... – пробормотала Тами и погладила девушку по щеке.

– А что сделал этот человек? – спросила Гаине, взяв себя в руки.

– Его самого когда-то в другом мире из костра вынули, вот он и не выдержал. Пошел вразнос и перебил всех инквизиторов в городе, охоту на них устроил.

– Так им и надо, скотам! – решительно заявила девушка, сжав кулаки. – Я бы их...

– Оно-то так, – вздохнула Тами. – Только парень после этого в психошок впал. Теперь им Целитель Душ занимается, и он еще нескоро в себя придет. Хотя Дормит из их же семьи, один из немногих Целителей Душ среди мужчин, но с таким сильным поражением психики не просто справиться даже ему.

Гаине непонимающе смотрела на нее.

– Мы физически неспособны убивать, – пояснила аарн. – Но изредка приходится, и за это каждый убивший расплачивается психошоком. Если пострадавшего не исцелить, он сходит с ума. Для такого исцеления и существуют Целители Душ.

– Понятно... – удивленно протянула Гаине. – А человек, которого они принесли? Разве после костра выживают?

– Через несколько дней будет полностью здоров, – улыбнулась Тами. – Ти-анх еще и не то способен излечить.

– Чудеса...

Девушка немного посидела молча.

– Чего ты теперь хочешь, поспать или погулять по кораблю? – ласково улыбнулась ей молодая женщина.

– А можно погулять? Я бы хотела посмотреть. У вас здесь так странно...

– Конечно, можно, – рассмеялась аарн. – Иди, а когда захочешь отдохнуть, попроси Сиварха открыть тебе проход в мою каюту.

– Кто такой Сиварх? – спросила девушка.

– Сивархом зовут здешнего дварха, душу и разум корабля. Он услышит тебя в любом месте крейсера. Сиварх, познакомься с Гаине!

– Здравствуй, Гаине! – раздался с потолка добрый, слегка ворчливый голос. – Очень рад, что ты с нами.

– Спасибо... – растерянно пробормотала девушка. – Здравствуйте! Я тоже рада.

– Вот и хорошо, – смешок дварха заставил ее улыбнуться. – Если чего понадобится, позови меня и скажи. Помогу. Пока прощаюсь, Поиск всюю продолжается, у меня больше сорока групп на грунте. Кстати, Тами, тебя Касра с Аной видеть хотели.

– Передай, что сейчас приду, – кивнула та.

– Хорошо. И до свидания!

– Будь здоров! – улыбнулась Тами и обернулась к Гаине. – Поняла, что нужно делать, если вернуться захочешь?

– Да...

– И ничего не бойся, здесь никто и никогда тебя не обидит.

В стене образовалась черная воронка, и Тами вывела Гаине в уже знакомый туманный зал. Потом погладила ее по щеке и исчезла. А девушка завороченно смотрела на сплетающиеся в какие-то непонятные фигуры клочья разноцветного тумана. Слушала нежный перезвон затихающих вдали серебряных колокольчиков. Потом ошеломленно уставилась на темно-синего дракона, стоявшего неподалеку. Огромный ящер обернулся и улыбнулся ей. Эта улыбка могла испугать любого человека – пасть дракона способна была перекусить его пополам одним движением, но Гаине почему-то не испугалась, а улыбнулась в ответ.

– Здравствуй, маленькая! – прогудел дракон. – Рад, что ты с нами. Меня зовут Г'вад Зерин.

– А меня – Гаине, – ответила девушка.

– Иди сюда, расскажу о нас.

Дракон наклонился и подхватил Гаине на руки. Девушка удобно устроилась на сгибе его локтя, ничуть не боясь и сама удивляясь полному отсутствию страха. Г'вад снова улыбнулся и принялся рассказывать о том, как живут в ордене. Чем дышат и о чем мечтают. Гаине зачарованно слушала невероятный рассказ и с каждым мгновением все больше и больше ощущала себя героиней волшебной сказки.

* * *

Врайла шла по коридору дварх-крейсера, с интересом оглядываясь. А интересно ей было все вокруг. Почти все орки уже спали, но ей не дало заснуть неумемное любопытство, и рыжая орчанка отправилась бродить по огромному звездному кораблю. Возле каждой незнакомой вещи Врайла останавливалась и внимательно изучала ее. Чаще всего она не понимала что это, но любопытство от этого непонимания не становилось меньше.

Рыжая окинула взглядом свое затянутое в черно-серебристую форму тело и негромко хмыкнула. Надо же, здесь все живое, как было когда-то у предков. Даже одежда живая. Впрочем, кто-то из аарн говорил, что основой для разработки дварх-крейсеров и иже с ними послужили как раз биотехнологии древних урук-хай, каким-то образом попавшие в руки Командора.

Больше всего Врайлу удивляла царящая вокруг доброжелательная веселость. Каждый встречный улыбался ей, улыбался так по-доброму, что орчанка не могла не улыбнуться в ответ. Кое-кто заговаривал, о чем-то спрашивал, но убей ее Создатель, если она помнила, что отвечала. Слишком много впечатлений для одного дня. Но спать все равно не могла.

Сразу после перехода на крейсер многим из орков, в том числе и Врайле, пришлось отправляться вместе с воинами ордена на поиски остатков урук-хай. Вспомнив прятавшихся в лесу двух до смерти запуганных и голодных мальчишек, рыжая скрипнула зубами. Бедняги были так перепуганы, что боялись пошевелиться. Да и чему удивляться после того, что они видели... На их глазах родную деревню уничтожили, а всех населявших ее орков сожгли заживо. Врайле пришлось долго уговаривать перепуганных детей вылезти из выкопанной ими глубокой норы. Удалось это далеко не сразу. Выбравшись и увидев перед собой живого взрослого орка, дети кинулись к ней и не могли оторваться до самого крейсера. А там ими занялись Целители Душ. Врайла восхищенно вздохнула – и эта древняя легенда жила среди Аарн. Когда-то у народа урук-хай были свои Целители Душ, но очень давно.

К вечеру всех остававшихся в живых орков свезли на корабль. Семьдесят три урук-хай уцелело. Всего семьдесят три из ста пятидесяти семи тысяч...

Рыжая тяжело вздохнула. Впрочем, Целители говорили, что с маточными репликаторами ордена вполне возможно довольно быстрое восстановление популяции. Правда, придется производить манипуляции с генами зародышей, чтобы не произошло генетического вырождения, слишком мало осталось способных к размножению орков. Но странное дело, люди галактики, в отличие от людей ее планеты, оказались способны иметь общих детей с урук-хай. Как такое могло случиться, Врайла не понимала. Однако факт оставался фактом, и это обстоятельство вполне могло спасти их народ.

А может, удастся найти остатки урук-хай с других переселенческих кораблей, куда-то ведь они улетели. Аарн совсем недавно начали исследование дальних звездных скоплений за пределами галактики, куда раньше не имели возможности добраться, и вполне могли натолкнуться на орков с других кораблей. Мудрецы ордена недавно придумали какие-то новые сверхдвигатели, которые пока вырастили всего на двух десятках крейсеров. Именно эти крейсера отправились исследовать прежде недостижимые области космоса. «Сын Ангела», нашедший их мир, был одним из этих сверхкораблей.

Врайла прошла в очередную арку и ошеломленно замерла. Перед ней раскинулось многомильное открытое пространство, только в центре висело что-то, напоминающее смятый комочек паутины. К комку протянулось множество широких черных дорожек, совершенно произвольно извивающихся в пространстве. На дальней стене медленно менялась фигура, не похожая ни на что знакомое. Она постепенно изменяла цвет с синего на красный, и с каждым моментом все сильнее наливалась багровым светом. А потом вдруг по глазам ударила ослепительная вспышка. Врайла отчаянно взвизгнула от страха и отпрыгнула обратно в проход. Но там уже кто-то стоял, и орчанка сбила стоявшего с ног, сама кубарем покотившись по полу.

Она сильно ушибла плечо и зашипела от боли. Нет, ну надо же иметь такое везение?! С трудом сев, Врайла повернулась к сбиту ею с ног человеку. Прямо перед ней, раскинув ноги, сидела на полу растерянная смуглая девчонка лет семнадцати с неровно подстриженными короткими черными волосами. Впрочем, семнадцать – это если по человеческому счету, по орочьему или эльфийскому – от ста двадцати до двухсот. На ее лице было выражение непомерного изумления, она хлопала глазами, с недоумением глядя на сидящую перед ней орчанку. Рыжая покраснела.

– Извини меня, пожалуйста... – смущенно сказала она. – Я нечаянно.

– Клубг сеарвас чарсми? – с недоумением спросила девчонка на каком-то неизвестном Врайле языке.

Ну да, откуда ей знать урук-хее? Рыжая хлопнула себя по лбу и спросила на древнеэльфийском:

– Может, ты говоришь на квенья?

– Говорю! – обрадовалась девчонка. – Не очень хорошо, но говорю. Папа меня в основном читать учил.

– И то ладно, – махнула рукой Врайла. – Извини, говорю, я нечаянно на тебя налетела.
– Да мелочи, было бы за что извиняться, – смущенно улыбнулась черноволосая. – Меня, кстати, Гаине зовут.

– А меня – Врайла! – представилась орчанка.

– Ты давно здесь? – спросила девчонка.

– Нет, несколько часов разве.

– И я! До сих не пойму, то ли я брежу, то ли это на самом деле. Надо же, дракон меня на руках носил и сказки рассказывал! Никто же не поверит!

Дракон? На руках носил? Врайла черной завистью позавидовала новой знакомой, она и сама была бы не прочь испытать что-либо подобное.

– А ты откуда?

– Родом из Хартанга, это одно из западных королевств.

– Как тебя только родители отпустили? – удивленно спросила орчанка.

Глаза Гаине мгновенно набухли слезами, и она всхлипнула.

– Папу с мамой инквизиция три года назад сожгла... – с трудом выдавила из себя девушка.

– Извини... – пробормотала смущенная орчанка. – Я не знала. Моих тоже сожгли. Вообще всю деревню сожгли. Я чудом спаслась.

– Будь они прокляты, паскуды инквизиторские! – с яростью выкрикнула Гаине. – Жаль, что не всех их Старх перебил!

– Да нас не инквизиторы жгли, – горько сказала Врайла. – Эльфы и отряд барона Хордосского.

– Эльфы?! – вытаращились глаза девушки.

– Я ведь орчанка, если ты еще не поняла.

– Орчанка?! – с неподдельным изумлением переспросила Гаине. – Ой, мама... Никогда бы не подумала...

Она с интересом уставилась на Врайлу, пытаясь отыскать на ее лице признаки жуткого клыкастого чудовища, о котором рассказывали святые отцы. Но ничего чудовищного в облике новой знакомой не было. Широкое, красноватое лицо, небольшие клычки, выступающие из-под нижней губы, смотрелись скорее пикантно, чем устрашающе. Непокорные, встрепанные огненно-рыжие волосы, хитрые, даже ехидные маленькие черные глазки. Уши были небольшими, непривычной формы и остроконечными, как у эльфа. Да, Врайла не слишком-то привлекательна на человеческий взгляд, но что-то неуловимое в ней все же было. Чем-то она располагала к себе.

– Что, не похожа на чудище? – с иронией спросила орчанка.

– Совсем не похожа... Так зачем эта война была нужна, если вы не чудовища?!

– Ты меня спрашиваешь? – закусила губу Врайла. – Ни один из орков тысячи лет не брал в руки оружия! Понимаешь? Тысячи лет! А люди с эльфами пришли и принялись нас убивать... За что?..

– Я не знаю... – смутилась Гаине. – Я всего лишь бродяжка.

– Нас было сто пятьдесят семь тысяч. А остались в живых всего семьдесят три!

– Светлый Владыка! – ужаснулась Гаине. – Всех остальных убили?!

– Убили... – всхлипнула Врайла. – Без помощи аарн и нас бы убили...

– А меня орден из рук насильников вырвал... – почти неслышно сказала Гаине и тоже всхлипнула.

Девушки посмотрели друг друга, придвинулись поближе друг к другу, обнялись и принялись дружно хлюпать носами. Плакали довольно долго, шепотом рассказывая о пережитом. А отплакавшись, почувствовали себя близкими подругами и очень удивились этому обстоятельству. Потом встали, но не успели утвердиться на ногах, как из прохода, напуганный оче-

редной вспышкой, вылетел еще кто-то и сбил их с ног. Девушки опять кубарем покатались по полу. А когда несколько пришли в себя, обнаружили, что напротив сидит, растерянно растопырив и опустив уши, светлая эльфийка. На ее невероятно красивом лице было выражения неподдельного изумления, ноги раскинуты в стороны. Огромные миндалевидные глаза часто моргали. Серебристые волосы растрепались и торчали во все стороны. В общем, она выглядела настолько комично, что девушки не выдержали и начали истерически смеяться. Эльфийка некоторое время с недоумением смотрела на них, а потом тоже рассмеялась. Серебристый смех влился в общий хохот, и несколько минут три девушки никак не могли успокоиться. Останавливались, смотрели друг на друга и снова принимались хохотать. Смеялись до полного изнеможения.

– Извините, я не хотела... – сказала эльфийка, когда все, наконец, отдышались. – Я вспышки испугалась...

– Ой, оставь! – махнула рукой орчанка. – Просто – не ты первая. Я сама перепугалась и сюда бросилась, Гаине с ног сбита. Только отошли от шока, встали, а тут ты на нас валишься. Смех и грех!

– Действительно, смешно, – согласилась эльфийка, ее голосок был на удивление нежен. Никогда еще не видевшая эльфов Гаине с восторгом смотрела на прекрасную девушку.

– Меня Миримель зовут, – представилась среброволосая. – Я здесь пару часов всего, хожу и ничего не понимаю. Зашла сюда, а тут эта вспышка...

– Врайла, Гаине, – назвались девушки.

Некоторое время длилось молчание, а затем орчанка спросила:

– А ты сама откуда?

– Из изгнанников, – вздохнула Миримель. – Наша семья отказалась подчиниться Эльвинелю, и нас изгнали в северные предгорья десять лет назад.

– А почему отказалась?

– Мы всегда хорошо знали древнюю историю и не хотели воевать с урук-хай. Как можно воевать с теми, кто когда-то спас эльфов от гибели? С теми, кто научил нас доброте и пониманию мира? Не знаю, что нашло на наш народ. Ощущение, что они все с ума посходили.

– Может, и посходили, – горько усмехнулась Врайла. – Нас ведь почти не осталось. Если бы не Аарн...

– Если бы не они, меня тоже уже не было бы, – вздохнула Миримель. – Нас почти без ничего изгнали, голых и босых. Кое-как обжились, кто мог знать, что в северные предгорья на зиму прайды райхов, больших кошек, откочевывают...

– И что?

– Папа на охоту пошел, так мы потом только пару костей от него нашли. За семь лет одного за другим всех моих родных съели, последние два года я вообще одна жила, кое-как, с трудом выжила. А сегодня утром пятеро райхов меня загонять начали. Я на скалу залезла, с одним бы еще справилась. Но с пятерыми? Куда мне. С той скалы меня Аарн и сняли. Повезло, в общем...

Три девушки разных рас смотрели друг на друга и почему-то ощущали себя родными. Это было странным, но так уж получилось. Что-то в каждой было очень близкое остальным. Но что именно, не могла сказать ни одна.

– А давайте дружить... – почти неслышно предложила Гаине.

– Согласна! – рассмеялась Врайла.

– И я согласна, – несмело улыбнулась Миримель.

Не успели новоявленные подруги встать на ноги, как в стене завертелась воронка, из которой вышла Тами.

– Вот где ты! – сказала она. – А я уж обыскалась.

Потом обвела взглядом девушек и улыбнулась.

– Подружек нашла? Рада за тебя, Гаине. Но я тебя еще никуда не поселила. Вас трех в одной каюте селить или отдельно?

Человеческая девушка, орчанка и эльфийка переглянулись, а потом дружно ответили:

– Вместе!

– Вот, и хорошо! – рассмеялась Тами. – Идите за мной.

– Только у меня еще одна подруга есть, Равла, – спохватилась Врайла. – Можно ей с нами?

– Конечно, можно, – пожала плечами Аарн. – Только я сперва вас поселю, а потом уже и ее приведу.

Она показала на воронку, и девушки одна за другой прошли в нее. Они оказались в большой и светлой комнате, из которой вело семь дверей.

– Здесь пять спален, шестая дверь – санузел. В каждой спальне есть свои ванная и туалет, но небольшие. Седьмая дверь – выход в коридор. Запомните, ваша каюта номер двести семнадцать на шестом жилом уровне.

– А кухня? – спросила Гаине.

– Зачем? – удивилась Тами. – Мы не готовим на корабле. Вернемся на Аарн Сарт, найдете себе дом, там что хотите делайте. А на корабле зачем?

– Откуда же еду брать? – растерялась Врайла.

– Ах, да! – рассмеялась Аарн, хлопнув себя по лбу. – Я вам не объяснила. У каждой каюты есть свой биокомп с комплексом обслуживающих механизмов. Это, как бы вам сказать... Нечто, напоминающее домового. Ему вы заказываете любую еду и напитки, хоть голосом, хоть мысленно. Заказ будет немедленно исполнен и появится там, куда вы укажете.

– Биокомп, а можно мне немного красного вина? – сразу рискнула опробовать новые возможности Врайла.

На столе возник высокий стакан с вином, и орчанка радостно взвизгнула. Тами еще довольно долго объясняла подругам что есть, а чего нет в каюте. И как пользоваться тем, что есть. Но в конце концов она ушла, оставив девушек одних.

– Никогда и представить себе не могла, что все это возможно... – вздохнула Гаине, обедая рукой каюту.

– Думаешь, я могла представить? – поежилась Врайла. Миримель только вздохнула, соглашаясь.

Вскоре появилась изумленная Равла. Она никак не могла взять в толк, откуда у рыжей взялись новые подруги. Да еще и человек с эльфийкой! Пока ей со смехом объясняли, Гаине заказала себе того самого сока, которым угощала ее Целительница, и с удовольствием выпила. Потом девушки побродили по кораблю, постояли в туманном зале, куда все еще свозили пребывающих в недоумении новичков. Подруги уже чувствовали себя здесь старожилками и беззлобно посмеивались над потрясенными лицами впервые увидевших туманный зал людей, орков и эльфов.

Но усталость вскоре взяла свое, они вернулись в каюту и вчетвером завалились спать на одну кровать. Гаине заснула, едва дотронувшись головой до подушки. Давно ей не доводилось спать в чистой и мягкой постели. Что было дальше, она не знала, сон накрыл девушку мягким покрывалом.

* * *

Слушая рассказ Кера об Аарн, Кержак усиленно размышлял. Если честно, ему очень понравились принципы, на которых Командор выстроил свой орден. Только одну ошибку совершил он, но ошибку страшную. Нельзя было допускать такой всеобщей ненависти к Аарн, нельзя было с таким пренебрежением относиться к другим народам, не способным пока понять пути духа. Урук-хай поступили именно так, и каков результат? Их уничтожили. Старому

шаману очень не хотелось, чтобы та же история повторилась с орденом. А к тому, судя по всему, шло. Надо будет серьезно поговорить с Командором, он должен прислушаться к разумным доводам.

Хорошо, что Аарн начали понемногу менять свою политику и даже пошли на сотрудничество с некоторыми из лидеров других стран. Старый шаман дал себе зарок как можно быстрее разобраться в политическом раскладе и истории обитаемой галактики. Судя по всему, придется соглашаться на вживление этого, как же он называется? Ах, да – биокомпа. Он поможет быстрее обрабатывать информацию. Так, что еще не сделано на сегодня? Оставшиеся в живых урук-хай на корабле и размещены по каютам. Только Врайлу куда-то бес понес. Ну да ничего с этой рыжей разбойницей здесь не случится. Невероятная доброжелательность аарн изумляла, приводила в трепет и очень нравилась.

– Извините, Кержак, – обратился к нему Кер. – Вы говорили, что можете показать Касре, как держать в узде силу. А то что-то она мне в последнее время не нравится, как бы снова выброса не было...

– Давайте ее сюда, – проворчал шаман.

– Здравствуйте! – раздался через некоторое время смущенный, нежный голосок.

Кержак обернулся и приподнял кустистые брови. Таких красавиц даже среди эльфиек было немного. Стоящая перед ним среброволосая девушка казалась застывшей прекрасной музыкой, она доверчиво смотрела на окружающий мир огромными глазами и, казалось, поливала этот мир своей любовью. И эту прелесть полгода пытали? Каким же зверем нужно быть?! Да нет, не зверем... Звери не пытаются себе подобных...

А потом старый шаман вслушался в девушку на уровне магии. И едва не взвыл от восторга. Это же не сила мага, это стихия! Бушующая стихия, почему-то временно упокоившаяся в теле хрупкой эльфийки. И представить себе не мог ничего подобного! Каким образом девочка стала воплощением стихии? Или это пережитое так повлияло на нее? Трудно сказать, но теперь шаман хорошо понимал беспокойство Кера. Если эта безумная сила вырвется на свободу, то от корабля и пепла не останется. Да что там от корабля, звезда взорвется, и не одна.

– Садись, – кивнул он на кресло напротив. – Меня, если ты не знаешь, зовут Кержаком Черным. А ты Касра?

– Да, – смущенно опустила уши эльфиечка. – Касра Ла Онег...

– И что же это ты, не умея силу контролировать, в дальнюю экспедицию отправилась, а? – укоризненно спросил Кержак.

– Очень хотелось... – совсем смутилась девушка. – И Мастер разрешил...

– Я ему еще скажу пару ласковых по этому поводу, – недовольно буркнул старый шаман. – Ладно, будем исходить из имеющегося в наличии. Биокомп у тебя в мозгу есть?

– Да.

– Отключи, не знаю, как повлияют на него заклятия такого уровня. Лучше не рисковать.

– Уже отключила, – кивнула Касра.

– Ты знакома с вероятностным разделением силы по четырем стихиям?

– Конечно. Это самые основы стихийальной магии.

– Очень хорошо, – удовлетворенно кивнул шаман. – Для начала обучу тебя контролю стихий, а затем займемся вероятностями. Сделай начальное разделение по шестнадцати разнополярным векторам. Каждая четверка векторов должна заключать в себя все стихии. Совместно пусть составляют из себя четырехмерную сверхстихию.

– Готово, – кивнула девушка.

– Отлично, отлично... – пробормотал Кержак, рассматривая ее построение и удовлетворенно кивая головой, девочка действительно умела это делать, и хорошо умела. – Теперь запускай циклическую смену стихий по каждой из четверок.

– Зачем? – недоуменно спросила Касра.

– Потом объясню. Делай!

Он наблюдал за аурой Касры, заигравшей всеми цветами радуги и продолжал кивать своим мыслям. Пока девочка неплохо справляется, первое открытие уровня можно дать ей уже сегодня. На удивление талантлива и понятлива, иметь такую ученицу – величайшая радость для учителя.

– А теперь замкни все четверки между собой в единую структуру, многомерный куб, – сказал шаман.

– Как? – с недоумением спросила Касра.

Ага! Вот этого она еще не знает. Что ж, придется учить.

– Представь, что каждая четверка – грань кристалла, имеющая конечное множество отражений. Два в восьмой степени, как минимум. Представила? Хорошо. Теперь наложи на эти отражения заклинание тождественности с главной четверкой векторов. Готово? Отлично! Протяни от каждого связанного отражения силовой жгут из сплетенных четырех сил к углам следующей четверки. Видишь? Фигура завершена.

– Как просто... – с восхищением протянула эльфийка. – Я и не думала, что это так просто...

– Все просто, если умеешь это делать, – рассмеялся Кержак. – А теперь опиши мне, как ведет себя твоя сила.

– Ой, а она внутри куба...

– Естественно, – приподнял верхнюю губу шаман. – Ведь при построении векторов и связок ты использовала собственную силу. Если бы пользовалась заемной, как делают многие из слабых, но умелых магов, то картина получилась бы несколько иной. Тогда сила примыкала бы к внешним граням куба.

– Теперь поняла... А дальше что?

– А дальше дай своей силе свободно гулять по граням куба. Сделала? Вижу, сделала. И что чувствуешь?

– Сила уже не рвется наружу, я легко перебрасываю ее с места на место без обычных усилий... – растерянно пробормотала Касра. – Она мне подчиняется!

– Это еще не подчинение, – улыбнулся старый шаман. – Это только начальный уровень управления. Теперь я хочу научить тебя держать куб защиты постоянно, не прилагая к этому сознательных усилий.

– А это возможно?! – уши эльфийки встали торчком от восторга.

– И чему только тебя Мастер учил?!

– Он меня еще не учил... – покраснела девушка. – Я еще не приступила к занятиям. Мы сперва с Кером по скоплению мотались, дом построили, пожили в свое удовольствие. Двух детей родила. А потом муж в легион пошел, а мы с Аной занялись подготовкой этой экспедиции. Мастеру сейчас не до меня, у него кризис за кризисом.

– Вот если твоя сила рванет, это действительно будет кризис! – рассерженно рявкнул Кержак. – Что за безответственность?! Разве можно так к собственной силе относиться? Девочка, это не игрушки! Я еще этому вашему Мастеру все скажу!

– Что бы вы хотели сказать мне, уважаемый коллега? – раздался в комнате спокойный, ироничный голос.

Шаман резко обернулся. Со стены, превратившейся в экран, на него смотрел молодой худощавый мужчина человеческой расы с серыми глазами и длинными русыми волосами, скотытыми в хвост. В лоб был вживлен черный, слегка мерцающий кристалл.

– Мастер! – радостно взвизгнула Касра. – Ты где?

– На борту «Пути Тьмы», приближаемся к Аарн Сарт, – ласково улыбнулся он. – Рад тебя видеть, маленькая. И уважаемый коллега совершенно прав, нельзя было отпускать тебя в дальнюю экспедицию, не обучив хотя бы элементарному контролю. Моя ошибка.

Потом Командор повернулся к Кержаку и низко поклонился.

– Спасибо, что пришли на помощь моей ученице! – сказал он. – Я действительно не предусмотрел, что сила начнет выплескиваться из нее. Она стала много сильнее, чем была, я удивлен...

Значит, аарн могут связываться друг с другом независимо от расстояния? Любопытно. Кержак с интересом всматривался в лицо бессмертного. Выглядит обычным человеком, но люди, даже самые сильные маги из их числа, по двадцать тысяч лет не живут. И Командор умеет признавать собственные ошибки. Немаловажный факт, редко кто из сильных магов способен на это.

– Я счастлив, – продолжил Илар ран Дар, – что народ урук-хай жив. Еще больше я рад тому, что орки стали аарн. Один из моих учителей вышел из вашего народа, уважаемый коллега. Я до сих пор благодарен ему за все, чему он меня научил.

– Спасибо, – оскалился Кержак. – Вы знали наших предков?

– Конечно. И сейчас общаюсь с многими из них в сферах Творения.

– Вас туда пускают?! – потрясенно расширились глаза орка.

– Да, – мягко улыбнулся Командор. – После Посвящения и вы сможете ходить туда без труда. Мне не терпится встретиться с вами лицом к лицу, нам есть чему поучиться друг у друга.

Кержак иронично приподнял бровь.

– Я не из тех магов, которые держат свои небольшие знания под большим секретом, – пояснил Илар ран Дар. – Я готов обучать любого способного. Кроме властолюбцев.

– Вот тут полностью согласен! – резко кивнул шаман. – Я вон обучил одного на свою голову...

– Не вы один, – досадливо скривился Командор. – Я тоже наступал на эти грабли. К сожалению, большинство магов – именно властолюбцы.

– Или бесполезные стяжатели знаний, – вздохнул Кержак. – К тому же, многие, изначально бывшие искателями знаний, быстро скатываются к поискам богатства и власти.

– Увы... Потому так трудно найти чистого душой ученика. Мне уже с тысячу лет никто не попадался, пока Касру не встретил. И я страшно рад, что в орден вошел маг вашей силы.

– У меня с собой шесть талантливых учеников, – усмехнулся Кержак. – Гракх при соответствующем обучении вскоре догонит Касру. Впрочем, может, и не догонит, но обещает стать редкостно сильным магом. И душа у мальчишки чистая.

– А после Посвящения станет еще чище, – кивнул Илар ран Дар.

– Хотел бы я только понять, что такое это самое ваше Посвящение...

– Я дам вам все раскладки по сверткам и изменениям вероятностей. Откровенно говоря, давно и с нетерпением ждал, когда найдется кто-нибудь, способный мне помочь. Слишком тяжело мне эти Посвящения даются. А без них – никуда...

– Почему тяжело? – прищурился шаман.

– Болевая отдача, – криво усмехнулся Командор. – Примерно двенадцатого уровня и, как минимум, на шесть-восемь часов.

– Двенадцатого уровня?! – медленно встал на ноги Кержак, у него перехватило дыхание. – Как вы выносите такой кошмар?!

– Не первую тысячу лет уже, – обреченно махнул рукой маг. – Это моя плата. Привык.

– Спаси Создатель от таких привычек... – пробормотал себе под нос старый шаман, снова опускаясь в кресло. – Такую отдачу получает любой, использующий заклинание Посвящения?

– Нет, это лично мое воздаяние, – усмехнулся Командор. – Когда-то я сам был властолюбцем и сотворил слишком много зла. Искупить сделанное тогда совсем непросто. Я и до сих пор себя не простил.

– Вот как? – заинтересованно приподнялись брови Кержака.

– В книгах ваших предков того, кем я был тогда, называли Темным Мастером...

Темный Мастер?! Чудовище из легенд, по вине которого погибли сотни миров?! Миллиарды и миллиарды разумных?!

– Разумный способен измениться, – очень грустно улыбнулся Илар ран Дар. – Я изменился. Слава Создателю, я сумел измениться. Понял, насколько глупа погоня за властью. И остался в пустоте, не понимая, зачем мне жить дальше... А потом пришел Учитель и показал огромный мир, который я просто не видел из-за собственной ограниченности.

– Могущественное существо – этот ваш Учитель, – покачал головой Кержак, еще не пришедший в себя от известия, что Командор и Темный Мастер – одно и то же лицо.

– Вы, конечно, слышали о нем. Высший из мастеров Равновесия.

– М...

– Стойте! – оборвал шамана Командор. – Я вижу, вы поняли, о ком речь. Но не стоит произносить вслух его имя. Кошунственно.

Кержак встал и низко поклонился ученику Великого Учителя. Он был уверен, что Командор не лжет. Плата за такую ложь слишком страшна, никто из магов не решится... Неудивительно, что Великий Учитель сумел перевоспитать даже Темного Мастера. Странно было бы – если б не сумел.

– Я рад, что попал к вам, – дрожащим голосом сказал он. – И помогу вам всем, чем только смогу.

– Он – это он, – усмехнулся Илар. – А я – это я. Я и сейчас совершаю немало ошибок, о которых потом жалею.

– Я заметил, – иронично оскалился Кержак. – Особенно в политике. Вы игнорируете остальных точно так, как игнорировали их мы. Результат известен. Вы хотите, чтобы то же самое случилось и с орденом?

– Нет, не хочу... – покачал головой Командор. – Но раньше другого выхода не видел. Я мечтал создать оазис любви и доброты для тех, кто чище других. Кому нестерпимо больно в мире живущих во имя власти и корысти.

– И вы его создали, – кивнул шаман. – Я преклоняюсь перед вами за это! Но вы недостаточно обезопасили свой оазис, и это упущение.

– Не будем сейчас об этом, – скривился Илар. – Встретимся – поговорим подробнее.

– Хорошо, – усмехнулся Кержак и снова внимательно посмотрел на бессмертного. – Кстати, а что это у ваших аарн за религия такая странная? Вместо Создателя какие-то четверо Благих.

– Не вместо, – возразил Командор. – Благие Защитники – это посредники между верующими и Создателем. Согласен, религия глупая, как, впрочем, и все религии. Там ведь еще Проклятый есть.

– Да, – рассмеялся шаман. – С четырьмя хвостами. Вот уж чушь, так чушь.

– Касра, – обратился Илар к эльфийке. – Погуляй немного, девочка. И не подслушивать! А то я знаю твое неумное любопытство.

Девушка возмущенно фыркнула, но вышла из комнаты.

– Зачем вы ее выставили? – удивился Кержак.

– Не обо всем следует знать ученикам, – проворчал Командор. – А то они такого наворотят...

– Это да, – согласился шаман. – Уж на что-что, а на это ученики вполне способны. Порой такое сотворят – хоть стой, хоть падай.

– Вот и я о том же.

– Но мы говорили всего лишь о религии и о хвостах Проклятого, – пожал плечами Кержак. – Что тут можно наворотить, я не совсем понимаю.

– Были бы на моем месте – поняли. Знали бы вы, как мне смешно, когда мои аарн ругаются хвостами Проклятого. Так и подмывает спросить, откуда у меня хвосты взялись. Учеников, что ли, имели в виду?

– Так вы и есть?.. – ошеломленно откинулся на спинку кресла Кержак.

– Именно! – рассмеялся Командор. – Я и есть тот, кого потом называли Проклятым.

Затем он внезапно стал серьезным.

– А вообще-то, это довольно грустная история...

Шаман молча ждал продолжения.

– Было у одного старого учителя четверо учеников, – Командор заговорил только через пару минут, он с грустью смотрел в никуда, вспоминая, по-видимому, что-то очень ему близкое. – Талантливые и чистые сердцем дети. Они никак не могли смириться с несправедливостью мира, спорили с учителем, который говорил им, что мир не изменишь, что его надо принимать таким как есть. Но горячие юные сердца не могли примириться с окружающей их болью и несправедливостью. Однажды они ушли в мир, надеясь доказать людям, что не следует идти путем зла. Что нужно быть добрее. Вы и сами понимаете, чем это закончилось...

– Их, конечно, убили, – вздохнул шаман.

– Естественно, – горько улыбнулся Командор. – Старый учитель нашел тела учеников и похоронил их, оплакал наивных детей и пошел своей дорогой. Но вот того, что случилось немного позже, предусмотреть не смог.

– И что же произошло? – приподнял бровь Кержак.

– За прошедшее время у беглых учеников появились какие-то последователи, которых учитель счел попросту сумасшедшими и не обратил на них внимания. Очень зря. Эти паскудные последователи сумели всего за два десятка лет выстроить жизнеспособную и очень бойкую церковь, которая с каждым годом становилась все более популярной. Чего никак не ожидал старый учитель – что его объявят Проклятым, а его несчастных учеников – Благими. За что, интересно? До сих пор не могу понять. Но сперва вера в Благих Защитников захватила один мир, а затем как пожар распространилась по всей галактике. Всего через тысячу лет религия Благих стала официальной для большинства обитаемых миров. Странная история, правда?

– Чего только не случается... – покачал головой удивленный шаман. – Этим учителем были вы?

– Я, конечно. Но эта история имела еще одно продолжение.

– Какое?

– Я задумался, а не правы ли эти дети с горящими сердцами? – вздохнул Илар. – И решил попробовать сделать мир добрее – по их примеру. Сколько попыток я предпринял, не буду говорить, но каждая кончалась страшной катастрофой. Кровавой катастрофой. Потом я понял, что не все разумные способны жить в добром мире. Что те, кто не готов, с радостью превратят этот добрый мир в привычную клоаку, в которой им уютно. В которой можно безнаказанно насиловать, грабить и убивать. Тогда я попробовал создать оазис любви и радости для тех, кто добрее и чище других. Так родился орден.

– Понятно... – протянул Кержак, с удивлением глядя на сумрачного Командора. – И это вам удалось, насколько я могу судить.

– Надеюсь, – искривила губы мага ухмылка. – Главное, что мои дети счастливы, а для меня все аарн – мои дети. Вне зависимости от биологического вида. И какую цену за их счастье придется заплатить лично мне, не имеет никакого значения.

Старый шаман снова встал и низко поклонился этому странному существу, сумевшему добиться невозможного. Пусть даже он не прав. Но скольким миллионам разумных он дал любовь и счастье. За одно это ему можно простить все. Самые страшные преступления. Теперь Кержак не удивлялся, что Командору открыт путь в Сферы Творения. Странно, если бы было иначе.

– Ладно, все это лирика, – вздохнул Илар. – Это давно в прошлом. Жду вас на Аарн Сарт, есть многое, что я хочу обсудить. Особенно одно страшное пророчество. Но о нем я не стану говорить по связи, не дай Создатель, кто перехватит. Береженого бог бережет.

– Согласен, – кивнул Кержак. – Я тоже с нетерпением жду личной встречи с вами.

– Теперь о Касре, – улыбнулся Командор, почесав нос. – Огромное вам спасибо за то, что вы взялись обучить ее основам контроля, я очень боюсь за девочку. Особенно после того кошмара, что с ней случился.

– Да разве мне жалко поучить талантливого ребенка? – рассмеялся шаман. – Ничуть. Наоборот, займусь этим с огромным удовольствием, таких встречаешь очень и очень редко.

– Тогда буду прощаться, – вздохнул Илар. – Позовите Касру, если вам не трудно.

Старый шаман ухмыльнулся и кликнул ее. Вскоре на пороге появилась надувшаяся эльфиечка.

– Ну вот, обиделась! – укоризненно покачал головой Командор. – Маленькая моя, не надо стремиться узнать все и сейчас, ничего хорошего из этого не выйдет. И я не хотел тебя обижать, извини.

– Да не обиделась я, Мастер, – появилась на губах Касры почти незаметная улыбка. – Просто удивилась.

– Целую тебя, маленькая! – ласково улыбнулся девушке Илар. – И жду дома! Был очень рад познакомиться с вами, Кержак.

Он еще раз улыбнулся и отключился. Старый шаман вздохнул и заказал себе коньяку. Слишком много невероятного сообщил ему Командор, и это следовало как-то уложить в сознании. Да и урок нужно закончить. Он быстро провел Касру по трем уровням первичных преобразований многомерной вероятности. Девочка схватывала все на лету, Кержак только кряхтел и удивленно покачивал головой. К концу урока можно было уже не опасаться спонтанных выбросов силы, эльфиечка без труда держала в сознании многомерный куб вероятностей, не дающих силе двинуться куда-либо, кроме места, в которое хотела направить ее хозяйка.

Наступило утро. Кержак стоял в туманном зале и смотрел на одну из его стен, превратившуюся в огромный экран. На этом экране плыл укутанный белыми облаками шарик его родной планеты. Старик прощался. Родной мир оставался позади, навсегда позади. Было горько и одновременно радостно. Что ждет его и остальных урук-хай? Этого старый шаман не знал, но искренне надеялся на хорошее.

Шарик планеты дернулся и начал уменьшаться. Дварх-крейсер «Сын Ангела» двинулся в далекий путь к Аарн Сарт.

Глава 3

Просыпаться было очень приятно, казалось, что он колышется в чем-то мягком-мягком. И никто не лупит сапогом в бок с воплем:

– Вставай, недоносок! Хватит дрыхнуть!

Странно даже, Потап никогда не давал малолетнему батраку поспать вдоволь, всегда будил на заре. Может, уехал куда? Ой, если бы... Так надоел, гнида поганая! Еще одно было удивительно – Ваське не хотелось есть. За последние два года он настолько привык к постоянному чувству голода, что его отсутствие просто испугало. Мальчик открыл глаза и ахнул. Он лежал не на привычной куче сена в хозяйском сарае, а в какой-то яме со слизью. Только голова и торчала наружу.

Перепугавшийся до смерти Васька вскочил на ноги и оглянулся. Ой, боженька ты мой... Куда это его черти занесли? Бугристые красные стены вокруг ямы ритмично подрагивали и шевелились. Над головой вместо потолка росла трава. Или что-то похожее на траву, как-то не до нее было.

– О, проснулся! – незнакомый мальчишеский голос лучился смехом. – Я уже замучился тебя ждать. Привет, меня Сандером зовут!

Васька оглянулся на голос и замер, открыв рот. В воздухе перед ним висела доска, на которой сидел какой-то незнакомый рыжий мальчишка, одетый как барчук. Да и сидел он очень странно, это ж надо было так извернуться – подбородок барчука опирался об его собственную ступню. Васька попытался представить, что так выкрутил себе ногу, и только вздрогнул.

– Да не бойсь ты! – засмеялся рыжий. – Забыл, что тебя Иван сюда принес?

Точно! Васька сразу вспомнил все, что случилось вчера. И рассыпанную муку, и кнут в руках Потапа, и старшего брата в белогвардейской форме. А потом... Вот что было потом, он и не помнил. Куда-то его несли, что-то с ним делали, но убей его боженька, если он помнит – что. Теперь вот проснулся. И что дальше? Где он?! И где Иван?! На кой ляд старший брат его к этим белякам припер?

– Да все в порядке! Чего ты боишься? Ты у нас на корабле, теперь вы с братом в ордене, и фиг какой Потап тебя тронуть посмеет. Вставай, покажу, где помыться. Знаешь, как противно будет, коли эта слизь на тебе высохнет? У-у-у...

Только теперь Ваське стало ясно, что он, вообще-то, голый. Прикрыв пах руками, мальчик обиженно надулся и засопел. Потом посмотрел на себя и увидел, что слизь действительно начинает сохнуть и неприятно стягивать кожу. Барчук тем временем спрыгнул с доски и дотронулся рукой до стены, на которой сама по себе появилась открытая дверь. Васька только глазами захлопал, но все же ухватился за протянутую ему рыжим руку и вылез из ямы.

Барчук завел его в какую-то маленькую комнатку с такими же красными стенами и сам разделся, но вот куда он дел одежду, понять не удалось. С потолка ударила теплая вода, как летний ливень прямо. Правда, с водой пролилась еще какая-то пена, и Васька снова перепугался, особенно, когда пена попала в глаза и их начало щипать. Только потом сумел догадаться, что это такое странное мыло. Кое-как помывшись, он начал искать полотенце, но оно не понадобилось. От стен подул горячим воздухом, и мальчишки быстро высохли. В стене снова появилась исчезнувшая было дверь, и они вышли совсем в другое место.

Васька снова только глазами захлопал, он же помнил, что вошел в баню из красной каморки с ямой в полу – а теперь находился в темно-серой круглой комнате с мягкими диванами. Никогда еще юному батраку не доводилось видеть такой роскоши. Он довольно долго стоял с открытым ртом, все пытаясь понять, зачем рыжий барчук привел его сюда.

– Давай одеваться, – заставил мальчишку опомниться голос того. – Держи.

– Это мне?! – глаза Васьки полезли на лоб, барчук протягивал ему черно-серебристую форму, точно такую же, как на нем самом. Когда он и одеться-то успел? Только что ведь голый стоял. Васька снова посмотрел на форму и поежился, вспомнив, что на старшем брате вчера была похожая.

– Тебе-тебе, – рассмеялся странный мальчишка. – Давай, одевайся, я тебе корабль покажу. А то я до сих пор здесь один был, знаешь, как скучно? Взрослые своими делами заняты, им как-то не до меня. Я, коли честно, тебя просто спер. Тебя доктор будить должен был, но я хитрый, я раньше пришел.

– Вы, барин, шо-то не то говорите, – мрачно пробормотал Васька, с подозрением глядя на вовсю лыбящегося барчука. – Попадет же...

– Точно – попадет, – раздался с потолка слегка ворчливый голос. – Вечно ты, Сандер, куда-нибудь не туда влезешь. Вот ведь неугомонный!

– Ой, Асиарх, да чего я такого сделал? Скучно же!

– А кто тебя вообще в боевой вылет звал, красавец ты наш? – голос с потолка стал насмешливым. – Пробрался на корабль зайцем, так изволь теперь дисциплину соблюдать! Вот сейчас как расскажу Релиру...

– Ну, Асиарх... – лицо барчука сделалось испуганным, и Васька понял, что этот Релир тут, кажется, хозяин, и может наказать, если захочет. – Не надо... Я же еще ничего страшного не натворил...

– Ладно уж, – захихикал голос. – Живи пока, так и быть. А ты, Василий, одевайся, раз проснулся. Нечего тут голым расхаживать, у нас на корабле это не принято.

– А в-в-ы к-к-т-т-о? – едва сумел выдать из себя Васька. – В-в-ы г-г-д-д-е?

– Везде. Дотронься до стенки – это уже я. Как бы тебе сказать попроще... Голова я этого корабля, что ли, мозги его. Зовут меня Асиархом. Коли чего надо, можешь смело у меня просить, не обижу. Ладно, оставляю вас пока. Целителей я, так и быть, успокою, а то в госпитале уже переполох поднялся, ищут, куда это их больной подевался.

– Фух! – шумно выдохнул барчук. – Пронесло! Давай одевайся, и будем завтракать. Не знаю как ты, а я жрать хочу, как не знаю кто.

Так ничего и не понявший Васька посмотрел на роскошную форму, не зная, как ее надевать. Она казалась цельной, даже сапоги вырастали прямо из штанин. Ну и что с ней делать, скажите на милость? Сандер хихикнул, подошел и ткнул пальцем в воротник куртки. Форма в руках Васьки сама по себе раскрылась, и он едва не выронил ее. Боженька, да что же это за корабль такой? Что здесь за чудеса творятся? Ой, Ванька, похоже, совсем сдурел на своей войне... Додумался, с кем связываться.

Но деваться было некуда, и он, насупившись, просунул ноги в штанины. Форма налезла словно сама собой, Васька и понять ничего не успел, как оказался полностью одетым. Даже куртка совершенно самостоятельно склеилась до самого подбородка. Зная, как обычно неудобно в новой одежде, он попрыгал немного. Но все оказалось в порядке, форму как на него шили, так хорошо и удобно Ваське не было еще ни в чем.

А потом он вдруг ощутил направленную на него волну дружелюбия и щенячьего восторга. Именно щенячьего, другого слова и не подберешь. Казалось, форма ластится к нему, как ластился прошлым летом симпатичный щенок, которого подарил тятка. Так и хотелось потрепать ее по холке или почесать за ухом. Вот только где у формы холка или ухо? Барчук смотрел на него и откровенно ржал. Васька обиженно сопел, но молчал.

– Да не обижайся ты, Вась! – сказал рыжий, отсмеявшись.

– Нам обижаться не по чину, барин, – мрачно буркнул батрачонок.

– Да какой я тебе барин! Санькой зови.

Ну, Санькой – так Санькой. Снова осторожно покосившись на нового знакомого, Васька незаметно вздохнул – он хорошо знал эту породу мальчишек. Такие вечно лезут без спроса,

куда не положено, и тащат за собой приятелей. А потом попадает именно приятелям, заводилы каким-то образом остаются в стороне. Мишку вон взять, соседского сынка. Ну, точь-в-точь, как этот Санька. Тоже вечно лез то яблоки воровать, то ворота кому дегтем мазать, то еще что. А влетало за это почему-то Ваське. Зато с Мишкой было не скучно. Ладно, раз говорит, что не барин...

– Давай дружить! – протянул ему руку рыжий мальчишка.

– Ну, давай... – ответил Васька и осторожно пожал протянутую руку.

Ха, не барин! Рука-то мягкая, нежная, ни одного мозоля. Впрочем, что-то его насторожило, и мальчик посмотрел на собственную руку. Вот это уже ни в какие ворота не лезло! Его рука тоже стала по-барски мягкой, все мозоли куда-то подевались. Это что за чудеса такие? Форма снова дернулась и сократилась, продолжая ластиться, и Васька вздрогнул. Да что тут такое делается?!

– Наша форма живая, ты ее не бойся, она поначалу все время ластится, привыкает к тебе. Домой доберемся, там что хочешь носить сможешь. Но мы в боевом походе! Значит, форму надо носить, принято так.

Живая? Ой, мать-перемать... Куда это он попал? Одежка у них живая... Васька потряс головой и снова тихо выругался сквозь зубы. Хорошо, что его не слышал Иван, а то бы так и врезал по губам за похабные слова. Сандер тем временем подошел к столу и что-то сделал, Васька не понял – что, но стол заполнился парящими блюдами со всякими барскими кушаньями.

– Садись, угощайся! – снова обратился к нему новый приятель.

Васька подошел и осторожно присел на край мягкого кресла, чувствуя себя очень неуютно. Он никак не мог решиться взять что-нибудь, только смотрел на всю эту роскошь и глотал слюнки. Но поверить в то, что это предлагают ему, не мог. Санька долго смотрел на него, потом фыркнул, навалил в стоящую перед Васькой тарелку кучу всего и подвинул ему под самый нос.

Мальчик смотрел, смотрел, но, в конце концов, не выдержал и начал есть. Правда, не слишком даже замечая, что ест, все оказалось настолько вкусным, что он едва не подавился. Санька подсунул ему стакан с каким-то синим соком, и Васька залпом выпил. И едва не выплюнул обратно – ну и кислятина же! Но нашлось и кое-что сладкое. Только неясно, что это было. Мальчик ел, одновременно пытаясь понять, зачем он здесь и кому понадобился. Сандер сказал, что они на корабле. Но корабли ведь в море плавают. А от их деревни до моря месяц ехать надобно!

– Мы не в море, – заявил вдруг новый приятель, оторвавшись от тарелки. – Мы в небе.

Васька только молча покрутил пальцем у виска, показывая, что он думает по поводу этого заявления. Санька захихикал и принялся рассказывать. От услышанного рот у Васьки открылся сам собой. Тысячи миров в небесах? Летающие между ними на огромных небесных кораблях люди? Все остальное он просто не понял. Понял только, что эти звездные бродяги собирают к себе отовсюду людей, попавших в беду и не злых. И что их с Иваном тоже взяли, и теперь им бояться нечего. Но вот верить ли во все это? Васька не знал. Ладно, пока кормят и не бьют, можно и поглядеть. Все лучше, чем от Потапа зуботычины огревать.

– Ну что, пошли? – Сандер приплясывал от нетерпения, так ему хотелось похвастаться перед новым другом чудесами дварх-крейсера.

– Ну, пошли...

Прямо на стене бесшумно завертелась черная воронка, и Сандер, ухватив Ваську за руку, прыгнул в нее. Тот даже испугаться не успел, как оказался стоящим на широкой черной дорожке, висящей прямо в воздухе. Дорожка извивалась, скручивалась в спираль, разделялась на несколько и снова сходилась воедино. В воздухе вокруг нее висели какие-то неровные игольчатые шары. Их иглы постоянно дергались и сокращались, вокруг них то и дело возникал

разноцветный туман, и проскакивали столь же разноцветные молнии. Васька застыл на месте, вытаращив глаза и раскрыв рот. Он что, в аду? Да нет, чертей с вилами и котлов с грешниками не видно. Потом осторожно заглянул через край дорожки и не увидел пола: насколько хватало взгляда, вниз тянулись все те же дорожки и игольчатые шары.

– А это чего? – спросил Васька, показав на один из шаров, страх потихоньку растворился, и его место заняло все растущее любопытство.

– Энергоцентр, – ответил Сандер, но натолкнулся на непонимающий взгляд и попытался объяснить проще. – Корабль тоже кушать хочет. А через эти шары ему из дому передают то, что он ест. Понял?

Чего ж тут непонятного? Понятно, корабль кушает через шарики. Вот только Васька никогда еще не слышал, чтобы корабли или лодки что-либо ели, но мало ли чего тут может быть. Если у них даже одежка живая, вон как ластится. Чуть не мурлычет. Но что, интересно, может есть корабль? Он же такой большой...

– Гляди, Вась, чего я тебе покажу! – привлек его внимание голос Сандера.

Рыжий стоял на краю дорожки, подняв руки. Немного постоял и вдруг рыбкой бросился вниз. Васька вскрикнул и рванулся за ним, пытаясь удержать нового приятеля, но не успел. Подошвы ботинок Саньки мелькнули перед самым носом, и он сам едва не упал. С ужасом следя за падающим, Васька крестился и тихо молился про себя. А рыжий падал прямо на один из шаров. Только по мере приближения к нему человеческого тела становилось понятно, насколько велик этот шар. Да любая из его игл толще Сандера раз в десять!

Падающий мальчишка что-то восторженно вопил и размахивал руками. Он ужом вертелся в воздухе, вытворяя такие кульбиты, что Васька только вскрикивал от восторга и ужаса. С иглы, на которую падал Сандер, вдруг сорвалась ярко-алая молния и ударила прямо в него. Казалось бы, от наглеца после этого должен остаться только пепел, но нет. Его понесло в другую сторону, и через какую-то минуту смеющийся мальчишка стоял на другой дорожке саженей на двести ниже.

– Видишь, как классно! – закричал он. – Не бойся, прыгай!

Ага, прыгай... Страшно. Но и показаться трусом новому другу тоже не хотелось. Раз он говорит, что ничего страшного, то, наверное, не врет. С ним же ничего не случилось. Васька стал на самом краю дорожки, зажмурился, набрался решимости и сиганул вниз. Его завертело в воздухе, все закрутилось перед глазами. Один из шаров с каждым мигмом становился все ближе и ближе, вот он уже закрыл собой весь горизонт, казалось, сейчас Васька врежется в него и разобьется. Но в последний момент с одной из игл шара сорвалась синяя молния, и мальчишку окутало мягкое сияние. Не успел он опомниться, как его снова бешено завертело и выбросило на одну из дорожек. Не удержавшись на ногах, Васька приземлился на пятую точку. Да... Страшно, но как здорово! Прав был Сандер.

– Так... – донесся до него чей-то голос. – И что это у нас такое?

Васька поднял голову и увидел очень удивленное лицо человека с черной кожей и белыми волосами. Ой, арап... Один раз тятка возил его в город на ярмарку, и там в цирке он видел арапа. Но тот был совсем не такой. Толстый, вывернутые губы и плоский нос. А этот... Прям барин.

– Откуда ты здесь взялся, отрок? – спросил арап, укоризненно покачивая головой. – И кто надоумил тебя с дорожек прыгать? Если бы здесь был этот юный разбойник Сандер, я бы все понял. Но ты-то только вчера на корабль попал!

– Васята... – вышел вперед Иван. – Ты шо тут делаешь, а? Ты ж в госпитале ишшо должен быть!

– Дык... Я... Это...

Васька хлопал глазами и тихо ругался про себя. Похоже, прыгать было нельзя, и за это сейчас здорово влетит, но ябедничать он тоже не собирался. Нет, ну надо же было так повезти,

чтобы Ивану прямо под ноги свалиться? Вот возьмет сейчас ремень, и будет весело. За Ванькой не заржавеет. А что рука у старшего брата тяжелая, Васька хорошо знал, доводилось отхватывать. Эх, не повезло...

– Вася не виноват, – раздался вдруг сбоку голос Сандера, и тот, сделав двойное сальто, приземлился на дорожку. – Это я его сюда привел.

– Так и знал, что без тебя, разбойник, здесь не обошлось! – со смешком сказал арап. – Ну куда же без тебя-то, когда какую шкodu сотворить надобно? Ох, Сандер, ну когда же ты хоть немного думать начнешь? А упал бы Василий? Костей бы не собрал!

– Упал? – переспросил нахмурившийся Иван.

– А вы посмотрите вниз.

– Мать твою! – выругался красноармеец, заглянув за край дорожки. – Это что ж они, прямо туда сигали?

– Именно так, – кивнул Релир. – На один из шаров, в тех срабатывала система безопасности, и мальцов выбрасывало на другую дорожку. А если бы промахнулись мимо шара? Тогда что? До пола ведь две версты. Только мокрое пятно осталось бы.

– Ну, Васята... – протянул ошеломленный Иван. – Мало Потап тебя драл. Придется, пожалуй, от себя добавить.

Васька тяжело вздохнул и потер многострадальную задницу, которой вскоре, похоже, опять достанется.

– Не надо, – усмехнулся Релир. – Он и так уже все понял. Это Сандер виноват. Мало того, что всех Целителей до смерти перепугал, вытащив вашего брата из ти-анх раньше времени, так еще и сюда его привел. Ну, ни капли совести!

Виновник происшествия ковырял носком ботинка дорожку, делая вид, что он здесь вообще ни при чем. Релир скептически поглядывал на него, прекрасно, по-видимому, зная, чего от этого «ангелочка» ждать.

– Асиарх... – устало позвал он. – Ну ладно, эти два юных разбойника, но ты-то?!

– А что я? – возмутился непонятно откуда дварх. – Релир, не думаешь же ты, что я хоть на минуту выпускал их из виду? Ничего бы с ними не случилось.

– Иногда мне кажется, – тяжело вздохнул дварх-полковник, – что, несмотря на твои две тысячи лет, ты еще больший мальчишка, чем Сандер. Как ты вообще мог допустить, чтобы на борт пробрался заяц? Не верю, что ты не знал о нем!

– Знал, конечно... – тихонько захихикал Асиарх. – А ты никогда не интересовался, кем обычно становятся мальчишки и девчонки, достаточно смелые, чтобы пробраться на уходящий в боевой рейд корабль? Поинтересуйся, не повредит.

Релир на секунду задумался, потом повернулся к продолжающему ковырять ботинком пол Сандеру. В его глазах горело изумление.

– Прирожденный пилот?! Ты уверен?!

– Полностью, – заявил Асиарх. – У него дар. Тех, у кого нет дара прирожденного пилота, любой дварх завернет обратно, нечего им на крейсерах до совершеннолетия делать. А вот прирожденные пилоты – совсем другое дело!

– Понятно.

– Самое интересное, что его новый друг такой же. Я это понял, когда Василий прыгнул вслед за Сандером, мне управляющие синапсы обожгло от силы его дара.

– Что ж, Иван, – повернулся к ничего не понимающему красноармейцу Релир. – Поздравляю, у вашего младшего брата очень редкий и очень ценный талант.

– Талант?

– Да, через несколько лет он сможет водить в космосе все, что способно летать. А лам-истребители вообще могут пилотировать только такие, как он. Я думаю, что сразу по прилету домой следует определить этих двух приятелей в летную школу. Хотя туда обычно принимают

только с четырнадцати, но для прирожденных пилотов сделают исключение. А то эта парочка без должного присмотра крейсер угнать способна.

– Не понимаю, – буркнул Иван. – Но школа лишней не будет, чему бы там ни учили. Мож, хоть чуток к порядку приучат. Совсем без меня разбаловался!

– Да шо я, Вань, – смущенно пробормотал Васька, понявший, что драть его сейчас не станут, и чрезвычайно обрадовавшийся данному обстоятельству. – Я ж ничо... Не буду я больше...

– Ты лучше поменьше этого юного разбойника слушай, – ответил вместо его брата Релир. – Он, хоть и прирожденный пилот, но отъявленный разгильдяй.

Потом он повернулся к Сандеру, на лице которого был написан восторг.

– Не сильно-то радуйся, драгоценный ты наш, – мрачно сказал дварх-полковник. – Если ты в летной школе попытаешься учинить что-то в этом роде, к тебе дварха персонального приставят. А то и отчислят. Учись видеть последствия собственных поступков и хоть немного думать перед тем, как делать.

Тот кивнул, но с его лица не сходило восторженное выражение. Никогда Сандер не думал, что может оказаться носителем столь редкого дара, как дар прирожденного пилота. Радость от осознания этого затмевала собой все.

– Да, – вздохнул Релир. – С тобой сейчас говорить совершенно бесполезно. Значит, так. Забирай Василия и марш в информаторий! Если еще полезешь в энергоцентр до окончания рейса, сильно пожалеешь. Я тебе это обещаю. Асиарх!

– Да?

– Для Сандера с этого момента закрыт доступ в энергоцентр. Это приказ!

– Ладно... – с недоумением протянул дварх. – Будет сделано. Но я не понимаю, ничего бы с ними под моим присмотром не случилось.

– Может, и так, – раздраженно бросил Релир. – Но лучше перестраховаться. Ты забыл уже, как двое подобных этому обормоту крейсер взорвали? Чисто случайно! Хорошо хоть, никто не погиб.

– Прости, действительно забыл... – в голосе Асиарха звучало смущение. – Ладно, я все понял. Буду следить внимательнее.

– Вот и хорошо. А вы двое – брысь отсюда!

Перед Васькой возникла черная воронка, и он без сомнений прыгнул в нее. Все лучше, чем оставаться рядом с сердитым арапом и многообещающе поглядывающим на младшего брата Иваном. А вдруг передумает и выдерет? Нет, лучше подальше быть. Сандер последовал за ним, тоже предпочитая скрыться с глаз Релира, пока дварх-полковник в таком состоянии. Оказавшись в каком-то небольшом зале, Васька повернулся к новому приятелю и процедил сквозь зубы:

– Надавать бы тебе по шее...

– Ну, извини... – развел руками Сандер. – Кто мог знать, что тебя угораздит под ноги самому Релиру свалиться? Да и Асиарх... Он дядька, конечно, хороший, но до ужаса вредный. Не мог сказать, что новичков как раз в энергоцентр повели!

– Мог, – раздался с потолка ехидный голос дварха. – Но хотел, чтобы ты научился сперва думать, а потом уже делать. Будущему пилоту это никак не повредит.

– Так я и вправду прирожденный пилот? – с восторгом вскрикнул Сандер.

– А ты думал, иначе я тебя на корабль пустил бы? Ха! Три раза ха! Ты бы с первой внешней станции домой отправился. С чего я тебя так опекаю, а? Не задумывался?

– У-р-р-р-а-а-а! – завопил Сандер и запрыгал на одной ноге. Васька даже уши зажал.

– Ну, и чего орешь? – спросил он, увидев, что приятель немного успокоился.

– Тебе тоже орать стоит. Слыхал, чего Релир сказал? Нас обоих в летную школу отправляют сразу по возвращении домой! Тебе только Посвящение пройти надо будет.

– А шо такое летная школа?

– Летать будут учить на всем, что летает. От метлы до крейсера!

Летать?! Неужели безумная мечта деревенского мальчишки может сбыться? С тех пор, как на ярмарке в городе Васька впервые увидел аэроплан, он бредил небом. Про себя, конечно. Прекрасно понимал невозможность выучиться на авиатора. Да и тятка только ругался в ответ на восторги сына и мрачно бормотал: «Нам оно не надобно!». А здесь его берут и посылают в летную школу? Вот бы там было не хуже, чем в Качинской... О ней ему рассказывал пилот, которого после посадки на поле за городом буквально облепили местные мальчишки. Ваське тогда даже удалось дотронуться до человека, побывавшего в небе. Если Сандер не брешет, то это действительно здорово!

Только вот бы еще понять, где они с Иваном вообще оказались, и кто эти люди. Ладно, там посмотрим. Он вздохнул и пошел за Сандером в снова возникшую на стене воронку, уже ничуть не боясь ее.

* * *

– Ну, надо же, уже спелись! – сокрушался Релир. – И как эти малолетние бандиты друга находят? Вы даже представить себе не можете, сколько проблем способен создать один шкодливый мальчишка на корабле! А уж теперь, когда их двое...

– Не, – усмехнулся Иван, – Васята тихо сидеть будет. Он меня знает, ремня в случае чего не пожалею.

– Ох, – вздохнул дварх-полковник. – Иногда мне кажется, что не повредило бы. Да только не принято это у нас.

Он обреченно махнул рукой и сказал:

– Ладно, идемте дальше. Из-за этих двух охламонов я вам так и не рассказал, где мы сейчас. Сами понимаете, что любому кораблю, хоть морскому, хоть звездному, нужно топливо, чтобы двигаться вперед. Вот эти шары и принимают по гиперканалам необходимую энергию с Аарн Сарт, запасают ее, а Асиарх распределяет по мере надобности.

Даша слушала его в пол-уха. Не то чтоб ей было не интересно, просто слишком многое за это утро она успела увидеть. Настолько много, что даже запомнить все было физически невозможно. Девушка уже немного представляла себе размеры дварх-крейсера, и не могла понять, как корабль может быть таким большим. По словам Релира, его длина составляла больше пятидесяти верст! Даже ей было понятно, что крейсер никогда не опускался вниз, все время находясь в космосе. Не было у огромного корабля такой возможности, его бы просто расплющило при посадке. Но самое удивительное – крейсер был живым. В какой-то другой Вселенной существовало загадочное место, где в недрах разумных туманностей Мастера Жизни ордена создавали зародыши будущих дварх-крейсеров и выращивали их. Но полноценным корабль становился только после того, как в нем поселялся дварх и становился его разумом. Или душой, если угодно.

Двархи. Странная раса, никогда не имевшая тел, но способная, если возникало желание, сделать своим телом что угодно. Каким-то образом Командор заинтересовал их в свое время, и они согласились стать душами боевых крейсеров ордена, хотя, судя по словам Релира, особого труда это не составило. Бестелесные отличались редкостным любопытством, и у себя дома чаще всего страшно скучали, все вокруг было привычно. Поскольку Даша успела познакомиться с Асиархом, то не удивилась этому. Его любопытство действительно превышало все возможные пределы. И это при том, что странному существу перевалило за две тысячи лет...

Кто-то подошел сзади, и Даша увидела Ару. Та весь день не отходила от утешительницы даже на шаг, и это было, в общем-то, неплохо. По крайней мере, с ее черным отчаянием удалось справиться. Да, Ара часто плакала, но умирать уже не собиралась. Слава Господу, опомнилась!

Однако следить за ней стоит очень внимательно, чтобы не случилось рецидива – такое тоже бывает. Поэтому хорошо, что девочка все время на глазах.

Решив отложить размышления на потом, Даша снова обратила внимание на окружающее. Релир за прошедшее время увел группу новичков из энергоцентра, и сейчас они находились в каком-то круглом зале, заставленном черными низкими креслами. Потолка у зала, похоже, не было. Казалось, открытый космос тысячами глаз заглядывал внутрь корабля. Девушка с восторгом уставилась в звездное небо, она и не думала, что звезды могут быть такими яркими. И сколько их!

Насколько она знала, дварх-крейсер еще ночью ушел из закрытой области пространства и теперь на полной скорости летел к звездному скоплению Аарн Сарт. Хотелось бы Даше понять, почему Земля оказалась закрыта от внешнего мира, и как такое вообще могло произойти. Но если этого не знали даже ученые ордена, то откуда знать ей?

– А что находится здесь? – поинтересовался штабс-капитан Ненашев.

– Зал Посвящений, – ответил Релир. – Он есть на каждом крейсере, но используется только в случае присутствия на борту Командора. Больше ни один маг, к сожалению, не способен провести Посвящение.

– Не верю я в магию, – покачал головой контрразведчик.

– Магия – это всего лишь прямое мышледействие. Как бы вам объяснить... Пожалуй, так. Нам для того, чтобы воплотить какую-нибудь из наших идей в реальность, нужны инструменты и приложенный к ним труд. Например, посредством их применения дом, придуманный архитектором, становится реальным домом. Тогда как магу не нужны инструменты, он воплощает свои идеи силой своего мозга, напрямую изменяя состояние материи. Ученые обычно называют магов ментатами, но ни один из них не сумел понять, как маги делают все то, на что способны. Однако существование людей, способных силой мысли изменять окружающую их действительность – объективная реальность.

– То есть, – недоверчиво спросил Ненашев, – никаких заклинаний и тому подобной чуши? Они просто создают что-то из ничего силой мысли?

– Не из ничего, – усмехнулся дварх-полковник. – Все вокруг состоит из одних и тех же атомов. Нужно всего лишь расположить их немного в другом порядке. Именно это и делает мозг мага, когда он произносит заклинание. Ведь заклинание – это всего лишь формула, позволяющая произвести определенную последовательность действий. Но великие маги в заклинаниях не нуждаются, они напрямую управляют вероятностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.